

Российский университет дружбы народов

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

СЕРИЯ
ЛИНГВИСТИКА

том 20 № 1 (2016)

Научный журнал

Основан в 1993 г.

Серия издается с 1997 г.

Главный редактор

Т.В. Ларина, доктор филол. наук, профессор, РУДН

Заместитель главного редактора

В.Н. Денисенко, доктор филол. наук, профессор, РУДН

Ответственный секретарь

А.С. Борисова, кандидат филол. наук, доцент, РУДН

Члены редакционной коллегии

Лаура Альба-Хуес, Национальный университет дистанционного образования (Мадрид, Испания)

Богданова Людмила Ивановна, доктор филол. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филол. наук, профессор, Гранадский университет (Испания)

Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Мария Еленевская, доктор, Технион — Израильский институт технологии

Жельвис Владимир Ильич, доктор филол. наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Зализняк Анна Андреевна, доктор филол. наук, главный научный сотрудник, Институт языкознания Российской академии наук

Иванова Светлана Викторовна, доктор филол. наук, профессор, Башкирский государственный университет

Карасик Владимир Ильич, доктор филол. наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Иштван Кечкеш, профессор, Университет штата Нью-Йорк (Олбани, США), президент Американской ассоциации прагматики

Анета Павленко, профессор, Темплский университет (США), президент Американской ассоциации прикладной лингвистики

Красина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор, РУДН

Лассан Элеонора, профессор, Вильнюсский университет (Литва)

Михеева Наталья Фёдоровна, доктор филол. наук, профессор, Российский университет дружбы народов

Мартин Путиц, профессор, Университет Кобленц — Ландау (Германия)

Дуглас Марк Понтон, доктор, Университет Катании (Италия)

Нилакши Сурьянараян, профессор, Делийский университет (Индия)

Клаус Шнайдер, профессор, Боннский университет (Германия), президент Немецкой ассоциации изучения английского языка

Эбзеева Юлия Николаевна, кандидат филол. наук, доцент, РУДН

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

VESTNIK RUDN

VOLUME 20 NUMBER 1 (2016)

Founded in 1997

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Tatiana Larina

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Vladimir Denisenko

EXECUTIVE SECRETARY

Dr. Anna Borissova

EDITORIAL BOARD

Prof. Laura Alba-Juez, National Distance Education University (Madrid, Spain)

Prof. Liudmila Bogdanova, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Prof. Vadim Dementyev, Saratov State University (Russia)

Dr. Julia Ebzeeva, Peoples' Friendship University of Russia

Prof. Svetlana Ivanova, Baskir State University

Prof. Vladimir Karasik, Volgograd State Social Pedagogical University (Russia)

Prof. Istvan Kecskes, State University of New York at Albany (USA), President of American Pragmatics Association

Prof. Elena Krasina, Peoples' Friendship University of Russia

Prof. Eleonora Lissan, Vilnius University (Lithuania)

Prof. Natalya Mikheeva, Peoples' Friendship University of Russia

Prof. Aneta Pavlenko, Temple University (USA), President of American Association of Applied Linguistics

Dr. Douglas Mark Ponton, University of Catania (Italy)

Prof. Martin Pütz, University of Koblenz-Landau (Germany)

Prof. Klaus Schneider, University of Bonn (Germany), President of German Association for the Study of English

Prof. Neelakshi Suryanarayan, Delhi University (India)

Prof. Rafael Guzman Tirado, University of Granada (Spain)

Dr. Maria Yelenevskaya, Technion — Israel Institute of Technology

Dr. Anna Zalizniak, Senior Researcher, the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow

Prof. Vladimir Zhelvis, Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

- Дементьев В.В. (Саратов, Россия)** — Некоторые методологические принципы изучения речевых жанровых заимствований 7
- Болсуновская Л.М. (Томск, Россия)** — Анализ подходов к изучению жанров англоязычного инженерного дискурса 25

ТЕКСТ И ДИСКУРС

- Ремчукова Е.Н., Шевченко О.А. (Москва, Россия)** — Лингвокреативные составляющие печатных СМИ Испании в аспекте отношений «Адресант — Адресат» 33
- Гайнаншин М.Ф., Чанышева З.З. (Уфа, Россия)** — Интердискурсивный характер смыслового развертывания кореферентных метафор 43
- Горностаева А.А. (Москва, Россия)** — Место иронии в речевых портретах современных политических деятелей 57

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

- Дмитриева Е.Г. (Москва, Россия)** — На романско-германском пограничье: эволюция и современное состояние французского языка в Люксембурге 77
- Букина Л.М. (Коломна, Россия)** — Внешняя и внутренняя обусловленность языкового заимствования 89
- Цзинь Тао (Москва, Россия)** — Геометризованное представление о «нарушении нормы» в языковом сознании 100

ХРОНИКА

Рецензии

- Иванова М.В. (Москва, Россия)** — И.Б. Александрова. *Учебный словарь по лексикологии*. — М.: Медиамир, 2014. — 328 с. 114
- Щирова И.А. (Санкт-Петербург, Россия)** — З.Я. Тураева. *От мастерства писателя к открытиям читателя. В поисках сущности текста*. — М.: URSS, 2016 117

Конференции

- Иванова С.В. (Уфа, Россия)** — Постигание тайны языка продолжается: о международной конференции «Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия». Москва, 19—21 ноября 2015 г. 124
- Дубровская Т.В. (Пенза, Россия)** — О роли контекста в профессиональной и публичной коммуникации: обзор междисциплинарного семинара “Professional and Public Communication: Meaning in Context” г. Торунь, Польша, 16—19 октября 2015 128

Объявления 133

Наши авторы 136

CONTENTS

SPEECH GENRES THEORY

Vadim Demytyev (Saratov, Russia) — Some Methodological Principles of Study on Speech Genre Borrowings 7

Lyudmila Bolsunovskaya (Tomsk, Russia) — Approaches to Genre Analysis of English Engineering Discourse 25

TEXT AND DISCOURSE

Elena Remchukova, Olga Shevchenko (Moscow, Russia) — Linguocreative components of the Spanish print media in the communicative aspect of “addresser-addressee” 33

Mansur Gainanshin, Zulfira Chanysheva (Ufa, Russia) — Interdiscursive Character of Semantic Development of Coreferential Metaphors 43

Anna Gornostaeva (Moscow, Russia) — The Place of Irony in the Speech Portrait of a Modern Politician 57

SOCIOLINGUISTICS

Elena Dmitrieva (Moscow, Russia) — On the Latinian-Germanic Frontier: the Evolution and the Actual Condition of the French Language in Luxembourg 77

Liliya Bukina (Kolomna, Russia) — External and Internal Conditionality of Language Borrowing 89

Tao Tszin (Moscow, Russia) — Geometrician View of “Violation of Norms” in the Linguistic Consciousness 100

CHRONICLE

Book reviews

Maria Ivanova (Moscow, Russia) — Aleksandrova I.B. Lexicological Learning Dictionary. Moscow, 2014. 328 P. 114

Irina Shchirova (St. Petersburg, Russia) — “From the Writer’s Skill to the Reader’s Discoveries. In Search of the Essence of a Text”. — M.: URSS, 2016 117

Conferences

Svetlana V. Ivanova (Ufa, Russia) — The Comprehension of the Mystery of the Language Continues: On the International Conference “The Language of Cultural Linguistics: Theory vs. Empiricism”. Moscow, November 19—21, 2015 124

Tatiana V. Dubrovskaya (Penza, Russia) — Discussing Context of Professional and Public Communication: Review of Interdisciplinary Seminar “Professional and Public Communication: Meaning in Context” Toruń, Poland, October 16—19, 2015 128

Announcements 133

CONTRIBUTORS 136

© Peoples’ Friendship University of Russia, Publishing House, 2016
© Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN, 2016

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕЖАНРОВЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ*

В.В. Дементьев

Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
Институт филологии и журналистики
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
ул. Астраханская, 83, Саратов, Россия, 410012

В статье формулируются методологические принципы одного из направлений лингвистического жанроведения — изучения заимствования речевых жанров, которое является одной из важнейших и одновременно одной из наименее изученных проблем лингвокультурологического и компаративно-жанроведения. Обсуждаются положения современной теории речевых жанров, значимые для данной проблемы, а также, с этой же точки зрения, параметры предлагаемой модели представления речежанровой картины современности. По данной модели рассматриваются сферы и типы заимствуемых жанров через призму глобализации. Лингвистические особенности некоторых заимствованных речевых жанров подробно анализируются с использованием экспериментальных методик.

Ключевые слова: теория речевых жанров, речежанровая картина современности, глобализация, заимствование речевых жанров, экспериментальные методики.

1. ВСТУПЛЕНИЕ

В статье формулируются методологические принципы одного из новейших направлений лингвистического жанроведения — изучения заимствования речевых жанров (далее — РЖ).

Заимствование РЖ является одной из важнейших и одновременно одной из наименее изученных проблем лингвокультурологического и компаративного исследования РЖ. Только лексический аспект заимствования РЖ — заимствование имен жанров — является относительно хорошо рассмотренным в комплексе лингвистических дисциплин, в рамках которых на протяжении XX в. изучались языковые заимствования и смежные явления, такие как интерференция и конверген-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по заданию № 2014/203, код проекта 1549.

ция: теория языковых контактов, ареальная лингвистика, изучение языковых союзов (в данных направлениях преимущественно рассматривались именно лексические заимствования) [7; 29; 32; 33]; в последние годы активно исследуются когнитивные аспекты лексико-семантических заимствований [17; 18]). (Литературоведческая проблема заимствования и распространения за национальные границы художественных жанров и направлений здесь не рассматривается. Данная проблема в целом хорошо изучена еще начиная с раннего Средневековья, когда в Европе стали осваивать как традиции античного эпоса, так и традиции античного театра, — см., например: [1; 26; 27].) Остальные же заимствуемые и интерферирующие явления и механизмы: коммуникативно-речевые практики и стили, иллюкативные акты и интеракции, стратегии и тактики коммуникативного взаимодействия, наконец, конкретные языковые средства наполнения и структурирования высказывания, включая стандартные формулы типов и стадий диалогического общения, — изучены гораздо хуже. В общей теоретической плоскости, как некое системное явление данные аспекты практически не осмыслились. В целом в названном выше комплексе дисциплин заимствованию элементов речевой системности, куда относятся РЖ, уделялось мало внимания.

Данное ограничение начинает исправляться только в современных работах по теории речевых жанров, хотя небыстро и не всегда последовательно. Многие механизмы заимствования являются общими для лексики и РЖ. Как и в случае лексических заимствований, заимствование РЖ вызывает изменения в языке-реципиенте, начиная от формального и в целом незначительного заимствования единиц языка/речи при в целом сохранении традиционных систем и норм — до видоизменения системы, включая переосмысление таких общих категорий, как система коммуникативных приоритетов и ценностей, представлений о хороших межличностных отношениях, гармонизирующем общении, проявлении уважения, а отсюда — о вежливости и этикете. Как и лексема/идиома, жанр может заимствоваться в оригинальном виде либо (накладываясь на существующую в культуре-реципиенте систему) довольно сильно видоизменяться, в результате может возникнуть принципиально новый жанр, отсутствующий в культуре-доноре.

Изучение заимствования РЖ входит в более общее направление лингвистического жанроведения — **представление и исследование коммуникативно-речевой современности через призму ТРЖ**, в основе которого лежат идеи М.М. Бахтина (РЖ как «приводные ремни от истории общества к истории языка» [5. С. 165]), А. Вежбицкой («Речевые жанры, выделенные данным языком, являются... одним из лучших ключей к культуре данного общества» [8. С. 111]) и др. Поэтому для изучения заимствования РЖ может быть эффективно использована методика, которая разрабатывалась в рамках данного направления жанроведения, как внутри какой-либо одной языковой ситуации (например российской), так и за ее пределами (региональной, идиоэтнической, глобальной: здесь на первый план выходит сравнительный аспект, взаимовлияние культур, заимствование их элементов, включая РЖ).

2. МОДЕЛЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕЧЕЖАНРОВОЙ КАРТИНЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Перечислим **положения**, разработанные в рамках различных направлений современной ТРЖ, на которые опирается речевая картина современности (о развитии и современном состоянии ТРЖ в России и за ее пределами см., например, в [11; 13; 19; 20; 21], журнале «Жанры речи» (в 1997—2012 гг. — серийный сборник, с 2013 — международный журнал. Онлайн-версию журнала см.: <http://zhanry-rechi.sgu.ru>, сборника — <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi>)).

◆ Набор (система) жанров, существующих в данной культуре в данный период, является важнейшей частью своеобразия данной культуры, данного коммуникативного пространства, речи и языка (и их отдельных сфер, таких как повседневное общение, научное, деловое, сфера политики, рекламы и т.п.).

◆ Данный набор обусловлен общим состоянием культуры и ее составляющих, где важнейшими являются социальные факторы (структура общества, социальные институты, коммуникативные ценности и представления о допустимом и недопустимом, «хорошем» и «плохом» в общественном поведении, официальных и межличностных отношениях), а также, так сказать, социальное преломление всех остальных факторов (экономики, технологии, маркетинга).

◆ Трансформации РЖ, вызванные появлением новых сфер, условий и средств коммуникации, идут по законам **речевых вторичности**, впервые описанным М.М. Бахтиным [5. С. 161—170]. Вторичные РЖ, с одной стороны, являются новыми жанрами, с другой — сохраняют отношения производности с соответствующими первичными. На этом основании, в частности, строится большинство современных классификаций вторичных РЖ (см. обзоры в [10; 11. С. 164—184]), например, выделяется **диахроническая речевая вторичность**, предполагающая отношения последовательности во времени между первичными и вторичными жанрами (противопоставление *речевых* и *риторических*, *прямых* и *косвенных*, *выучиваемых* и *невыучиваемых* жанров), и **синхроническая** (противопоставление речевых единиц разных уровней абстракции, таких как, например, *речевой акт*, *субжанр*, *жанр*, *гипержанр*) [Там же]. Такой подход позволяет точнее понять целый ряд речевых явлений начала XXI в. (например интернет-жанры, появление которых, казалось бы, никак не мог предвидеть Бахтин).

◆ Не менее принципиальной для представления речевых картин современности является другая типология РЖ, также предложенная Бахтиным, — разграничение стандартизированных жанров типа *приветствия* и *поздравления*, где говорящий очень мало что может привнести от себя, и более свободных жанров [5. С. 187]. Именно свободные, не жесткие жанры, способные к творческому использованию, варьированию, следуют за изменениями жизни и коммуникации — жесткие жанры на это неспособны и в изменившихся условиях либо порождают вторичные РЖ, либо утрачиваются, заменяясь на совсем новые (иногда — заимствованные) (ср. этикетные жанры в дореволюционной России, СССР и постсоветской России). Существуют РЖ, которым, для того чтобы они были ус-

пешны, необходим творческий момент: *тост, розыгрыш, буриме, новые имиджборды, «пирожки» и «порошки»*.

◆ Набор новых РЖ, составляющих своеобразие новых периодов, может пополняться за счет заимствований из других культур [1; 25; 28]. Значимыми являются взаимные отношения между культурами, тенденции к одностороннему или двустороннему влиянию; для настоящего периода, несомненно, одной из наиболее существенных особенностей является глобализация.

В.И. Карасик определяет глобализацию как «унификацию мировой культуры под воздействием доминирующего цивилизационного направления» [14. С. 103], которое, по мнению исследователя, в настоящее время составляют «модели поведения среднего класса США (здесь и далее разрядка моя. — В.Д.): эти модели поведения отличаются приоритетом действия по отношению к созерцанию, высокой мобильностью и состязательностью, подчеркнутым стремлением к независимости, материалистической прагматичностью» [Там же]. В.И. Карасик выделяет основные коммуникативные проявления чужой современной культуры: 1) экспансия чужого языка и чужих коммуникативных паттернов в различные типы дискурса на родном языке; 2) расширение сферы массовой культуры как основного проводника глобализации в ее жанровом многообразии; 3) трансформация ценностей в сознании носителей языка и культуры под влиянием процессов глобализации [Там же. С. 105], а также сферы коммуникации, в меньшей и большей степени открытые для интернационализации общения: с точки зрения исследователя, максимально открытой такой сферой является научно-технический дискурс, максимально закрытой — художественный дискурс [Там же]. Но прежде всего, по мнению В.И. Карасика, глобализация осуществляется через современную массовую культуру, а в коммуникативном плане для нее особенно актуальны массово-информационный и рекламный типы дискурса [Там же. С. 108].

Глобализация обуславливает целый ряд особенностей речевых жанров. Так, с одной стороны, процессы, выявленные для новых РЖ в одной культуре (например русской), часто имеют более универсальный характер, чем это было (и могло быть) несколько десятилетий назад. С другой стороны, на первый план вновь (как и в другие динамичные эпохи, такие как Петровская и послереволюционная эпохи в России/СССР или «постсамурайская» в Японии XIX в.) закономерно выходят проблемы заимствования жанров, соответственно — проблемы речежанровой лакунарности, безэквивалентности и т.д. (см., например, [2]).

И для первого, и для второго аспектов глобализации в современной коммуникации очевидно большую роль играет развившийся за последнее десятилетие-полтора Интернет.

Конечно, стремление к унификации, жанровые заимствования характерны и для неинтернет-коммуникации. Подобный опыт очень богат у Европы: несомненно, языковые структуры широко известных лингва-франка, пиджинов складывались на основе отработанных речевых практик, т.е. РЖ (прежде всего в сфере торговли, но не только), однако информации о тех средневековых жанрах, как и коммуникации людей в целом, сохранилось очень мало. Значительно благоприятнее для жанроведа современная ситуация. Так, в странах Евросоюза в непосредственное устное общение ежедневно вступают миллионы носителей разных языков / «речежанровых компетенций». В результате происходит не только взаимообмен жанрами, но и формирование новых РЖ, которые еще только начинают изучаться. Ср. исследование А. Мустайоки,

посвященное новому, с его точки зрения, жанру в странах Евросоюза — *международной конференции на английском лингва-франка*: конференция проводится обычно в другой стране, большинство участников говорят не на родном языке, при этом использование лингва-франка добавляет парадоксальную особенность общению: люди понимают друг друга лучше, чем в естественных условиях [31]. Добавим, что подобный жанр, конечно, можно представить и в России, но все же труднее, чем в Хельсинки, где, в свою очередь, он практически невозможен на финском языке (тогда как международная конференция в Москве и даже вне России на русском лингва-франка — распространенное явление, хотя сейчас и меньше, чем лет 30 назад).

Заимствования РЖ, обусловленные глобализацией или ее аналогами в предшествующие эпохи, — далеко не новое явление, и в лингвистике (шире — филологии) такие жанры неоднократно рассматривались. Ср. такой жанр неофициального публичного фатического общения представителей привилегированного класса, как *светская беседа* (используем для простоты это название русского варианта данного жанра, хотя это и не вполне корректно по отношению к другим культурам). Исследователями были показаны универсальные черты такого общения в разных европейских культурах, развивавшихся в сторону *цивизованности*: западноевропейских (сначала романских, потом германских) [23] и в русской культуре (собственно *светская беседа*) [16; 25].

♦ *Прагмалингвистическое* осмысление РЖ из «набора» картины современности предполагает, прежде всего, выявление жанрово типизируемых интенций (в *прагматической генристике* к важнейшим относят *фатику*, *информатику*, *воздействие* [11]); в этой части ТРЖ сближается с хорошо разработанной методикой и терминологией теории речевых актов [8]. Важно также учитывать отношения между буквальным значением высказывания (пропозиции) и актуальным коммуникативным смыслом (прямые и косвенные высказывания) (например, косвенность является типологической характеристикой группы *фатических* речевых жанров [11. С. 209—235]).

♦ Одним из наиболее значимых является *социальный фактор*, с которым часто связан фактор *аксиологический*: владение/невладение определенными жанрами, как и само использование того или иного жанра, может выступать в качестве оценочной характеристики как в национально-культурном, так и более частном внутрикультурном или групповом плане, «есть жанры, существование которых в рамках одного языкового сознания взаимоисключает друг друга» [21. С. 31]. В качестве примера можно привести русский *разговор по душам*, невладение которым, неспособность «открыть душу» в традиционной русской культуре является отрицательной нравственной характеристикой (ср. чеховских *обывателей*), или польский *kawał* («Жанр *kawał*, представляющий собой тип “конспиративной шутки”, ценят не за искусность или утонченность, а за чувство корпоративного единения, которое он дает, подразумевается: я могу рассказать это тебе, но есть люди, которым я не могу это рассказать» [8. С. 150]).

♦ Наконец, для *лингвистического* осмысления и систематизации РЖ особенно важно учитывать лексику, синтаксис (пропозиции), а также отношения этимологического типа (например, существующие между новыми вторичными жанрами и традиционными первичными; заимствованными из других культур и их ана-

логами там (это касается и этимологии названий жанров и их компонентов: ср. случаи, когда для именованья новых, вторичных жанров используется то же слово, что для старых, например, рус. *интернет-дневник*, *Живой Журнал*, англ. *web log*, *Live Journal*, *chat* (первонач. 'болтать' или 'болтовня'). Данная информация может быть извлечена из словарей при помощи методики лексико-семантического анализа РЖ. В частности, изучается семантика лексем, прежде всего существительных и глаголов (в том числе перформативных), именующих или непосредственно речевые жанры, или речевые действия, соотносимые с данными жанрами (часто разница между такими существительными и глаголами почти исключительно категориально-грамматическая, например: *просьба* — *просить/попросить*, *вопрос* — *спрашивать/спросить*, *ссора* — *ссориться/поссориться*, *флирт* — *флиртовать*).

Перечисленные положения позволяют составить предварительный **список параметров модели**, по которой могут быть описаны наиболее критические события речежанровой современности:

- ◆ предмет речи, в том числе прагматические диалогизированные аспекты его: что именно, с какой целью, в каком контексте, с какой оценкой сообщают друг другу собеседники в рамках того или иного речевого жанра («тема РЖ» по Бахтину);

- ◆ стиль (шире — коммуникативная тональность, где особенно важна степень серьезности), куда входит тоже не только экспрессия как таковая, но и ее, так сказать, прагматика («стиль РЖ» по Бахтину);

- ◆ лексика: наименования жанров и их компонентов, семантическая структура данных номинаций (включая их этимологию, а также метафоры, которые особенно значимы в случае вторичных РЖ); это то «имя жанра», которое «первым приходит в голову» при опознавании типа диалогического взаимодействия, а также ключевые слова и фразы в речи, по которым тоже осуществляется идентификация;

- ◆ особенности синтаксической структуры, которые еще важнее, чем конкретное лексическое наполнение, для опознавания и интерпретации РЖ (так считал и М.М. Бахтин — ср. его понятие «композиции РЖ»);

- ◆ целеполагание: идентификация и характеристика РЖ, социально-ролевой структуры и контекста на иллюкутивно-целевой основе;

- ◆ социальный фактор и связанный с ним аксиологический;

- ◆ общая внешнекультурная и внутрикультурная парадигма (включая языковую политику, моменты глобализации или, наоборот, изоляции);

- ◆ для данной цели также должны быть выделены основные коммуникативные сферы, где роль речевых жанров, для данного периода, является особенно критической или где происходят значимые трансформации речевых жанров, — сферы устной и письменной речи, публицистики/СМИ (а в настоящий период очень важен Интернет), политической коммуникации; новая идиоматика и речевые стереотипы, реклама/слоганы/биллборды и т.п.;

- ◆ отдельные источники материала: так, текстовая часть материала может быть отобрана и обработана при помощи новейших технологических возможностей — *корпусных баз данных* и методов *корпусной лингвистики*.

Подчеркнем, что данная модель является значимой для изучения заимствования речевых жанров, прежде всего, благодаря двум уже упоминавшимся концепциям, лежащим в ее основе: концепции *вторичного РЖ* Бахтина и концепции *глобализации*. По обоим направлениям современная ТРЖ располагает определенными работами и опытом практических исследований. Особенно важным представляется то, что оба подхода позволяют изучать новые явления в сравнении с другими, т.е. первичными, «дотехногенными», неинтернет-жанрами.

Данные аспекты взаимосвязаны: Интернет имеет непосредственное отношение к глобализации современной коммуникации в целом; подчеркнем, что все основные интернет-жанры (*блог, форум, чат, интернет-энциклопедия*) являются универсальными и несомненно имеют гораздо больше общего в разных культурах/языках с точки зрения своей речевых структур, чем различий. При этом все они изначально осуществлялись на английском языке, отсюда большое количество англицизмов (или универсализмов на базе английского языка) в общении в рамках данных жанров на других языках.

Концепция вторичного РЖ является особенно значимой при изучении речевых заимствований, поскольку заимствованные РЖ, накладываясь на уже существующую систему, сложно взаимодействуя с уже существующими в культуре-реципиенте жанрами (которые выступают по отношению к ним как немаркированные или базовые), являются ярко выраженными вторичными РЖ.

3. ИМЕНА ЗАИМСТВОВАННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ КОНЦЕПТОВ И ИХ КОМПОНЕНТОВ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Связь заимствований и глобализации в области коммуникации ярко проявляется в появлении новых коммуникативных концептов (далее — $K_{om}K$). Формируется немаленькая часть особой коммуникативной культуры, достаточно четко структурированная (по схеме «действие/акт ~ процесс/манера ~ роль/тип ~ жанр»), при этом практически не известная большей части общества; для меньшей же части (это, в общем, молодежь) структура и значения отдельных ее участков хотя и являются хорошо знакомыми, но во многом остаются нечеткими, синкретичными. На начальном этапе проанализируем только имена заимствованных $K_{om}K$ и их компонентов (включая речевые жанры).

Ранее мы определяли $K_{om}K$ как «имеющие четкое композиционно-тематическостилистическое содержание. Зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т.д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры» [11. С. 252].

Представляется, что с РЖ связаны все $K_{om}K$, но конкретное их соотношение может быть разным: концептуализации подвергаются собственно коммуникативно-речевые жанры, стратегии, тактики и т.д.

На первый план может выходить собственно **речевая** типизация, **действие** (коммуникативные и речевые акты), **процессуальность** (коммуникативные и речевые события и сложные события), **манера поведения, роль** в рамках дан-

ного типа коммуникации (например соревновательной или игровой) или сам социальный тип (точнее, его коммуникативное преломление — **лингвокультурный типаж**).

Соответственно в области имен данных $K_{om}K$ на первый план может выходить (как производящая основа при последующей словообразовательной деривации) **имя типажа** (естественно, это существительное), **речевого действия**: однократного (речевой акт) и длительного (и тогда это глаголы, соответственно, сов. и несов. вида), **имя процесса** (существительное) или же непосредственно **имя жанра** (в этой функции тоже более вероятны существительные, чем глаголы, которые чаще именуют речевые акты).

Настоящее исследование (конечно, имеющее начальный характер) и посвящено таким именам, точнее, их соотношению (цепочкам, звенья которых соответствуют различным аспектам $K_{om}K$).

Прежде чем переходить непосредственно к анализу лексем, дадим несколько пояснений относительно принципов отбора материала.

Во-первых, поскольку нас интересуют прежде всего речевые жанры, мы исключили из рассмотрения целый ряд варваризмов — имен $K_{om}K$, которые называют явления или даже цепочки **без собственно жанров**: *гуглить*, *скайпнуть*, (*за-*, *рас*)*френдить* и т.п.

Во-вторых, считаем существенным собственно деятельностный аспект анализируемых $K_{om}K$, который отражается прежде всего в **глаголах**. При этом считаем важным не только фиксировать глаголы, но и учитывать возможное противопоставление глаголов — имен актов речи и имен процессов. Хотя для многих $K_{om}K$ (даже большинства) данное противопоставление не является четким или отсутствует вовсе, иногда оно является значимым, например *твитнуть* ~ *твититься*.

В-третьих, при характеристике имен данных $K_{om}K$, их вариантов и дериватов с точки зрения их речевжанровой идентификации или отнесения к другим, смежным коммуникативным феноменам (таким как речевой акт или лингвокультурный типаж) полезна **темпоральная идентификация**, предложенная В.Е. Гольдиным для разграничения таких речевых феноменов, как *событие* и *поступок*, и состоящая, в общем, в возможности или невозможности формулировки: «*Это случилось во время...*» [9. С. 25—32]. Думается, критерий В.Е. Гольдина является значимым для рассматриваемых заимствований, одни из которых нормально сочетаются с выражением «*Это случилось во время...*» (*презентация*, *парти*), другие — нет (*камингаут*, *троллинг*).

В этой связи выделяем в особую группу заимствований (варваризмов) — имен $K_{om}K$ — **дериваты на -инг** (значение этих существительных может быть достаточно разным: и названия жанров, и процесса, и манеры общения).

Как известно, семантика английского герундия — и отглагольное существительное, и часть собственно глагольной формы. В этом смысле, казалось бы, примерно одинакова вероятность использования варваризмов на *-инг* как 1) названий жанров (противопоставленных названиям актов) (это хорошо иллюстрирует оппозиция *троллинг* ~ *троллить*), так и 2) названий речевых событий (противо-

поставленных уже названиям жанров) (это иллюстрируют оппозиции *комплимент* ~ *комплиментинг*, *флирт* ~ *флиртинг*). Однако реальный материал — как формулировки, почерпнутые из интернет-общения, так и данные анкетирования (см. ниже) — скорее не демонстрирует таких четких противопоставлений. В то же время обнаруживаются некоторые интересные закономерности с точки зрения упомянутого темпорального критерия: так (возможно, из-за склонности ждать от существительных на *-инг* процессуальности), выражения «*Это случилось во время...*» с ними в целом более вероятны, чем с собственно существительными — названиями жанров: ср. невозможность **Это случилось во время чата*, **Это случилось во время твита* при возможности (хотя и не очень большой)? *Это случилось во время чатинга*,? *Это случилось во время твитинга* (это особенно заметно было в анкете — см. ниже).

Конечно, конкретные новообразования иногда весьма искусственны, но в целом можно утверждать, что процессы заимствования и последующего словообразования в данной семантической области идут весьма продуктивно: активно складываются не только двойные, но и тройные оппозиции, а в некоторых случаях и тройные оппозиции могут быть недостаточны: так, например, рассматривая схему «действие/акт ~ процесс/манера ~ роль/тип ~ жанр» для производных от *троль*, видим достаточно активное, но все же вряд ли окончательное заполнение парадигмы: *троль* ~ *тролить* ~ *тролинг* — ...? Ср. невозможность **троление* (возможно, из-за нежелательной ассоциации со словом *траление*, т.е. ловля рыбы тралом; ср. в этой же связи англ. *trolling* ‘ловля рыбы на блесну’, не путать с *trawling* ‘ловля рыбы при помощи трала’). Точно так же, возможно, из-за нежелательной ассоциации затруднено появление глагола *кат* → ?*кати́ть* и существительного (типаж) *бан* → ?*бани́чик* (учитывая, что другой дериват с *-ер* уже «занят» в Интернете: *бан(н)ер* (от англ. *banner* ‘флаг, транспарант’) ‘графическое изображение рекламного характера’).

Обращает на себя внимание наиболее полная парадигма (наполненность названиями-варваризмами всех или большинства конкретных аспектов $K_{om}K$ — жанров, актов, процессов, ролей) у концептов **интернет-коммуникации**. Несомненно, это является следствием большей скорости и интенсивности процессов и заимствования, и глобализации в данной сфере. В то же время показательна и относительно, и абсолютно низкая вероятность сочетания имен «интернет- $K_{om}K$ » с выражением «*Это случилось во время...*» (за в целом сомнительными исключениями типа дериватов с *-инг*).

Безусловно, наши конкретные решения часто будут субъективными: в основном приходилось сверять результаты с собственным чувством языка (так сказать, «чувством неологизмов»), ибо существующие словари иностранных слов, интернет-сленга, молодежного сленга и т.д. практически не фиксируют таких тонких различий.

В то же время, как и следовало ожидать, нам очень много дал **Интернет** — основная часть адаптированных англицизмов (нередко экзотичных) почерпнута

непосредственно из интернет-общения в рамках соответствующих жанров (блоги, форумы, чаты и т.д.):

Наверно придется отправить его на стажировку на курсы комплиментинга для мужчин. Ночью был маленький шторм. На берег набегали конкретные волны. bogdanov.info;

Есть ли смолтокеры в Барнауле? groups.google.com;

А еще ты самый лучший флудщик на форуме (пусть это будет тебе комплиментом)... flood-arch.sexnarod.ru.

В результате, в соответствии с основными принципами лексической вербализации компонентов жанра (а также со словообразовательной моделью) мы формировали возможную словообразовательную цепочку $K_{om}K$. Для этой цели, прежде всего, на основе собственной языковой компетенции мы подбирали имя для того или иного звена цепочки $K_{om}K$, затем проверяли существование этого слова в интернет-общении. В тех случаях, когда слово выглядело (с нашей точки зрения) особенно странно, а также если пример в Интернете был единичным или соответствующий контекст явно создавался и воспринимался как экспрессивный, мы вставляли слово в таблицу (см. ниже) с одним или двумя вопросительными знаками, например: *?? флудщик, ?? статусинг, ? презентационщик*. Если для заполнения звена цепочки мы не смогли подобрать никакого слова на основе собственного «чувства неологизмов», мы ставили вопросительный знак. Если же заполнение звена цепочки словом представлялось нам вообще невозможным, мы ставили прочерк. (Но иногда мы потом заменяли вопросительный знак / прочерк на слово, почерпнутое из следующего источника — анкеты — см. ниже.)

Конечно, в большинстве таких случаев нельзя говорить ни о какой регулярности, тем более — нормативности (многие из них представляют собой языковую игру); с другой стороны, всего несколько лет назад немыслимы были бы в официальных текстах выражения типа: *Премьер-министр написал в своем блоге / микроблоге Твиттер / на своей странице в Facebook / Instagram...*

Наконец, на следующем этапе нашего анализа наличие и конкретные значения данных неологизмов (точнее, некоторых из них, наиболее, на наш взгляд, показательных и интересных) мы попытались проверить путем **анкеты**, опросив 100 современных молодых людей ок. 20 лет — саратовских студентов. Предлагались вопросы:

1. Понимаете ли Вы значение следующих слов? Оцените их нормальность и естественность по пятибалльной шкале, например: 5 — совершенно понятно и естественно, я сам(а) время от времени использую это слово в своей речи; 4 — совершенно понятно и естественно, я регулярно встречаю / слышу это слово в устной или письменной речи, но сам(а) не использую; 3 — слово понятно, и я иногда встречаю / слышу его в речи, но не часто; 2 — значение слова в принципе понятно, но я не припомню, чтобы встречал(а) его в речи; 1 — слово не встречал(а) в речи и с трудом могу представить, чтобы кто-то так говорил: значение слова могу угадать, но с долей неуверенности; 0 — слово кажется мне совершенно противоестественным и невозможным: (слова: имиджборд, имиджбордщик, стрит-рейсинг, спид-дейтинг, смолтокер, камингаутер, фейсбучиться, фейсбукщик, инстаграмить, инстаграмщик, твиттерщик, игнорщик, флудщик, комплиментинг, флиртинг, статуситься).

2. Прочитайте слова, расположенные по схеме «имя жанра речи — глагол (имя акта речи или процесса) — название роли / типажа и т.п.». Какие, с Вашей точки зрения, «звенья» этих цепочек являются лишними? Вычеркните такие слова. (Вычеркните также те слова, значение которых Вам непонятно.) И подчеркните те слова в каждой цепочке, которые в ней, с Вашей точки зрения, являются главными или основными: (цепочки: троллинг ~ троллить ~ тролль; промоушен ~ промоутинг ~ промоутер; корпоратив ~ корпоративить ~ корпоративиться ~ копоративщик; чат ~ чатиться ~ чатнуться ~ чаттинг ~ чаттер ~ чатланин; форум ~ форумить ~ форуминг ~ форумчанин ~ аскер; блог ~ бложить ~ блоггинг ~ блогер; фейсбук ~ фейсбучик ~ фейсбучить ~ фейсбучиться ~ фейсбучинг ~ фейсбучик; инстаграм ~ инстаграмить ~ инстаграмиться ~ инстаграминг ~ инстаграмщик; игнор ~ игнорить ~ игноринг ~ игнорщик; флуд ~ флудить ~ флудинг ~ флудчик ~ флудильщик; твиттер ~ твитнуть ~ твититься ~ твитинг ~ твиттерщик; имиджборд ~ имиджбординг ~ имиджбордщик; статус ~ статуситься ~ статусинг).

3. Можно ли сказать: «Это случилось во время...»? (варианты: ...корпоратива, стрит-рейсинга, промоутинга, троллинга, камингаута, чата, чаттинга, форума, форуминга, блога, блоггинга, фейсбука, фейсбучинга, инстаграма, инстаграминга, игнора, игноринга, флуда, флудинга, твиттера, твиттинга, имиджборда, имиджбординга, статусинга).

4. Какие слова — имена других подобных речевых жанров/действий/типажей и т.п., не упомянутых здесь, Вы могли бы еще назвать?

Результаты анкетирования продемонстрировали довольно большой разброс, как бывает всегда в случае новых, еще не устоявшихся в языке и речи единиц.

Показательно маленькое количество нулевых оценок — полагаем, это обусловлено возрастом информантов: как уже было сказано, практически все они были в возрасте ок. 20 лет. (Мы дали заполнить анкету нескольким людям ок. 30 лет — результаты были похожи, но в целом числа (как собственно оценки, так и количество невычеркнутых слов) были на порядок меньше; кроме того, мы давали посмотреть анкету нескольким людям старше 45 лет — практически все они сказали, что «все слова выглядят крайне дико».)

Согласно результатам анкеты, самым нормальным/устоявшимся/распространенным 20-летние информанты считают «игнорщик» (можно предположить, что не только в интернет-коммуникации) — он получил больше всего оценок «5». Больше всего оценок «5» и «4» получили также «инстаграмить» и «фейсбучить».

Наименее нормальными/устоявшимися/распространенными считают «смолтокер» и «камингаутер» — они получили больше всего оценок «1» (и даже «0»). Больше всего оценок «1» и «2» получили также «спид-дейтинг» и «статусинг».

Средние оценки для конкретных лексем (приводятся по убыванию):

игнорщик — 3,94
инстаграмщик — 3,71
инстаграмить — 3,48
твиттерщик — 3,14
фейсбучик — 2,89
фейсбучиться — 2,21
флиртинг — 2,11

комплиментинг — 2,01
имиджборд — 1,98
спид-дейтинг — 1,58
имиджбордщик — 1,37
статусинг — 1,24
камингаутер — 1,17
смолтокер — 1,15.

Анкетирование подтвердило наибольшее заполнение парадигмы «действие/ акт ~ процесс/манера ~ роль/тип ~ жанр» для интернет-жанров, по сравнению с неинтернет-жанрами, а для интернет-жанров — некоторое преобладание имен жанров над глаголами.

Анкетирование продемонстрировало также преобладание **лексических** результатов над **грамматическими**. Ряд самих явлений, именуемых предлагаемыми варваризмами, оказались необщеизвестными, что было видно из некоторых комментариев: «*Смолтокер* — тот, про кого можно сказать “краткость — сестра таланта”». В целом результаты были производны от личного опыта интернет-общения: не имеющие такого опыта вычеркивали всю цепочку, а проверка более тонких различий, например, между производящим варваризмом и глагольными дериватами, инговыми производными и т.д., темпоральный критерий, естественно, отходили на второй план.

К более частным (грамматическим) результатам можно отнести, например, отношения между **глагольными производными** (сов. и несов. вида, возвратными и невозвратными). Здесь, как мы и ожидали, тонкие различия между глаголами в парах (предположительно, как было задумано, «название речевого акта ~ процесса») фиксировались в целом слабо; в то же время показательно, что всю цепочку глаголов оставляли редко, обычно что-то вычеркивали.

Конкретные процентные данные по глагольным парам:

***чатиться* ~ *чатнуться*:**

оставили *чатиться*, вычеркнули *чатнуться* — 36%
 оставили *чатнуться*, вычеркнули *чатиться* — 12%
 оставили оба — 21%
 вычеркнули оба — 31%

***инстаграмить* ~ *инстаграмиться*:**

оставили *инстаграмить*, вычеркнули *инстаграмиться* — 37%
 оставили *инстаграмиться*, вычеркнули *инстаграмить* — 23%
 оставили оба — 22%
 вычеркнули оба — 19%

***корпоративить* ~ *корпоративиться*:**

оставили *корпоративить*, вычеркнули *корпоративиться* — 15%
 оставили *корпоративиться*, вычеркнули *корпоративить* — 33%
 оставили оба — 33%
 вычеркнули оба — 19%

***твитнуть* ~ *твититься*:**

оставили *твитнуть*, вычеркнули *твититься* — 28%

оставили *твититься*, вычеркнули *твитнуть* — 24%
оставили оба — 22%
вычеркнули оба — 26%

Как мы и ожидали, анкетирование показало некоторое преобладание темпоральности у инговых производных по сравнению с собственно именами жанров (в парах типа *чат* ~ *чаттинг*, *форум* ~ *форуминг*, *блог* ~ *блоггинг*, *фейсбук* ~ *фейсбучинг*, *инстаграм* ~ *инстаграминг*, *игнор* ~ *игноринг*, *флуд* ~ *флудинг*, *твиттер* ~ *твитинг*, *имиджборд* ~ *имиджбординг*) (хотя были единичные анкеты, где результаты были прямо противоположные).

Конкретные процентные данные по темпоральности у имен жанров и инговых производных:

в фразе «*Это случилось во время...*»

оставили инговое производное (*чаттинг*, *форуминг*, *блоггинг*, *инстаграминг*, *твитинг*), вычеркнули имя жанра (*чат*, *форум*, *блог*, *инстаграм*, *твиттер*) — 38%

оставили имя жанра, вычеркнули инговое производное — 6%

вычеркнули и имя жанра, и инговое производное — 27%

оставили и имя жанра, и инговое производное — 3%

индивидуальные вычеркивания без прослеживаемой системы — 26%

К несколько неожиданным результатам можно отнести относительно частое вычеркивание из цепочки *троль* ~ *троллить* ~ *троллинг* имени типажа *троль* (казалось бы, словообразовательно исходного): вероятно, это связано с ассоциациями данного слова не столько с интернет-К_{ом}К, сколько с мифологией и литературой (книги «Властелин колец», «Гарри Поттер» и т.п.).

При заполнении анкеты информанты предложили целый ряд **новых слов**, подобных вынесенным в анкету именам К_{ом}К. Некоторые из них показались нам настолько удачными и важными, что по ходу работы были включены в основную таблицу (где мы дали их подчеркнутыми) и в дальнейшее анкетирование: *коммент* ~ *комментить*, *пост* ~ *постить* ~ *запостить*, *репост* ~ *репостить* ~ *репостнуть*, *лайк* ~ *лайкать* ~ *лайкнуть* ~ *лайкальщик*, *спам* ~ *спамить* ~ *спамщик*; над другими мы еще будем думать — такими как *фолловить* ~ *фолловер*, *холивар*, *эльфинг*.

Ряд предложенных слов мы решили не принимать во внимание, поскольку они, как нам показалось, не имеют отношения к рассматриваемому феномену — К_{ом}К: *тренинг*, *коучинг*, *спойлер* ~ *спойлерить*, *логиниться*, *генерить* (создавать), *крафтить* (мастерить), *лифтить* (*shoplifter* → воровать), *читерство* (мошенничество), *лойс* (выражение одобрения действий или высказываний в том числе в устной речи), *фликр* ~ *фликристик*, *смурф* ~ *смурфить* ~ *смурф-ник*. (Впрочем, возможно, наше решение окажется неверным, и мы готовы в будущем пересмотреть его.)

На основе анализа варваризмов — имен К_{ом}К, анализа контекстов с соответствующими лексемами в интернет-общении, а также анализа анкет была составлена следующая таблица, в которой мы попытались упорядочить полученные данные по параметрам, обсуждавшимся выше: имена речевых жанров, актов, речевых действий и процессов, ролей, типажей, варваризмов на *-инг* и т.д. Жирным выделено то слово (те слова) из парадигмы, которые являются основными (про-

изводящими): чаще всего, как видим, это название жанра (или того, что мы можем условно идентифицировать как жанр за неимением пока лучших вариантов), но не всегда.

имя жанра – существит.	глагол – имя акта речи	глагол – имя процесса	существит. на -инг	название роли или типажа (существит.)	возможность «это случилось во время X»	
1	2	3	4	5	6	
<i>party</i> / парти	–	–	–	?	+	
комплимент	–	–	комплиментинг	?	–	
флирт	–	–	флиртинг	?	+	
<i>small talk</i> / смолток	–	–	?	смолтокер	+	
(speed dating / спид-дейтинг)	?	?	speed dating / спид-дейтинг	?	+	
промоуш(е)н	?	?	промоутинг	промоутер	?	
интервью	–	–	интервьюинг	?	+	
презентация	?	?	–	? презентационщик	+	
корпоратив	–	корпоративить(ся)	?	копроративщик	+	
камингаут	?? камингаутить	?	?	камингаутер	–	
интернет-жанры	(троллинг)	(по-, за)троллить	Троллить	троллинг	тролль	–
	блог, бложик	?	? бложить	блог(г)инг	блог(г)ер	–
	форум	?	? форумить	?? форуминг	форумчанин, аскер	–
	чат	(по)чатиться, чатнуться	Чатиться	? чат(т)тинг	? чаттер, ? чатланин	?
	статус	? (от)статуситься	–	?? статусинг	–	–
	трит, твиттер	твитнуть	Твититься	твитинг	? твиттерщик	?
	<i>LJ / ЖЖ, жешка</i>	–	–	–	?	–
	<i>Facebook / Фейсбук</i>	?	фейсбу-чить(ся)	?? фейсбучинг	? фейсбукщик	?
	<i>Instagram / инстаграм</i>	(за)инстаграмить	инстагра-мить(ся)	? инстагра-минг	инстаграмщик, инстаграмщица	?
	имидж-борд	–	–	имидж-бординг	?? имидж-бордщик	?
	бан	(за)банить	?	?? банинг	?	–
	игнор	игнорить	Игнорить	игноринг	игнорщик	–
	кат	?	?	?	?? катщик	–
	флуд	флудить	?	флудинг	?? флудщик, ?? флудильщик	?
	–	–	–	?? модера-торинг	модератор	–
	?	?	?	–	геймер	?
	коммент	<u>комментить</u>	<u>Коммен-тить</u>	?	?	?
	пост	<u>запостить</u>	<u>Постить</u>	?	?	?
репост	<u>репостнуть</u>	<u>Репостить</u>	?	?	?	
лайк	<u>лайкнуть</u>	<u>Лайкать</u>	?	<u>лайкальщик</u>	?	
спам	<u>спамить</u>	<u>Спамить</u>	?	<u>спамщик</u>	?	

Конечно, ни в коем случае нельзя относиться к этим данным как к окончательным выводам (и как к окончательному списку): во-первых, несомненно, многое может быть добавлено, во-вторых, вся эта система (особенно же, по-видимому, именно интернет-жанры) очень быстро меняется, все время появляются новые явления, как в целом характерно для всей группы заимствований новейшего периода.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, группа заимствованных жанров в русской/русскоязычной культуре, почерпнутых из культуры англоязычной и глобализованной (глобализованной, прежде всего, тоже на основе англоязычной), содержит элементы внутренней организации / структуры, соответствующие общим закономерностям организации группы $K_{om}K$, таким как соотношение речевых жанров, речевых актов, типажей и т.п., и весьма интересна. Группа соответствующих варваризмов — имени этих жанров и смежных $K_{om}K$ — хотя и относительно невелика (по сравнению, например, с общей группой неологизмов-варваризмов, появившихся в русском языке в последнее время, особенно в нелитературных стратах — см., например, [4; 22]), но по-своему показательно организована и отражает важные тенденции как в лексической семантике современного русского языка, так и в структуре современной русскоязычной коммуникации и ее типов.

Конечно, рассмотренными аспектами далеко не исчерпываются методологические принципы изучения речевых заимствований. Как уже говорилось, соответствующее направление ТРЖ является актуальным (прежде всего в свете глобализации), но еще находится в стадии формирования. Разработка, формулирование и начальная систематизация соответствующих методологических принципов выступает поэтому особенно актуальной задачей. Рассмотренные в статье принципы и приемы — опора на теорию и методику изучения коммуникативно-речевой современности через призму ТРЖ, использование понятий вторичного РЖ и имени $K_{om}K$ (и его компонентов, где одними из важнейших выступают РЖ), экспериментальная методика (в том числе анкетирование) представляются значимыми для данного направления.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аверинцев С.С.* Историческая подвижность категорий жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 104—116.
- [2] *Аллатов В.М.* Заимствования из английского языка и жанровые особенности в японском языке // Жанры речи. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 345—351.
- [3] Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / Под ред. К.Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2007.
- [4] *Балашова Л.В.* Роль масс-медийных прецедентных текстов в формировании современного русского сленга // Stylistyka XIX, 2010. Opole, 2010. S. 161—177.
- [5] *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 5 т. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. С. 159—206.
- [6] *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. М.: Прогресс, 1988.
- [7] *Богданов К.А.* О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: Новое литературное обозрение, 2006. Научное приложение. Вып. LVI.
- [8] *Вежбицка А.* Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 99—111.
- [9] *Гольдин В.Е.* Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 23—34.

- [10] *Дементьев В.В.* Вторичные речевые жанры: онтология непрямой коммуникации // *Жанры речи*. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 31—46.
- [11] *Дементьев В.В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. (Коммуникативные стратегии культуры).
- [12] *Дементьев В.В.* Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. (*Studia philologica*).
- [13] *Дементьев В.В.* Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // *Вопросы языкознания*. 2015. № 6. С. 78—107.
- [14] *Карасик В.И.* Языковое проявление личности. Волгоград: Парадигма, 2014.
- [15] *Кон И.С.* Введение в сексологию. М., 1988.
- [16] *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб., 1994.
- [17] *Люциньски К.* Языковые заимствования и ментальность: О влиянии заимствованных языковых средств на ментальность лингвокультурного коллектива. На материале русского языка в сопоставлении с польским. Кельце, 2010.
- [18] *Маринова Е.В.* Иноязычные слова в современной русской речи: освоение и функционирование. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012.
- [19] *Салимовский В.А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. унта, 2002.
- [20] *Седов К.Ф.* Жанры «праздноречевой» коммуникации: *болтовня, светская беседа, разговор по душам* // *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. Вып. 6. С. 85—97.
- [21] *Седов К.Ф.* Речезанровая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности // *Жанры речи*. Саратов, 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность.
- [22] *Сосновская А.А.* Метафоризация в сфере «новейшие техногенно опосредованные информационные и коммуникационные процессы» (на материале русского и английского сленга): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011.
- [23] *Старобинский Ж.* Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- [24] *Стернин И.А.* Светское общение. Воронеж, 1996.
- [25] *Фенина В.В.* Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- [26] *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. Подготовка текста, справочно-научный аппарат, предварение, послесловие Н.В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997.
- [27] *Шеффер Ж.-М.* Что такое литературный жанр? М.: Едиториал УРСС, 2010.
- [28] *Hanks W.F.* Dialogic conversions and the field of missionary discourse in Colonial Yucatan // *Les Rituels du Dialogue*, ed. By A. Monod Becquelin and Philippe Erikson. Nanterre: Société d'Ethnologie, 2000. P. 235—254.
- [29] *Horecky J.* Anglické slová na *-ing* v slovenčine // *Kultúra slova*. 1991. № 25. Č. 10. S. 324—326.
- [30] *Lakoff R.* Identity à la carte: you are what you eat // *Discourse and Identity* / Ed. Anna DeFina, Deborah Schiffrin and Michael Bamberg. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Pp. 142—165.
- [31] *Mustajoki A.* Title Risks of miscommunication in various speech genres // *Understanding by Communication* / Ed. E. Borisova & O. Souleimanova. Cambridge Scholars Publishing. Cambridge, 2013. Pp. 33—53.
- [32] *Przybylski R.* Gentleman i dandys // *Style zachowań romantycznych. Propozycje i dyskusje sympozjum*. Warszawa 6—7 grudnia 1982 r. / Pod red. M. Janion i M. Zielińskiej. Warszawa, 1986.
- [33] *Rathmayr R.* Anglizismen in Russischen: Gamburgery, Bifsteksy und die Voucherisierung Russlands // *Muhr R., Kettemann B. (Hrsg.): EVROSPEAK. Der Einfluss des Englischen auf europäische Sprachen zur Jahrtausendwende*. Frankfurt aM., Berlin, Wien u.a. Peter Lang, 2002. С. 155—180.
- [34] *Small talk* / Ed. J. Coupland. Harlow: Longman, 2000.

- [35] *Wierzbicka A.* Anglo scripts against 'putting pressure' on other people and their linguistic manifestations // Cliff Goddard (ed.) *Ethnopragmatics: Understanding Discourse in Cultural Context*. Mouton de Gruyter, 2006. P. 31—63.

SOME METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF STUDY ON SPEECH GENRE BORROWINGS

V.V. Dementyev

Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics
Institute of Philology and Journalistic
Saratov State University
ul. Astrakhanskaya, 83, Saratov, Russia, 410012

The methodological principles of one of the most important and also one of the least studied problems of linguistic-cultural and comparative genistics are formulated in the article. We discuss the provisions of the modern theory of speech genres that are relevant to this issue, as well as looking at the parameters of the proposed model of representation of speech genre picture of modernity with the same point of view. The sphere and types of borrowed genres are discussed through the prism of globalization. The linguistic features of some borrowed speech genres are analyzed in detail using experimental techniques.

Key words: theory of speech genres, speech genre picture of modernity, globalization, speech genre borrowings, experimental techniques.

REFERENCES

- [1] *Averintsev S.S.* Istoricheskaya podvizhnost' kategoriy zhanra: opyt periodizatsii. *Istoricheskaya poetika. Itogi i perspektivy izucheniya*. M.: Nauka, 1986. S. 104—116.
- [2] *Alpatov V.M.* Zaimstvovaniya iz angliyskogo yazyka i zhanrovyye osobennosti v yaponskom yazyke. *Zhanry rechi*. Saratov: ITS «Nauka», 2007. Vyp. 5. Zhanr i kul'tura. S. 345—351.
- [3] *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya*. Ed. K.F. Sedova. M.: Labirint, 2007.
- [4] *Balashova L.V.* Rol' mass-mediynykh pretsedentnykh tekstov v formirovanii sovremennogo russkogo slenga. *Stylistika XIX*, 2010. Opole, 2010. S. 161—177.
- [5] *Bakhtin M.M.* Problema rechevykh zhanrov. *Bakhtin M.M. Sobr. soch.: V 5 t.* M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1996. T. 5. Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh godov. S. 159—206.
- [6] *Bern E.* Igrы, v kotoryye igrayut lyudi. M.: Progress, 1988.
- [7] *Bogdanov K.A.* O krokodilakh v Rossii. Ocherki iz istorii zaimstvovaniy i ekzotizmov. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2006. Nauchnoye prilozheniye. Vyp. LVI.
- [8] *Wierzbicka A.* Rechevyye zhanry. *Zhanry rechi*. Saratov: Kolledzh, 1997. Vyp. 1. S. 99—111.
- [9] *Gol'din V.Ye.* Imena rechevykh sobyitiy, postupkov i zhanry russkoy rechi. *Zhanry rechi*. Saratov: Kolledzh, 1997. Vyp. 1. S. 23—34.
- [10] *Dementyev V.V.* Vtorichnyye rechevyye zhanry: ontologiya nepryamoy kommunikatsii. *Zhanry rechi*. Saratov: Kolledzh, 1999. Vyp. 2. S. 31—46.
- [11] *Dementyev V.V.* Teoriya rechevykh zhanrov. M.: Znak, 2010. (Kommunikativnyye strategii kul'tury).
- [12] *Dementyev V.V.* Kommunikativnyye tsennosti russkoy kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike. M.: Global Kom, 2013. (Studia philologica).

- [13] *Demytyev V.V.* Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nyye protsessy sovremennoy rechi. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2015. № 6. С. 78—107.
- [14] *Karasik V.I.* Yazykovoye proyavleniye lichnosti. Volgograd: Paradigma, 2014.
- [15] *Kon I.S.* Vvedeniye v seksologiyu. M., 1988.
- [16] *Lotman Yu.M.* Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka). SPb.: Iskusstvo-SPb., 1994.
- [17] *Lyutsin'ski K.* Yazykovyye zaimstvovaniya i mental'nost': O vliyanii zaimstvovannykh yazykovykh sredstv na mental'nost' lingvokul'turnogo kollektiva. Na materiale russkogo yazyka v sopostavlenii s pol'skim. Kel'tse, 2010.
- [18] *Marinova Ye.V.* Inoyazychnyye slova v sovremennoy russkoy rechi: osvoyeniye i funktsionirovaniye. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012.
- [19] *Salimovskiy V.A.* Zhanry rechi v funktsional'no-stilisticheskom osveshchenii (nauchnyy akademicheskyy tekst). Perm': Izd-vo Perm. unta, 2002.
- [20] *Sedov K.F.* Zhanry «prazdnorechevoy» kommunikatsii: boltovnya, svetskaya beseda, razgovor po dusham // Problemy rechevoy kommunikatsii. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2006. Vyp. 6. S. 85—97.
- [21] *Sedov K.F.* Rechezhanrovaya identichnost' kak komponent kommunikativnoy kompetentsii lichnosti. *Zhanry rechi*. Saratov, 2011. Vyp. 7. Zhanr i yazykovaya lichnost'.
- [22] *Sosnovskaya A.A.* Metaforizatsiya v sfere «noveyshiye tekhnogenno oposredovannyye informatsionnyye i kommunikatsionnyye protsessy» (na materiale russkogo i angliyskogo slenga): Avtoref. dis.... kand. filol. nauk. Saratov, 2011.
- [23] *Starobinskiy Zh.* Poeziya i znaniye: Istoriya literatury i kul'tury. T. 1. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002.
- [24] *Sternin I.A.* Svetskoye obshcheniye. Voronezh, 1996.
- [25] *Fenina V.V.* Rechevyye zhanry small talk i svetskaya beseda v anglo-amerikanskoy i russkoy kul'turakh: Dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2005.
- [26] *Freydenberg O.M.* Poetika syuzheta i zhanra. Podgotovka teksta, spravochno-nauchnyy apparat, predvareniye, poslesloviye N.V. Braginskoy. M.: Labirint, 1997.
- [27] *Sheffer Zh.-M.* Chto takoye literaturnyy zhanr? M.: Yeditorial URSS, 2010.
- [28] *Hanks W.F.* Dialogic conversions and the field of missionary discourse in Colonial Yucatan. *Les Rituels du Dialogue*, ed. By A. Monod Becquelin and Philippe Erikson. Nanterre: Société d'Ethnologie, 2000. P. 235—254.
- [29] *Horecky J.* Anglické slová na -ing v slovenčině. *Kultúra slova*. 1991. № 25. Č. 10. S. 324—326.
- [30] *Lakoff R.* Identity à la carte: you are what you eat. *Discourse and Identity*. Ed. Anna DeFina, Deborah Schiffrin and Michael Bamberg. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Pp. 142—165.
- [31] *Mustajoki A.* Title Risks of miscommunication in various speech genres. *Understanding by Communication*. Ed. E. Borisova & O. Souleimanova. Cambridge Scholars Publishing. Cambridge, 2013. Pp. 33—53.
- [32] *Przybylski R.* Gentleman i dandys // Style zachowań romantycznych. Propozycje i dyskusje sympozjum. Warszawa 6—7 grudnia 1982 g. Ed. M. Janion i M. Zielińskiej. Warszawa, 1986.
- [33] *Rathmayr R.* Anglizismen in Russischen: Gamburgery, Bifsteksy und die Voucherisierung Russlands. Muhr R., Kettemann B. (Hrsg.): EVROSPEAK. Der Einfluss des Englischen auf europäische Sprachen zur Jahrtausendwende. Frankfurt aM., Berlin, Wien u.a. Peter Lang, 2002. С. 155—180.
- [34] Small talk. Ed. J. Coupland. Harlow: Longman, 2000.
- [35] *Wierzbicka A.* Anglo scripts against 'putting pressure' on other people and their linguistic manifestations. Cliff Goddard (ed.) *Ethnopragmatics: Understanding Discourse in Cultural Context*. Mouton de Gruyter, 2006. P. 31—63.

© Дементьев В.В., 2016

Дата поступления в редакцию: 01.09.2015

Дата принятия в печать: 10.10.2015

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ЖАНРОВ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИНЖЕНЕРНОГО ДИСКУРСА

Л.М. Болсуновская

Кафедра иностранных языков
Институт природных ресурсов
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет
пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050

В статье рассматриваются различные подходы к исследованию жанров. Автор обобщает научные представления о жанрах и подчеркивает, что исследование жанров и жанровой организации научной и профессиональной коммуникации является в настоящее время одной из актуальных проблем современной лингвистики. Инженерный англоязычный дискурс определяется как макросистемный жанрообразующий ресурс профессионального общения в контексте глобальных изменений, происходящих на всех уровнях общественной жизни. Автор также отмечает, что парадигма жанров инженерного дискурса как целостного, комплексного явления окончательно не сформировалась до настоящего времени и требует дальнейших исследований. Признаки и общепринятые нормы жанра объясняются в соответствии с его коммуникативной целью, обусловленной социальным контекстом, в котором производится жанр. Кроме того, автор заключает, что жанровый анализ претерпел изменения и сегодня включает в себя не только изучение специфических языковых признаков, но и анализ социального контекста, культуры, идеологии, организации и деятельности дискурсивного сообщества.

Ключевые слова: инженерный дискурс, социальный контекст, жанровый анализ, текстуальный анализ.

1. ВСТУПЛЕНИЕ

В настоящее время все больше и больше растет интерес исследователей к междисциплинарным подходам при описании профессиональных дискурсов. Данная работа, не являясь исключением, обобщает различные научные представления о жанрах. Описание типов жанров инженерного дискурса представляется актуальным в свете современных тенденций когнитивной лингвистики, когнитивной прагматики, психолингвистики, дискурс-анализа и теории деятельности, которые предполагают соединение коммуникативно-прагматического, социолингвистического, психолингвистического и жанроведческого подходов. При этом инженерный дискурс рассматривается как «макросистемный жанрообразующий ресурс профессионального общения» в контексте глобальных изменений, происходящих на всех уровнях общественной жизни [1].

При описании жанровой вариативности инженерного дискурса необходимо учитывать актуальные разработки на современном этапе развития научной парадигмы в области дискурсологии, которые отражают точку зрения на профессиональный дискурс как на более комплексное явление, а не только как на дихотомию «язык—речь». Жанровый анализ претерпел изменения и сегодня включает в себя не только изучение специфических языковых признаков, но и анализ социаль-

ного контекста, культуры, идеологии, организации и деятельности дискурсивного сообщества.

Парадигма жанров инженерного дискурса как целостного, комплексного явления окончательно не сформировалась до настоящего времени и требует дальнейших исследований.

Цель данной работы — описать, как жанровый анализ применялся (и применяется) для изучения инженерного дискурса, и представить обзор исследований, которые выявляют актуальность типологии жанров для инженерной практики. В статье будет установлено, как жанровый анализ создает парадигму для изучения и понимания аспектов инженерного дискурса.

В настоящей работе под жанром мы понимаем средство формализации коммуникативно-прагматических ситуаций социального взаимодействия представителей различных социумов.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Возвращаясь к истории вопроса, необходимо отметить, что первые исследования научного и технического английского языка рассматривали его как регистр, тип дискурса, где тексты демонстрируют общие черты. Целью этих исследований было определить характерные черты данного типа дискурса, при этом не уделялось внимание тому, как употребление данных особенностей варьируется в зависимости от жанра.

В начале 1990-х гг. некоторые исследователи начали анализировать английский язык науки и техники с помощью другого подхода, обращая внимание на то, как различные жанры используют конкретные комбинации лингвистических особенностей и как значение и функции этих особенностей могут меняться в различных жанрах. Признаки и общепринятые нормы жанра объяснялись в соответствии с его коммуникативной целью, обусловленной социальным контекстом, в котором производится жанр [12; 6].

Традиционный текстовый подход к жанру в инженерном дискурсе произошел от риторического подхода к изучению научного и технического дискурса. Основное внимание направлено на взаимодействие коммуникативной цели, риторической структуры и языкового предпочтения. Относящиеся к жанру тексты рассматриваются как обладающие общей коммуникативной целью, текстуальными особенностями и содержанием. Хотя утверждается, что социальный контекст крайне важен в формировании особенностей жанра, в действительности же, социальный контекст зачастую не изучают при анализе специализированного жанра. Жанром считается класс коммуникативных событий, объединенных общей целью и признанных членами дискурсивного сообщества, которому он принадлежит. Эти цели обуславливают структуру и языковые предпочтения жанра. Если изучение жанра исходит из понимания жанра как относительно устойчивой формы, его цель носит образовательный характер: обеспечить обучение стандартной форме и особенностям, и таким образом способствовать тому, чтобы студенты стали членами специального дискурсивного сообщества, используя жанры данного сообщества.

Более поздний подход использует социальный принцип, основанный на теории речевых жанров М. Бахтина [3] и на представлении о жанре как типичном социальном действии в условиях риторических ситуаций. То есть именно повторяющиеся социальные действия авторов, создающих жанр, способствуют возникновению закономерностей жанра. В рамках данного подхода жанры относительно неустойчивы или, другими словами, «закреплены/стабильны в данный/конкретный момент», это риторические формы, изучение которых необходимо проводить в контексте их использования и в соответствии с их целями в конкретном дискурсивном сообществе [10].

Опираясь на мнение К. Миллер, исследователи, признающие социальную позицию, определяют жанр через призму закономерностей не только его текстуальных особенностей, но и риторических действий, которые обуславливают способы создания текста. Руководствуясь этой позицией, А. Парэ и Г. Сمارт определяют жанр как отличительные параметры закономерностей по четырем направлениям: 1) совокупность текстов, объединенных формальными аспектами (напр., структурой документа, стилем, лингвистическими особенностями); 2) процессы создания текстов (такие виды деятельности как сбор, анализ и оценка информации, а также написание и редактирование); 3) методы чтения, используемые для интерпретации текстов (напр., способы, которыми читатель обращается к тексту, понимает смысл текста, создает знание и использует это знание); и 4) социальные роли, исполняемые авторами и читателями [8; 9]. Эти роли обуславливают действия, которые могут или не могут быть выполнены отдельными людьми.

К. Беркенкоттер и Т. Хакин также определяют жанр как социально обусловленный феномен, относящийся к риторическим действиям сообщества, однако авторы подчеркивают динамичную природу жанров и перечисляют пять основных аспектов современного понятия жанра:

1) динамичность: опираясь на работу Миллер, Беркенкоттер и Хакин определяют жанры как «динамичные риторические формы, которые возникают у исполнителя в ответ на повторяющиеся ситуации и служат цели стабилизировать опыт и наделить его связностью и смыслом». Жанры не являются устойчивыми структурами, а изменяются со временем в ответ на коммуникативные потребности их пользователей;

2) ситуативность: жанры, которые мы используем, зависят от действий, необходимых для их исполнения. То есть наше знание о жанрах происходит от нашего участия в коммуникативной деятельности в повседневной и профессиональной жизни. Таким образом, репертуар жанров, используемых сообществом, связан с системой деятельности этого сообщества;

3) форма и содержание: знание жанра означает не только осведомленность о его форме и текстуальных особенностях, но и о том, когда жанр может быть применен, в какой ситуации, с какой целью, и какой контекст является для него приемлемым;

4) дуализм структуры: жанры выступают ответом на риторические ситуации, возникающие во взаимодействии между членами сообщества. Таким образом, они помогают не только воспроизводить и закреплять социальные структуры, но и конструировать эти структуры;

5) собственность сообщества: жанры, используемые дискурсивным сообществом, отражают его нормы, эпистемологию, идеологию и социальную онтологию. Дискурсивные сообщества используют жанры, обладающие особенными чертами или индивидуальными формами коммуникации. Это означает, что посвященные люди (члены сообщества) располагают эффективными формами коммуникации, а посторонние люди сталкиваются с трудностями в понимании действий, выполняемых с использованием жанра [5].

Многие исследователи жанров уделяют внимание текстуальному анализу корпуса текстов, считающихся показательными для специализированного жанра. Эти исследования анализируют структуру жанра (различные риторические переходы, подчиняющиеся жанру), лексико-грамматические особенности (напр., грамматические времена, употребляемые в специализированном жанре, и функцию этих времен в жанре, использование номинализации, тип терминологии), или текстуализацию (общепринятое употребление языковых особенностей в отдельных жанрах).

Одним из наиболее авторитетных исследователей в области жанрового анализа является Д. Суэйлс, который, проанализировав риторические структуры введений научных статей, ввел в обращение метод для анализа риторических структур различных жанров. Суэйлс разработал три шага, или риторических категорий, в введениях научных статей: шаг 1 — определить территорию, шаг 2 — определить нишу и шаг 3 — заполнить нишу [13].

Научная статья — жанр, которому уделяют наибольшее внимание в научной и технической коммуникации. По модели Суэйлса в нескольких исследованиях проведен анализ схематической организации научных публикаций в сфере инженерии. Эти исследования внесли свой вклад в открытие того, что жанры варьируются в зависимости от дисциплины. Кроме того, основной из важных тем в изучении технических жанров является организация информации.

Объектом изучения многих современных научных работ являются особенности жанров — смешение жанров и размытые границы между жанрами. Главная цель большинства исследований, основанных на текстуальном анализе жанров — предоставить модели обучения. Данные работы проводят анализ определенного типа документа с целью разработать методические указания по его составлению и по обучению его структуре и лингвистическим особенностям. Осведомленность о риторической структуре жанра и значении языковых особенностей в жанре может помочь авторам написать текст, а читателям понять его.

Плодотворным явилось и другое направление исследований в рамках жанрового анализа: изучение жанров технической и научной коммуникации с позиции социального конструктивизма. Сегодня возрастает интерес к анализу дискурсивных сообществ, а также к изучению того, как в риторических структурах жанров отражена идеология сообществ, к которым они принадлежат. Данное научное направление согласуется с предложенным Д. Добриным определением технического письма. По мнению ученого, исследование должно фокусироваться на «видах деятельности групп, для которых пишет автор, ‘письмо для’ и ‘письмо от’, а также в рамках деятельности данных групп», к которым принадлежит автор [7].

Теория деятельности предоставляет поле для изучения жанров с позиции деятельности сообщества, которому они принадлежат. Тексты воспринимаются не как независимые объекты, а как объекты, обусловленные деятельностью, которую они обслуживают.

Жанры рассматриваются как объекты, соответствующие социально организованным видам деятельности [4]. Они являются инструментами осуществления общественной деятельности. Следовательно, изучая различные формы коммуникации в сообществе, исследователям необходимо проанализировать их с точки зрения повторяющихся действий сообщества, его организации и коллективного знания. Для изучения жанра в этом направлении термин «действующее сообщество» может оказаться более подходящим, чем термин «дискурсивное сообщество». Действующее сообщество — это группа людей, совместно работающих и участвующих в общественной (профессиональной) деятельности и, следовательно, развивающих коллективное знание.

Идея о том, что дискурсивные действия сообщества — один из его отличительных признаков, заставила исследователей обратить внимание на жанры, используемые сообществом. Для описания типов жанров, одновременно функционирующих в сообществе или организации, используют несколько парадигм: совокупности жанров, системы жанров, репертуары жанров и экологии жанров [11]. Все эти парадигмы, в которых жанры сообщества представлены во взаимодействии, были применены для рассмотрения отношений между системой взаимосвязей и системой деятельности сообщества.

Следовательно, чтобы прийти к пониманию профессиональной коммуникации, исследователям необходимо проанализировать различные виды письменной деятельности различных профессиональных сообществ, а именно, соотнести эти виды деятельности с сутью их работы, рассмотреть контекст, в рамках которого они происходят, и изучить взаимодействие между различными жанрами.

Чтобы понять коммуникативные действия сообщества, необходимо не только определить репертуар его жанров, но и изучить, как жанры функционируют, одновременно способствуя социальной деятельности сообщества.

Многие современные исследования уделяют внимание различным аспектам взаимоотношений между жанром, сообществом и социальной структурой. Существует взаимообусловленность между письмом и социальным и организационным контекстом, в котором это письмо осуществляется. При написании образца жанра авторы технических текстов подвержены влиянию идеологии и социальной и организационной структуры сообщества. Однако, в свою очередь, их риторическая деятельность — жанры письма — тоже влияет на структуру сообщества.

Изучение жанра базируется на утверждении, что жанры отражают нормы, эпистемологию и идеологию сообществ, к которым они принадлежат [5]. В нескольких научных работах проведены исследования того, как письмо влияет на контекст. Эти работы делают упор на идею о том, что поскольку смысл, выраженный в документе, зависит от контекста, для интерпретации текста необходимо полное понимание социального контекста, в котором он используется. Исследователи утверждают, что дискурс в отдельных сообществах формируется посредством

универсальных, институциональных и дисциплинарных норм. То есть общие нормы, рекомендации института или организации, а также концепции, методы и аксиомы дисциплины оказывают воздействие на аргументы, выстраиваемые сотрудниками. Жанры не только отражают и испытывают на себе последствия деятельности социальных структур, они в свою очередь также оказывают влияние и формируют социальную структуру сообщества или организации, в которой они используются.

Современные исследования также обращены к роли технического письма в создании и легализации некоторых типов знаний, при этом исключая или отвергая другие возможные типы знаний. Для выяснения того, как создается и легализуется знание, необходимо проанализировать письменную деятельность с точки зрения воздействий извне на организацию, в которой эта деятельность осуществляется (напр., экономического, политического или социального давления), не ограничиваясь анализом взаимовлияний внутри организации.

Для практикующих специалистов большое значение имеет изучение способов воздействия на жанры внутренних и внешних факторов сообщества или организации, поскольку это может помочь определить причину проблем в коммуникации. Причиной нарушения коммуникации могут являться различные дискурсы отдельных социальных подгрупп внутри организации. Отталкиваясь от идеи, что смысл создается и авторами, и читателями, которые полагаются на общую совокупность стандартов для использования языка, установленных и поддерживаемых самосознанием сообщества, можно изучить неудачи в коммуникации.

Как указывает Артемьева, проблемы коммуникации могут быть вызваны культурными конфликтами [2]. Автор выявляет, как периодические отчеты инженеров могут стать источником конфликта в случае сотрудничества южноамериканских инженеров с зарубежными коллегами. В частности, она выяснила, что различие в тоне и ожиданиях читателя образуют взаимное непонимание.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом для понимания коммуникативной деятельности сообщества необходимо исследовать как в нем взаимодействуют различные жанры. Также интересным представляется рассмотрение отношений между текстуальными особенностями различных жанров в сообществе или организации и социальной структурой сообщества.

В результате использования Интернета как средства распространения технической документации другой перспективной областью исследования является анализ технических документов он-лайн и их взаимодействия с особенностями и структурой виртуальных сообществ, применяющих данную форму передачи документов. Полезным для практикующих специалистов явилось бы исследование различий между печатными и электронными текстами, взаимодействие читателей с электронными текстами и анализ возможностей Интернета для улучшения технической документации и технической коммуникации.

Жанровый анализ профессионального дискурса является актуальной темой научного исследования, так как с помощью анализа текстов с точки зрения про-

изводящих их сообществ и социальных действий данных сообществ, он предоставляет соответствующую парадигму для изучения и понимания вопросов технической коммуникации. Как показано в работе, данная парадигма оставляет широкое поле для дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гусейнова И.А. Коммуникативно-прагматические основания жанровой системы в маркетинговом дискурсе: Дисс. доктора филол. наук. М., 2010.
- [2] Artemeva N. The writing consultant as cultural interpreter: Bridging cultural perspectives on the genre of the periodic engineering report // Tech. Commun. Quart. 1998. Vol. 7. No. 2. P. 285—299.
- [3] Bakhtin M. Speech Genres and Other Late Essays. Austin, TX: Univ. Texas Press, 1986. Transl.: V.W. McGee.
- [4] Bazerman C., Russell D. “Introduction,” in Writing Selves/Writing Societies. Research from Activity Perspectives, C. Bazerman and D. Russell, Eds. Fort Collins, CO: WAC Clearinghouse and Mind, Culture, and Activity, 2003.
- [5] Berkenkotter C., Huckin T.N. Genre Knowledge in Disciplinary Communication. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Assoc., 1995.
- [6] Bhatia V.K. Analysing Genre: Language use in Professional Settings. London, U.K.: Longman, 1993.
- [7] Dobrin D. Writing and Technique. Urbana, IL: NCTE, 1989.
- [8] Miller C. Genre as social action // Quart. J. Speech. 1984. Vol. 70. No. 2. P. 151—167.
- [9] Pare A., Smart G. “Observing genres in action: Toward a research methodology”, in Genre and the New Rhetoric, A. Freedman and P. Medway, Eds. London, U.K.: Taylor & Francis, 1994. P. 146—154.
- [10] Schryer C. “The lab vs. the clinic: Sites of competing genres”, in Genre and the New Rhetoric, A. Freedman and P. Medway, Eds. London, U.K.: Taylor & Francis, 1994. P. 105—124.
- [11] Spinuzzi C. Describing Assemblages: Genre Sets, Systems, Repertoires, and Ecologies. Computer Writing and Research Lab. White Paper Series. [Online]. Available: http://www.cwrl.utexas.edu/blogger/whitepapers/archives/000_007.html.
- [12] Swales J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge, U.K.: Cambridge Univ. Press, 1990.

APPROACHES TO GENRE ANALYSIS OF ENGLISH ENGINEERING DISCOURSE

L.M. Bolsunovskaya

Department of Foreign Languages
Institute of Natural Resources
National Research Tomsk Polytechnic University
Lenin Avenue, 30, Tomsk, Russia, 634050

The paper presents different approaches to the research of genre analysis. The author summarizes different scholarly views and underlines the significance of scientific and professional communication genre research of linguistics at the present stage. English engineering discourse is defined as a macrosystem resource of professional communication genre genesis in the context of global change that comes together

at all levels of social life. Also, the author notes that engineering discourse genre paradigm, as a holistic and complex phenomenon, has not been finalized yet. So this issue needs to be investigated further. Features and common norms of genre are explained according to its communicative goal that is motivated by social context, where genre is formed. Moreover, the author notes that genre analysis has experienced changes and today it includes not only research of specific language features, but also social context, culture, ideology, structure, and activity of discourse community.

Key words: engineering discourse, genre analysis, textual analysis, social context.

REFERENCES

- [1] *Gusejnova I.A.* Kommunikativno-pragmaticheskie osnovanija zhanrovoj sistemy v marketingovom diskurse. Diss. dokt. po filologii. [Cognitive and Pragmatic Foundations of Genre System in Marketing Discourse Dr. phil. sci. diss.] M., 2010.
- [2] *Artemeva N.* The writing consultant as cultural interpreter: Bridging cultural perspectives on the genre of the periodic engineering report. *Tech. Commun. Quart.*, vol. 7, no. 2, 1998. P. 285—299.
- [3] *Bakhtin M.* Speech Genres and Other Late Essays. Austin, TX: Univ. Texas Press, 1986. Transl.: V.W. McGee.
- [4] *Bazerman C., Russell D.* "Introduction," in *Writing Selves/Writing Societies. Research from Activity Perspectives*, C. Bazerman and D. Russell, Eds. Fort Collins, CO: WAC Clearinghouse and Mind, Culture, and Activity, 2003.
- [5] *Berkenkotter C., Huckin T.N.* Genre Knowledge in Disciplinary Communication. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Assoc., 1995.
- [6] *Bhatia V.K.* Analysing Genre: Language use in Professional Settings. London, U.K.: Longman, 1993.
- [7] *Dobrin D.* Writing and Technique. Urbana, IL: NCTE, 1989.
- [8] *Miller C.* Genre as social action. *Quart. J. Speech*, vol. 70, no. 2, pp. 151—167, 1984.
- [9] *Pare A., Smart G.* Observing genres in action: Toward a research methodology. In *Genre and the New Rhetoric*, A. Freedman and P. Medway, Eds. London, U.K.: Taylor & Francis, 1994. P. 146—154.
- [10] *Schryer C.* The lab vs. the clinic: Sites of competing genres. In *Genre and the New Rhetoric*, A. Freedman and P. Medway, Eds. London, U.K.: Taylor & Francis, 1994. P. 105—124.
- [11] *Spinuzzi C.* Describing Assemblages: Genre Sets, Systems, Repertoires, and Ecologies. Computer Writing and Research Lab. White Paper Series. Available: http://www.cwrl.utexas.edu/blogger/whitepapers/archives/000_007.html.
- [12] *Swales J.* Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge, U.K.: Cambridge Univ. Press, 1990.

© Болсуновская Л.М., 2016

Дата поступления в редакцию: 15.01.2016

Дата принятия в печать: 20.02.2016

ТЕКСТ И ДИСКУРС

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ ИСПАНИИ В АСПЕКТЕ ОТНОШЕНИЙ «АДРЕСАНТ — АДРЕСАТ»

Е.Н. Ремчукова, О.А. Шевченко

Кафедра общего и русского языкознания
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Объектом исследования в статье является «качественная» пресса Испании: в ней анализируются лингвокреативные средства аналитической газетной статьи, которые рассматриваются в аспекте отношений «адресант-адресат» как средство диалогизации. Взаимодействуя с образными средствами газетной статьи (метафорой, олицетворением и др.), лингвокреативные средства (неологизмы, трансформированные цитаты и фразеологизмы, а также полисемантические заголовки) формируют ее лингвопрагматическую направленность. Они направлены на выражение авторской позиции, но требуют со стороны адресата определенных лингвистических усилий, направленных на их интерпретацию в контексте всей статьи. В статье отмечается тенденция современного испанского медиатекста к стилистической контаминации, которая также рассматривается как средство речевого воздействия на адресата: разговорные, просторечные (и грубо просторечные) элементы становятся своеобразными маркерами авторского отношения к тем или иным политическим событиям.

Ключевые слова: лингвокреативные средства, адресант, адресат, стилистическая контаминация.

1. Взаимодействие информативности и экспрессивности как условие прагматической успешности газетного текста

Важной универсальной тенденцией развития языка современной аналитической прессы является актуализация линии «автор-читатель», состоящая в сознательной нацеленности автора на партнёрские отношения с читателем, вовлечение его не только в информационный, но и социокультурный диалог. Именно заинтересованность адресанта в реакции адресата на содержание текста обеспечивает прагматическую успешность той или иной публикации. В языке современных испанских СМИ газетный текст в полной мере демонстрирует эту общую закономерность. Он обладает высокой степенью такой «диалогичности», которая формируется взаимодействием двух его важнейших составляющих — информатив-

ности и экспрессивности. Эффективность передачи содержания в комплексе с авторской модальностью возможна лишь при гармоничном сосуществовании этих двух начал, а именно это является основой для потенциального диалога. Информирование стремится быть (или выглядеть) достоверным, фактологическим, а функция воздействия уходит от одноплановости и императивности [8. С. 451—457; 1].

Таким образом, лингвопрагматическая функция газетного текста обусловлена общей необходимостью передачи информации, а также оценочных значений и культурно-модальных коннотаций. Например, одним из важных средств диалогичности в этом аспекте является так называемое *мы-инклюзивное*: такое употребление в тексте местоимения первого лица множественного числа, которое включает в свою сферу адресата речи, как бы приглашая его к совместному размышлению или действию: *Cómo se solventa en un pis pas el drama de los desahucios?: sencillísimo, eliminando el dinero de los toros <...> su intrínquilis <...> nos tiene intrigadísimo <...> Cómo no se nos había ocurrido antes?... (ABC, 22.02.2013); (Как в два счета решить проблему принудительных выселений?: проще простого, используя деньги корриды <...> его замысел <...> нас очень заинтриговал <...> Как это нам раньше не пришло в голову?); Con quién vamos a dialogar? (С кем мы будем вести диалог?) (El País, 30.04.2014) — вопрос, заданный в заголовке испанского издания к статье о референдуме на востоке Украины.*

2. КАЧЕСТВЕННАЯ ПРЕССА ИСПАНИИ В УСЛОВИЯХ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

В условиях стилевой вседозволенности и игровой стихии современных СМИ Испании журналист в борьбе за внимание читателя прибегает и к широкому спектру таких языковых средств, которые можно назвать «лингвокреативными» [7; 8]. Их использование помогает адресанту воздействовать на адресата — на формирование его мнения, а, следовательно, и на формирование определенной шкалы ценностей. При этом текст, насыщенный лингвокреативными феноменами, рассчитан на читателя компетентного, — того, который сможет расшифровать языковой код, заданный автором. Таким образом, креативное использование языковых средств, по нашему мнению, уводит читателя от простого «потребления» информации и приглашает его к анализу не только содержания, но и позиции автора.

Конечно, такая лингвопрагматическая направленность газетного текста характеризует только те издания, которые в полной мере можно отнести к «качественной» прессе: в Испании к ней можно отнести целый ряд таких центральных изданий, как газеты «El País», «El Mundo», «ABC» и др. Для качественной прессы характерны такие отличительные признаки, как преобладание аналитических жанров (статьи, корреспонденции, рецензии, комментарии, обозрения), взвешенность оценок, контроль за достоверностью информации, и, что важно подчеркнуть, дозированная и обоснованная авторская экспрессивность.

Именно в качественной прессе современный испанский язык в полной мере реализует свой лексико-грамматический и стилистический потенциал. Тексты «качественных» изданий в целом вполне отвечают требованиям образованной читательской аудитории и характеризуются высоким профессионализмом в использовании средств литературного языка. Но не только их: мотивированно, оправ-

данно (с целью выразить авторскую иронию, продемонстрировать «лингвистическое остроумие», «поиграть с языком» и т.д.), и достаточно широко используются и такие языковые единицы, которые находятся за пределами литературного языка.

Качественную прессу Испании характеризует контаминация стилей, проявляющаяся в том, что и в сами тексты статей, и в заголовочные комплексы (заголовков + подзаголовков) проникают разговорные и даже просторечные (а иногда и грубо-просторечные) элементы. Они становятся своеобразными маркерами авторского отношения к тем или иным политическим событиям как в самой Испании, члена Евросоюза, так и за ее пределами. Рассмотрим примеры.

Так, в заголовке статьи газеты El Mundo (02.05.2014) *La final de la Liga de Campeones será un filón turístico en Lisboa* (Финал Лиги чемпионов стал туристической золотой жилой Лиссабона) слово *filón* — «рудная жила» употреблено в своём втором, разговорном, значении («выгодное дельце; золотое дно»), стилистически ярко маркированным. Следующий пример относится уже к основному тексту статьи: *La vicepresidenta del Gobierno, Soraya Sáenz de Santamaría, ha negado tajantemente haber recibido dinero en negro del PP* (ABC, 29.04. 2014) (Вицепрезидент правительства Сорая Саенс де Сантамария категорически отрицает нелегальность доходов Народной партии). Разговорное *dinero en negro* (трансформированное по форме *dinero negro* — досл. «чёрные деньги» — выражение, обозначающее, «деньги, добытые нелегальным путём» или «деньги, не задекларированные перед Государственной казной»), оказывается в тексте статьи, в которой говорится о доходах официального лица — заместителя председателя испанского правительства.

В рамках стилистической контаминации в современных газетных текстах Испании отмечается тенденция к использованию грубо-просторечной лексики и, в частности выражений, к которых перманентным компонентом является слово «puta» («сука», «шлюха»): *Leyendo semejantes animaladas, los hijos de puta y los buitros mediáticos se consolidan como cafres sostenidos* (Читая подобную ерунду, сукины дети и падальщики СМИ укрепляют свои позиции) (ABC, 30.03.2015); *Alguien debería explicarle a <...> Eguiguren <...> que en Madrid con ETA vivir se vivía regular, pero, eso sí, se moría de puta madre* (Кто-то должен был бы объяснить Эгигурен что с ЭТА в Мадриде жили так себе, а вот умирали просто офигительно) (ABC, 09.04.2014).

3. ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ СРЕДСТВА КАК ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ МЕДИАТЕКСТА

Исследователи испанской прессы в России отмечают, что «современный испанский газетно-публицистический дискурс совмещает в себе одновременно черты письменной и устной речи, а плотность его каналов и лингвистические возможности приводят к широкому тиражированию качественно новых языковых явлений. Коммуникативное пространство газетно-публицистического дискурса организуется как своеобразный гипертекст, ориентированный прежде всего на адресата. Словообразовательные и семантические процессы неологии в ГПД носят

массовый и интенсивный характер. Активными творцами языка являются не только журналисты, политики, профессиональные копирайтеры, публичные лица, но и обычные жители страны — носители языка, соучаствующие в создании, употреблении новых слов» [5].

Остановимся более подробно на таких регулярных и массовых средствах формирования прагматического потенциала газетного текста, которые мы называем лингвокреативными. К ним мы относим: 1. авторские слова — неологизмы и окказионализмы; 2. полисемантические слова и высказывания; 3. прием трансформации а) прецедентных текстов и б) фразеологизмов.

1. **Окказиональные слова** создаются с целью привлечения внимания к обозначаемому ими денотату в первую очередь за счет необычной, яркой и незакрепленной языковой формы и нового содержания. Например: *La culpa en primer lugar la tenemos nosotros, los artistas, seres sonámbulos y disciplinados <...> Manipulados por ocho años catastróficos de zapaterismo y dos de rajoyismo* (El País, 25.01.2014) (*В первую очередь виноваты мы сами, артисты, дисциплинированные сомнамбулы <...> В течение восьми лет манипулируемые сапатеризмом и в течение двух — рахойизмом*). Окказионализмы образованы от фамилии бывшего президента правительства Сапатеро (Zapatero — **zapaterismo**, *сапатеризмо*) и от фамилии нынешнего — Рахоя (Rajoy — **rajoyismo**, *рахойизмо*) и являются средством выражения авторской иронии, которая вполне очевидна для читателя, так как речь идет о годах правления, которые автором открыто оцениваются как «катастрофические».

Неологизмы, в отличие от окказионализмов, закрепляются в литературном языке и имеют тенденцию к тиражированию. Так, заголовок «*Euroopáticos*» (El Mundo, 14.05.2014) («*Евроопаты*») представляет собой неологизм, характеризующий определенные настроения европейской молодежи, к которым критически относится автор статьи, и это критическое отношение недвусмысленно заявлено уже в заголовке. Ярким прагматическим потенциалом обладают окказиональные имена собственные: их необычную форму, обеспечивающую широкое поле для языковой игры, юмора, пародии отмечает А. Ковригина [6]:

- ♦ «*escehomenaje*»: *esce* + *homo* + *homenaje*, дань уважения фреске *Esce Homo* (El País, 07.09.2012);
- ♦ «¿De '*Merkozy*' a '*Merkollande*'?»: *Merkozy* «*Меркози*» = Ángela Merkel + Nicolás Sarkozy; *Merkollande* «*Мерколланд*» = Ángela Merkel + François Hollande (El Mundo, 07.05.2012).

2. Прагматическая необходимость семантической компрессии и игровое начало газетного текста обуславливают **актуализацию многозначности** слова или высказывания с целью создания каламбурного эффекта. Так, в заголовке «*AVE para todos*» (El Mundo, 19.05.2010) («*AVE для всех*») аббревиатура **AVE** (сокращение от исп. Alta Velocidad Española) — это торговая марка компании-оператора Испанских железных дорог Ренфе, созданная для предоставления услуг высокоскоростного железнодорожного транспорта в стране. Дословно название переводится как *Испанский высокоскоростной поезд*, и в тексте заголовка одновременно

обыгрывается графическое совпадение аббревиатуры-названия и слова *ave* («птица»). Во-первых, птица изображена на логотипе компании AVE, во-вторых, журналист выстраивает и ассоциативный ряд «стремительный полёт птицы — высокоскоростное движение поезда». В основе такой намеренной речевой неоднозначности лежит ассоциативное наложение, при котором один ассоциант воспринимается на фоне другого и создается интерпретационная неоднозначность восприятия слова в высказывании.

В следующем примере акроним-неологизм **STUPID** (англ. «глупый, дурак») приобретает оценочное значение, ассоциируясь с ярким оценочным прилагательным: *Claro que, si nos atenemos a las economías que pueden verse arrastradas en caso de una suspensión de pagos de Grecia, el nuevo acrónimo de moda entre los analistas es STUPID, las siglas en inglés de España, Turquía, Reino Unido, Portugal, Italia y Dubai* (El País, 14.02.2010) (*Конечно, если мы имеем в виду экономику тех стран, которые посыпятся в случае, если Греция объявит себя неплатежеспособной, то среди аналитиков их называют STUPID, составлено из английского названия следующих стран: Испания, Турция, Великобритания, Португалия, Италия, Дубай*).

3. В рамках приема трансформации рассмотрим а) трансформированные прецедентные тексты и б) трансформированные фразеологические единицы:

а) **Прецедентные тексты** — это стихийно или сознательно отобранные тексты, которые рассматриваются как общеизвестные в конкретной национальной речевой культуре и которые допускают особые формы их использования, в том числе, в масс-медиа. Прагматический эффект прецедентного текста обусловлен тем, что он хорошо знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества: это афоризмы, названия и цитаты из Библии, литературных произведений, фильмов, сказок, рекламных роликов. Источником прецедентных текстов прежде всего являются фразеологические единицы (последние при широком подходе могут включать в себя и афоризмы, и названия фильмов, книг, песен, и фрагменты рекламных роликов, и ставшие известными высказывания общественных деятелей, политиков и так далее). Источником прецедентных текстов прежде всего являются фразеологические единицы (последние при широком подходе могут включать в себя и афоризмы, и названия фильмов, книг, песен, и фрагменты рекламных роликов, и ставшие известными высказывания общественных деятелей, политиков и так далее). Источником прецедентных текстов прежде всего являются фразеологические единицы (последние при широком подходе могут включать в себя и афоризмы, и названия фильмов, книг, песен, и фрагменты рекламных роликов, и ставшие известными высказывания общественных деятелей, политиков и так далее). Источником прецедентных текстов прежде всего являются фразеологические единицы (последние при широком подходе могут включать в себя и афоризмы, и названия

фильмов, книг, песен, и фрагменты рекламных роликов, и ставшие известными высказывания общественных деятелей, политиков и так далее и т.п. Известно, что современный медийный текст интертекстуален по своей природе и, следовательно, изобилует цитатами разного рода: «*Los agentes sorprendieron 'in fraganti' a dos varones cuando extraían una pletina metálica...*» (El Mundo, 04.09.2011) («Полицейские застали *in fraganti* двух мужчин, которые пытались украсть металлические пластины»). Лингвокреативное начало проявляется именно в трансформации прецедентных текстов: «в угоду автору» они преобразуются структурно и семантически: «...*fue lo más cerca que estuvimos de ver a Cristo preguntando por la inflación antes de los panes y los peces*» (El País, 19.03.2015) («... это было ближе всего от нас, где мы были и видели, как Христос сначала спрашивает об инфляции, а не о хлебах и рыбах»); «*Tiempo de cosechar lo que se ha sembrado*» (ABC, 18.11.2011) («Время жать то, что посеяли»);... Нами не случайно взяты в качестве примера цитаты из Библии: они характерны для испанских СМИ, как в нетрансформированном, так и трансформированном виде.

б) Также широко употребительны *трансформированные фразеологические единицы*. Заголовок: *Venezuela sin salida (Венесуэла в тупике)* (El País, 26.03.2014). В испанском языке слово *тупик* появляется только в виде устойчивого выражения *callejón sin salida* (досл. *переулок без выхода*). В данном случае мы наблюдаем замену одного из постоянных компонентов фразеологизма на название конкретной страны. Таким образом, устойчивое выражение распадается, а безвыходность положения Венесуэлы оказывается более очевидной для читателя. Трансформированный фразеологизм становится семантическим конденсатом, в котором высвобождается прямое значение, важное для данного контекста.

Рассмотрим следующий пример: *Y se equivoca también Maduro — en esta crisis que revela el fracaso del chavismo sin Chávez — si piensa que las aguas volverán a su cauce por agotamiento* (El País, 26.03.2014) (*Мадуро тоже ошибается — в условиях этого, который разоблачил крах чавизма без Чавеса — если думает, что воды вернутся в своё русло просто от усталости*). Нарращение к фразеологизму *las aguas volverán a su cauce — всё вернётся на круги своя*, досл. «воды вернутся в своё русло». *Agotamiento* — слово, обозначающее «усталость», «истощённость» также может быть переведено и как «выкачивание, вычерпывание (воды и т.п.)», а этимологически происходит от слова *gota* — «капля» (*agotamiento* — сущ. к гл. *agotar, agotar* происх. от lat. **eguttāre*, от *gutta, gota* (DRAE, 2001). Таким образом, за счет лексического расширения во фразеологизме актуализируется и его прямое значение, связанное с водой.

4. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБРАЗНЫХ И ЛИНГВОКРЕАТИВНЫХ СРЕДСТВ В АСПЕКТЕ ВЫРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ

Отметим, что перечисленные нами лингвокреативные средства, естественно, выступают в комплексе с такими базовыми средствами качественного медиатекста, как метафора, метонимия, сравнения, олицетворение и др. Таким образом, взаимодействие в структуре медиатекста, образность, стилистические контаминации

и перечисленные лингвокреативные средства, позволяют автору совместить черты устной и письменной речи, создать экспрессивно насыщенный текст, вовлечь читателя в диалог. Рассмотрим с точки зрения этого взаимодействия отрывок одной из статей.

Статья называется *Vox sin voto* (*Голос без права голоса*) (El Mundo, 11.05.2014). Остановимся, прежде всего, на анализе заголовка, в котором должны быть обозначены смыслы, заложенные в статье. Современный заголовок часто представляет собой такой мини-текст, в котором используются прагматические эффекты «неявной передачи знаний», в частности, при помощи лингвокреативных приемов, о которых речь шла выше. Но следующий за ним текст статьи помогает читателю декодировать обозначенные (заложенные) в заголовке смыслы. В данной статье речь идет об отношении адресанта к выборам в Европарламент, отношении однозначно отрицательном, хотя вначале автор и употребляет в составе семантически расширенного фразеологизма слово «сомнение». Однако по мере развития сюжета оценочная модальность смещается в сторону неприятия таких выборов, которые представляются автору формальными для рядового испанца на основании того, что его личная позиция не может повлиять на какие-либо решения Евросоюза. Авторская позиция, от сомнения к критике, выражена и эксплицитно (*мне стыдно, чешу в затылке, цинизм отдачи моего голоса*), и имплицитно — при помощи таких образных и лингвокреативных средств, которые являются средствами не прямого, а косвенного воздействия.

Так, в основе данного заголовка лежит лингвокреативная стратегия создания полисемантического высказывания, основанная на этимологическом и фоносемантическом сближении латинского «*vox*» со значением «голос» и испанского «*voto*» (избирательный голос), возможно, также с отсылкой не только к крылатому изречению «*Vox populi vox Dei*» (голос народа — глас Божий), но и «*ex voto*» (по обещанию). Это сближение лексем позволяет актуализировать важные для статьи смыслы: у рядового избирателя формально есть голос (свое мнение), он обладает полноценным правом голоса (то есть выбора), но этот голос в реальности ничего не решает (голос без права голоса). Точка зрения, выраженная в этой статье, конечно, не является общепринятой: ее можно не разделять, но нельзя не признать, что автор умело использует языковой и речевой потенциал испанского языка, чтобы донести ее до читателя газеты. Проанализируем отрывок из текста:

Se acercan las europeas y estoy hecho un mar de dudas etéreas. Digo lo de etéreas porque mi voto carece de legitimidad. No comulgaré el 25 de mayo en el altar de las urnas. Si milito en el pelotón euroescéptico, si solicité el estatuto de apátrida cuando hace treinta años nos metieron en Eurabia por el embudo de la ley del mismo nombre, si lamenté el parricidio de la peseta, si me avergüenza que en la tapa de mi pasaporte figure el rótulo de la Unión Europea, si espero y deseo que ese híbrido se vaya a freír monas cuanto antes, ¿cómo voy a incurrir en el cinismo de aportar mi sufragio a cualesquier candidatura que aspire a representarnos en Bruselas?.<...> No, no... No estoy moralmente legitimado para votar, y no lo haré, entre otras razones porque es casi seguro que la fecha me pillaré <...> on the wild side, pero reconozco que, aun así, ando en estos días rascándome el colodrillo a cuento de por qué persona votaría...

Tiempo habrá para regresar <...> al redil del PP <...> ojalá, como mal menor, me gobernasen ellos. Fuera de Europa, naturalmente (Приближаются выборы в Европарламент, а я витаю в эфирных облаках сомнений. Я говорю эфирных, потому что мой голос не имеет законной силы. Двадцать пятого мая я не получу свою облатку на алтаре выборной урны. Если я состою в отряде евроскептиков, если я просил признать себя лицом без гражданства, когда нас ввязали в Еврабию <...> если я плакал над отцеубийством песеты, если мне стыдно за то, что на корке моего паспорта отпечатан знак Евросоюза, если я жду и надеюсь, что этот гибрид наконец-то укатится ко всем чертям как можно скорее, то как я буду участвовать в цинизме отдачи моего голоса за кого-то, кто хочет быть нашим представителем в Брюсселе? Нет, нет... Я не имею морального права голосовать, и не буду этого делать, среди других причин, потому что скорее всего дата выборов застанет меня неизвестно где, хотя я признаю, что даже при всём при этом, я чешу в затылке и думаю, почему люди ходят голосовать <...> Еще будет время вернуться <...> в стада Народной Партии <...> хоть, меньшее из зол, правила бы она. Вне Европы, разумеется") (El Mundo, 11.05.2014).

В данном отрывке обнаруживаются и образные, и лингвокреативные языковые средства, и стилистические контаминации. Перечислим их:

- ◆ синтаксический параллелизм придаточных частей с повторяющимся союзом *если* (*si*) в третьем развернутом предложении текста, которое по форме представляет собой риторический вопрос;
- ◆ английское заимствование в четвертом предложении (*on the wild side*), представляющее собой прецедентный текст — слова известной английской песни;
- ◆ метафоры: *no comulagré en el altar de la urnas* “я не получу облатку на алтаре выборной урны”; *milito en el pelotón* “я состою в отряде”; *el parricidio de la peseta* “отцеубийство песеты”; *redil del PP* “стада Народной Партии”;
- ◆ нетрансформированные (*rascándome el colodrillo* “чешу в затылке”; *mal menor* “меньшее из зол”) и трансформированные фразеологизмы (*estoy hecho un mar de dudas etéreas* — я витаю в эфирных облаках сомнений; *se vaya a freír monas cuanto antes* — укатиться ко всем чертям как можно скорее);
- ◆ стилистические контаминации (вкрапление таких разговорных выражений, как *nos metieron en* “нас ввязали в”; *me pillará* “застанет меня”);
- ◆ перифраз (*aportar mi sufragio* “отдать свой голос” вместо *sufragar* “проголосовать”);
- ◆ эксплицитное авторское «я», подкрепленное повтором притяжательного местоимения первого лица *мой* (*mi*);
- ◆ неологизм с такой характерной для современного языка частью сложного слова, как *евро* (*euroescéptico* “евроскептик”), а также такой яркий оценочный неологизм, как *Еврабия* (*Eurabia*) (сложение основ, о котором мы уже упоминали выше) и некоторые др.

Все эти средства также интенсифицируют отношения «адресант-адресат»: позволяют в полной мере сформировать авторскую точку зрения и недвусмысленно донести ее до читателя.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотим подчеркнуть еще раз: независимо от взглядов потенциального адресата на этот конкретный и волнующий многих вопрос, журналист, как нам представляется, стремится к диалогу. И в этом, с нашей точки зрения, можно видеть прагматическую успешность данного текста. Его основная задача не сводится к тому, чтобы просто манипулировать сознанием адресата (хотя элементы манипуляции являются прагматической составляющей практически любого медийного текста). Но в данном случае автор стремится (в экспрессивной форме) повлиять на его позицию, вовлечь его в «соразмышление» и, возможно, именно неприятие авторской модальности «категоричности» может способствовать «внутренней дискуссии». Значит, цель статьи достигнута.

Таким образом, мы думаем, что изучение описанных в статье лингвокреативных языковых средств, направленных на мотивацию адресата с целью достижения перлокутивного эффекта, представляется продуктивным и перспективным для лингвистической прагматики, в зоне внимания которой находятся медиатексты.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Grijelmo A.* El estilo del periodista. 16-a edición, Taurus, Santillana Ediciones Generales, S.L., Madrid, 2008.
- [2] La lengua de los medios de comunicación. Servicio de publicaciones de la Universidad Complutense de Madrid, Madrid, 1999.
- [3] *Ramonet I.* El poder mediático. Ciberlegenda, 7, 2002, Publicación electrónica: <http://www.uff.br/mestcii/ramonet1.htm>.
- [4] REAL ACADEMIA ESPAÑOLA: Diccionario de la lengua española (DRAE), 22.ª edición. Versión electrónica: <<http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>>, 2012.
- [5] *Алимова Р.Р.* Неология в современном испанском газетно-публицистическом дискурсе: деривационные и лексико-семантические процессы. Автореф. дисс. канд. фил. наук. Науч. рук. Ларинова М.В. МГИМО, Москва, 2013.
- [6] *Ковригина А.И.* Реализация принципа экономии языковых средств в современной испанской прессе. Дисс. канд. фил. наук. МГУ, 2013, Интернет-ресурс <http://www.philol.msu.ru/~ref/avtoreferat2013/kovrigina.pdf>.
- [7] *Ремчукова Е.Н.* Лингвокреативные составляющие современных СМИ на фоне активных языковых процессов // *Humaniora: Lingua Russica.* Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 2009.
- [8] *Ремчукова Е.Н.* Некоторые коммуникативные и стилистические особенности креативных феноменов в СМИ. *Žmogus Kalbos Erdvėje, Mokslinių straipsnių rinkinys*, 6, Каунас, 2010. С. 451—457.
- [9] *Ремчукова Е.Н., Шевченко О.А.* Прецедентные тексты как одно из лингвокреативных средств в современных печатных СМИ России и Испании. *Cuadernos de Rusística Española, Universidad de Granada*, 10, 2014. С. 71—75.
- [10] *Шевченко О.А.* Стилистический динамизм как средство выражения авторской позиции (на материале современной российской и испанской прессы), II Международный Конгресс «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». Ред.: Tirado R.G. Гранада, Rubiños, Том I, 2010. С. 1011—1015.
- [11] *Шевченко О.А.* Употребление трансформированных и нетрансформированных фразеологических единиц в современных печатных СМИ России и Испании. Международный Конгресс «Сравнительные русско-испанские исследования: теоретические и методологические аспекты». Ред. Tirado R.G. — Гранада. Изд. Jizo Ediciones, 2011. С. 283—288.

LINGUOCREATIVE COMPONENTS OF THE SPANISH PRINT MEDIA IN THE COMMUNICATIVE ASPECT OF “ADDRESSER-ADDRESSEE”

E. Remchukova, O. Shevchenko

Department of Russian and general linguistic

Philology Faculty

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The object of research of the article is the “qualitative” Spanish media: linguocreative means of analytical newspaper articles used as a means for dialogization in the communicative aspect of “addresser-addressee” are analyzed here. Interacting with metaphoric means of the newspaper article (metaphor, personification, etc.) linguocreative means (neologisms, transformed quotes and idioms, polysemantic titles) form its pragmatic orientation. They are aimed at expressing the author’s position, but require some special linguistic efforts to interpret them in the context of the whole article. In the article we point out the tendency of the modern Spanish media text to stylistic contamination, which is also considered like a method of speech influence on the recipient: colloquial, low colloquial (including rude vernacular) elements are transformed to peculiar markers of the author’s view of current political events.

Key words: linguocreative means, addresser, addressee, stylistic contamination.

REFERENCES

- [1] Grijelmo A. El estilo del periodista. 16-a edición, Taurus, Santillana Ediciones Generales, S.L., Madrid, 2008.
- [2] La lengua de los medios de comunicación. Servicio de publicaciones de la Universidad Complutense de Madrid, Madrid, 1999.
- [3] Ramonet I. *El poder mediático. Ciberlegenda, 7, 2002, Publicación electrónica:* <http://www.uff.br/mestcii/ramonet1.htm>.
- [4] REAL ACADEMIA ESPAÑOLA: Diccionario de la lengua española (DRAE), 22.ª edición. Versión electrónica: <<http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>>, 2012.
- [5] Alimova R.R. Neologija v sovremenom ispanskom gazetno-publicisticheskom diskurse: derivacionnye i leksiko-semanticheskie processy. Avtoref. diss. kand. fil. nauk. Nauch. ruk. Larionova M.V. MGIMO, Moskva, 2013.
- [6] Kovrigina A.I. Realizatsiya printsipa ekonomii yazykovykh sredstv v sovremennoy ispanskoj presse. Diss. kand. fil. nauk. MGU, 2013, Internet-resurs <http://www.philol.msu.ru/~ref/avtoreferat2013/kovrigina.pdf>.
- [7] Remchukova E.N. Lingvokreativnye sostavlyayushchie sovremennykh SMI na fone aktivnykh yazykovykh protsessov // *Humaniora: Lingua Russica. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Lingvistika KhII. Aktivnye protsessy v russkom yazyke diaspory i metropolii.* Tartu, 2009.
- [8] Remchukova E.N. Nekotorye kommunikativnye i stilisticheskie osobennosti kreativnykh fenomenov v SMI. *Žmogus Kalbos Erdvėje, Mokslinių straipsnių rinkinys, 6, Kaunass, 2010.* ss. 451—457.
- [9] Remchukova E.N., Shevchenko O.A. Pretsedentnye teksty kak odno iz lingvokreativnykh sredstv v sovremennykh pechatnykh SMI Rossii i Ispanii. *Cuadernos de Rusística Española, Universidad de Granada, 10, 2014,* pp.71—75.
- [10] Shevchenko O.A. Stilisticheskiy dinamizm kak sredstvo vyrazheniya avtorskoy pozitsii (na materiale sovremennoy rossiyskoy i ispanskoy pressy), II Mezhdunarodnyy Kongress «Russkiy yazyk i literatura v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve: sovremennoe sostoyanie i perspektivy». Red.: Tirado R.G., Granada, Izd. Rubiños, Tom I, 2010, ss. 1011—1015.

© Ремчукова Е.Н., Шевченко О.А., 2016

Дата поступления в редакцию: 05.11.2015

Дата принятия в печать: 23.11.2015

ИНТЕРДИСКУРСИВНЫЙ ХАРАКТЕР СМЫСЛОВОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ КОРЕФЕРЕНТНЫХ МЕТАФОР

М.Ф. Гайнаншин, З.З. Чанышева

Кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации
Факультет романо-германской филологии
Башкирский государственный университет
ул. Коммунистическая, 19, Уфа, Россия, 450074

Статья посвящена установлению специфики смыслового развертывания кореферентных метафор в интердискурсивном пространстве. Решение данной проблемы преследует цель определить характер смысловых отношений, которые скрепляют отдельные звенья в цепочке, образуемой рядом кореферентных метафор, разделяющих свойство вариантной образной номинации. Поставленная цель предполагает выбор интердискурса в качестве минимального ассоциативно-культурного контекста. Материал для эмпирического анализа отобран из финансово-экономических текстов, размещенных в электронных и онлайн-версиях ведущих англоязычных СМИ. Семантика ключевых единиц, формирующих метафорические обозначения экономических понятий, уточняется с помощью данных толковых и культурологических словарей английского языка. В процессе исследования практического материала применялись компонентный, контекстуальный, дискурсивный, прагматический анализ и процедуры смысловой интерпретации с использованием лингвокультурологических приемов. В результате проведенного исследования сформулированы следующие выводы: установлены два уровня смыслового развертывания кореферентных метафор: (а) между звеньями в пределах метафорических цепей $M_1 + M_2 + M_3 + \dots M_n$ и (б) между головной и субметафорами, выделяемыми в рамках лобного звена кореферентной цепи $M_1, M_2, M_3, M_n \rightarrow m_a + m_b + m_c + \dots m_n$; доказана роль интердискурсивных связей между метафорами с общим типом референции; выявлено участие образных номинаций в кореферентных блоках в процессе смыслового профилирования экономического понятия; показано усиление смыслового напряжения благодаря нарастанию метафорической плотности, обеспечивающему дополнительный синергетический эффект.

Ключевые слова: интердискурс, экономическая метафора, кореферентные метафоры, смысл, смысловое развертывание, профилирование смысла, синергетический эффект.

1. ВСТУПЛЕНИЕ

В экономике в начале XXI в. наблюдается своего рода «лингвистический или риторический поворот», в котором ключевая роль принадлежит метафоре (metaphors have become the cornerstone of what is dubbed the “linguistic or rhetorical turn” in economics) [15]. Возрастающая роль и заметный рост удельного веса экономического дискурса в общем объеме материалов в массовой коммуникации на современном этапе очевидны, и, на наш взгляд, это можно отнести на счет объективных факторов: во-первых, на протяжении последних лет проблемы экономики занимают одно из лидирующих мест, приближаясь по своей значимости в общественном сознании к проблематике политической (по данным Wall Street Journal и Интерфакса за 2013 и 2014 г., экономической тематике отводится до 30% медийной площади); во-вторых, объективные трудности в финансово-экономической области, начиная с кризиса 2008 г. в США и странах Западной Европы, стали предметом пристального внимания и активного публичного обсуждения, превра-

тившись в ключевую тему в кризисной коммуникации; наконец, обострение политико-идеологического противостояния конфликтующих сторон втянуло в процесс конфронтации средства информационной войны, захватившей все важнейшие стороны бытия массового человека.

Среди экономических понятий, подвергающихся метафоризации чаще других, оказывается экономический кризис в разных формах его проявления [9], в связи с которым наблюдается «расширение метафорического употребления слова, а также значительный рост количества метафорических способов представления соответствующего явления» [3. С. 201].

Подавляющее число исследований, посвященных метафоризации экономического кризиса, выполнено в рамках лингвокогнитивной парадигмы, позволяющей выявить процедуры обработки знаний о событиях в этой области, обобщить коллективный опыт взаимодействия с миром экономики и установить типы отношений между сферой-источником и сферой-мишенью в процессе метафорической проекции данного концепта. В настоящей статье в фокус внимания вынесена интерпретация двухуровневых смысловых отношений, в формировании которых принимает участие экономическая метафора: между звеньями метафорической цепочки, каждое из которых представляет вариантную образную метафору со схожим смыслом, и между головной метафорой, роль которой может принимать на себя любое звено кореферентного ряда, развертывая смысловой потенциал образа через совокупность подчиненных ей субметафор.

2. УСТАНОВЛЕНИЕ КОРЕФЕРЕНТНЫХ МЕТАФОР, ОТРАЖАЮЩИХ ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА В БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОМ СЕКТОРЕ США

Поскольку любой кризис обнаруживает себя в многочисленных формах, в качестве практического материала отобраны примеры, иллюстрирующие функционирование в англоязычном экономическом дискурсе метафоры *fiscal cliff* со значением «фискальный обрыв/утёс/финансовая скала/край бюджетной пропасти/налогово-бюджетная скала» [11]. Следует отметить, что наряду с указанной метафорой в американских изданиях разных типов (профессиональных, академических и популярных) в обращении оказались кореферентные метафоры с близким значением, которые в силу отличий в характере образа способны создавать дополнительный речевой эффект, многократно усиленный за счет синергии от сложения и взаимодействия профилируемых смыслов.

При установлении дискурсивных метафор с аналогичным смыслом «полномасштабный бюджетно-налоговый кризис» мы обратили внимание на следующие моменты: количественный состав, хронология появления схожих метафор и культурно-исторические прецеденты, обеспечивающие культурологическую мотивацию используемых образов.

Судя по нашим наблюдениям, в настоящее время список рассматриваемых кореферентных метафор носит открытый характер, так как он непрерывно пополняется новыми образными номинациями. Их число колеблется от 5 до 20 с лишним единиц, имеющих разную частотность в текстах. Наиболее популярными явля-

ются следующие: (1) топографические метафоры, основанные на пространственном образе (*fiscal cliff*, ~ *slope*, ~ *curb*, ~ *hill*, ~ *mountain*, ~ *overhang*, *cascade*, *precipice*, *abyss*, *waterfall*); (2) связанные с водным и другими видами спорта и развлечениями (*trampoline*, *waterslide*, *cliff diving*, *cliff jumping*, *cliffhanger*); (3) представляющие пищевую метафору (*fiscal diet*, *fiscal fast*). Многочисленные метафоры кореферентного ряда носят спорадический характер и не вошли в широкий обиход (*austerity bomb*, *austerity crisis*, *debt-ceiling crisis*, *Bernanke's bluff*, *budget bedlam*, *budget cutpocalypse*, *crash landing*, *fiscal black hole*, *fiscal doomsday*, *fiscal staircase*, *hurricane Sandy's mistress* и другие) [14]. Многие из них возникли недавно, отражая в образах актуальные события современной действительности (Ураган «Сэнди» 2012 г., чья разрушительная сила сопоставима со взрывами атомных бомб), оценку действующих политиков (соединение смыслов *блеф*, *обман* и одновременно *утёс*, *скала* в метафоре *bluff*, ассоциируемой с Б. Бернанке), мифы о конце света (*doomsday*, *cutpocalypse*) и ассоциации с другими явлениями.

Рассмотрим значимость этнокультурной мотивации образов на примере доминирующих метафор в этой цепи. Среди данных кореферентных метафор безусловно доминантными являются метафоры *fiscal precipice* и *fiscal cliff*: время появления первой, как свидетельствует лексикограф Ben Zimmer, датируется 1893 г., когда она была использована в редакционной статье газеты The Chicago Tribune — «The free silver shriekers are striving to tumble the United States over the same fiscal precipice» [21]. Вторая метафора *fiscal cliff* прочно закрепилась в массовом сознании американцев, поскольку легко вызывает целый ряд этнокультурных ассоциаций: с одной стороны, согласно Оксфордскому словарю, это воспоминания о немом кино 1930-х гг., когда герой, пытающийся совершить самоубийство (*cliffhanger*), стоит на краю обрыва, готовясь к смертельному прыжку [20]. Позже многократный повтор этого образа с аналогичным смыслом приводит к его закреплению в виде прецедента в области кинематографа в культурной памяти американцев [“Riding with Thelma & Louise over the fiscal cliff” (Baltimore, December 2, 2012)]. С другой стороны, как утверждает R. Henderson, в 1957 г. метафора *cliff* впервые была использована в газете New York Times в значении экономического кризиса в сфере недвижимости [16]. Но широчайшую популярность она получила благодаря бывшему директору Федрезерва Бену Бернанке, который возродил ее в феврале 2012 г. “...a massive fiscal cliff of large spending cuts and tax increases” [17].

Наконец, в массовом сознании американцев эта метафора также закрепилась с политическим смыслом, будучи связанной с именем знаменитого лингвиста и видного публициста Ноама Хомского, который использовал ее в контексте описания противостояния СССР и США в разгар Карибского кризиса 1962 г. В заголовке статьи автор предупреждает о смертельной опасности, нависшей над человечеством и грозящей ему самоуничтожением, “Humanity Once Came to the **Cliff's Edge** of Total Self-Annihilation — Let's Make Sure It Never Happens Again” [12].

Из вышесказанного следует, что в связи с метафорическими употреблением *cliff* необходимо иметь в виду широкую палитру этнокультурных смыслов, активируемых этим словом в сознании современного американца: оно способно вызы-

вать широкую сеть ассоциаций, начиная с ностальгических образов романтических героев триллеров Голливуда и приключений Тельмы и Луизы до негативных коннотаций, порождаемых экономическими трудностями в кризисное время.

Авторитетный ученый Дж. Лакофф в статье “Why it’s Hard to Replace the Fiscal Cliff Metaphor?” объясняет феномен доминантного положения метафоры *fiscal cliff* в рассматриваемом ряду с позиций когнитивной лингвистики [18]. Он считает, что в данной метафоре удачно сочетаются, как это происходит внутри нервной цепи (*neural circuit*), несколько ключевых метафорических моделей: **MoreIsUp + ActivityIsMotion** (экономика находится в движении по нарастающей), **TheFutureIsAhead + TheFutureIsRight** (движение устремлено в будущее, отражаемое в диаграмме как направленное слева направо).

Учитывая неблагоприятные события в экономике в последнее время, ученый устанавливает нарушение идеального баланса указанных сил, что может спровоцировать коллапс. Таким образом, в данной сложной модели позитивного экономического развития закодирована базовая метафора **GoodIsUp**, поэтому необходимы усилия для предотвращения того, чтобы не приближаться к обрыву и не пытаться прыгать через него **SuccessIsUp and FailingIsFalling**. В противном случае это приводит к несостоятельности и краху администрации и к трагическим последствиям для народа.

Указанные примеры кореферентных метафор вскрывают значительные расхождения в их смысловом потенциале, что означает обоснованную необходимость их перебора в речи, для чего необходимо установить специфику смыслового разветвления кореферентных метафор на разных уровнях их вхождения в содержательную структуру интердискурса.

3. ИНТЕРДИСКУРСИВНЫЙ ХАРАКТЕР ПРОЦЕССА СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ

Подход к дискурсу как единице наиболее высокого уровня коммуникативной организации речетворческого процесса привел на современном этапе к выделению в системе категорий дискурс-анализа понятия интердискурсивности, выполняющей роль механизма текстопорождения и создания смыслового пространства интердискурса. Предтечей данного феномена в анализе дискурса являются положения концепции М. Фуко, получившие развитие в трудах его последователей (М. Пешё, П. Серио и др.).

Термины «интердискурс» и «интердискурсивность» стали также одними из ключевых в трудах отечественных текстологов (И.А. Щириной, Е.А. Гончаровой, А.А. Гордиевского, И.К. Архипова, Н.С. Олизько и др.), но в окончательном виде осмысление данных категорий не сложилось до сих пор. Попытка строго очертить специфику интердискурса в отличие от интертекста представляется наиболее успешной в концепции лингвистического дискурса В.Е. Чернявской, которая соединяет интердискурс с наличием взаимного влияния текстов через сходство тем, сюжетов, мотивов и др., лежащих в основе взаимодействия дис-

курсов [10]. Позиция автора сформулирована предельно четко: она не противопоставляет текст и дискурс друг другу, но напротив максимально сближает их, предлагая формулу научного анализа «текст в дискурсе».

Этот взгляд на текст через дискурс позволяет расширить границы исследования текста, поместив его в коммуникативное, когнитивное, прагматическое пространство, и соотносить смыслы текста с ментальной сферой, аксиологическими мотивами, идеологическими приоритетами, моделями текстопорождения и с другими факторами. В данном подходе привлекают внимание сразу несколько принципиальных моментов: во-первых, интердискурсивность выявляет те когнитивные процессы, которые предшествуют конкретной текстовой реализации. Во-вторых, акцент делается на связи интердискурсивности и интертекстуальности, поскольку лингвистическим наполнением первой категории являются средства, принадлежащие по своему статусу ко второй, поэтому интердискурсивность есть не диалог текстов, а взаимоналожение различных ментальных операций, образных систем выражения смыслов, фреймов и т.д.

Оригинальное толкование категории интердискурсивность предложено А.Н. Барановым, который определяет ее как свойство, присущее некоторому типу дискурса и проявляющееся в текстах, созданных разными авторами.

Занимаясь лингвистической экспертизой текстов, он пользуется терминами *интертекстуальные* и *дискурсивные* метафоры как синонимами, имея в виду их способность порождать «сложную семантическую структуру вложенных в друг друга смыслов» [2. С. 101].

Вместе с тем автор проводит различие между прецедентными и дискурсивными метафорами, определяя последние как «метафоры, которые приписываются не конкретному автору или прецедентному тексту, а дискурсу в целом» [Там же. С. 106].

Такой подход представляется продуктивным для анализа финансово-экономических текстов, которые можно объединять, укрупняя объект исследования в форме текстовых реализаций экономического, финансового, политического и других видов дискурса. В рамках подобного дискурсивного поля смысловая интерпретация может быть направлена на используемые разными авторами средства выражения образных, символических, ценностных, идеологических и других культурных кодов, которые служат скрепами и сквозным стержнем, объединяющим тексты, создаваемые в рамках данного дискурса. Перспективным направлением исследования метафорических смыслов в интердискурсивном пространстве экономических текстов является культурно-синергетический подход [5], позволяющий вскрыть механизмы его смыслового уплотнения.

Наконец, в данном контексте нельзя не отметить важности того, что успех процесса восприятия и интерпретации смыслов определяется энергией интерпретатора, которая не является постоянной врожденной чертой, что следует из разработанного Д.С. Лихачёвым понятия личностной концептосферы. По мнению ученого, именно от потенциала личности зависит «богатство значений слова и бо-

гатство концептов этих значений», или же напротив «их бедность, однозначность» [7. С. 5—6]. Следовательно, результат смысловой интерпретации метафорических образов, используемых в экономическом дискурсе, определяется не только фактом вхождения в этнокультурный коллектив, но и личностным багажом, поскольку сопряжение энергетического потенциала интерпретатора и энергии языкового значения, взаимодействующей с энергетикой отражаемых в нем экономических явлений, порождает как смысловую синергию целого, так и составляющих его элементов.

Не стоит забывать, что идеи о синергетической природе метафоры пронизывали концепции Х. Ортеги-и-Гассета и Э. Кассирера, которые представляют метафору как знак, «втягивающий в себя наше абстрагирующее усилие», при этом возникает «напряжение», которое «подобно напряжению согнутого лука — источника энергии полета стрелы», в процессе функционирования метафоры как «силовые центры» мгновенно могут превращаться в «сильнодействующее сочетание, если остальной текст дает нужную подсказку» [6. С. 37; 8. С. 70, 72, 74]. Использование приемов лингвокультурологического анализа позволяет вскрыть влияние на этот процесс культурной среды и субкультур, фундаментальных ценностей культур, поскольку культурный фон, который варьирует от культуры к культуре, мыслится как необходимое условие для понимания метафорических когнитивных образований [1; 4; 5].

На наш взгляд, синергетический потенциал метафорических значений задается, с одной стороны, самим механизмом их создания на базе определенных ассоциативных связей, что обеспечивает их восприятие в этнокультурном пространстве и доступность для носителей языка и культуры, овладевших необходимым минимумом «живого» знания. С другой стороны, безусловно важным является исследование процесса развертывания синергетического потенциала метафорических значений в когнитивно-дискурсивном пространстве. Именно интердискурсивное пространство обладает оптимальными свойствами для создания мощного смыслового поля, в котором взаимодействуют единицы с разной энергетической валентностью. Во-первых, интердискурсивное пространство являет собой связанное многими культурными факторами образование, в создании которого взаимодействуют энергии неограниченного числа авторов, реализуя как личностные смысловые доминанты, так и доминанты этнокультурных смыслов; во-вторых, будучи открытым незамкнутым речевым образованием, интердискурсивное пространство соединяет в себе отражение множества ситуативных параметров, которые удерживает в рамках единого целого тематическая составляющая дискурса. Как следствие, пространство интердискурса можно представить как незамкнутое, нелинейное образование с трудно прогнозируемыми векторами смысловых зигзагов развития интердискурсивных единиц, которое функционирует как сложная единица смыслопорождения. Вероятно, здесь действуют и взаимодействуют различные механизмы сцепления дискурсивных культурно-языковых явлений, актуализируя разноглубинные содержательные пласты и создавая многократное смысловое усиление.

4. СМЫСЛОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОРЕФЕРЕНТНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕТАФОР

Задача эмпирического анализа заключается в смысловой интерпретации ко-референтных метафор, которая может позволить ранжировать их по (а) степени остроты описания кризисной ситуации, (б) характеру протекания кризиса, (в) эмоционально-оценочному отношению к описываемому, (г) возможным сценариям развития кризисной ситуации и (д) оказанию определенного речевого воздействия.

В результате исследования установлены два уровня смыслового развертывания рассматриваемых метафор. Уровень реализации образного потенциала вариантных метафор имеет формулу $M_1 + M_2 + M_3 + \dots M_n$, отражающую цепочку метафор, объединяемых общим объектом референции, представленным в данном случае кризисом в налогово-бюджетном секторе.

Как показывает анализ, в рамках указанной формулы имеет место развертывание разных типов смысловых отношений между вариантными образами: (1) конкурентный тип связи, ведущий к ослаблению или усилению силы метафоры, (2) кооперативный тип связи, в результате которого происходит смысловое сближение вариантов, (3) контрарный тип связи в цепи, объединяющей образные варианты на основании их противопоставления.

Рассмотрим примеры кореферентных метафор, объединяемых разными типами связей.

Судя по медийным публикациям, кризисная ситуация на начальном этапе видится по-разному участниками обсуждения (в оценке ее характера, остроты и прогнозируемой продолжительности протекания, возможным последствиям и т.д.), что следует из сопоставительного анализа используемых в метафорах образов.

Пример 1. *"Slope," like "curb," has a gentler ring to it than "cliff." Popular among Democrats (like a few of the terms here), the concept of a "slope" makes economic crisis seem less immediate [27].*

В данном примере, иллюстрирующем конкурентный тип связи между ко-референтными метафорами, показан перебор между вариантными образами, рисующими разную картину кризиса: более сдержанную и спокойную ситуацию вялотекущего кризиса в случае использования *slope* и *curb* (used for something that is at an angle or can be used to describe something that slants) [19], но гораздо более мрачную картину состояния экономики, чреватого серьезными и непредсказуемыми последствиями, создаваемую сильной метафорой *cliff*. Автор отмечает популярность первых двух образных концептов в среде демократов, так как они позволяют смягчить в массовом сознании ощущение сиюминутной или смертоносной опасности.

Пример 2. *If Congress and Obama manage to avoid that one-two punch, then we may look back on the fiscal cliff as a bit of unnecessary alarmism. Let's hope that the death-defying nature of the phrase doesn't actually come to fruition, and we come off the precipice [17].*

В приведенном фрагменте также усматриваем конкурентный тип связи, поскольку образ метафоры *fiscal cliff*, по мнению автора, способен сеять панику, создавая неоправданные алармистские настроения, поэтому политкорректной

в данной ситуации представляется авторская метафора *one-two punch* (Boxing, a sequence of two quick punches) [19], взятая из спортивной сферы и не отягощенная ожиданием катастрофического исхода.

Полемика по поводу использования надлежащего вариантного образа, продолжающаяся по настоящее время, свидетельствует о прагматике метафоры, оценке рисков кризисной ситуации, ценностных основаниях образов, энергетическом потенциале их воздействия.

Кооперативный тип связи наблюдается в тех случаях, когда преобладают, на определенном этапе функционирования метафор, совпадающие ассоциации, вызываемые одними и теми же кореферентными образами.

Пример 3. "...the affectionate term used to describe an economic situation" и "until recently, investors were treating the "fiscal cliff" with a measure of nonchalance" [17].

Пример 4. "How about "fiscal waterslide?" "That does sound like fun" [22].

Пример 5. The "fiscal cliff" may sound like the name of an exercise retreat on a mountain top in Southern California) [13].

Приведенные выше иллюстрации подтверждают реализацию данного типа отношений, отражая вполне позитивное восприятие предлагаемых образов: в примере 3 симпатичный термин, который пришелся по душе американцам (*affectionate term*), в примере 4 образ вызывает не менее приятные ассоциации с любимой песней Waterslide (The Dickies) и беззаботные воспоминания о водных горках в аквапарках, в примере 5 образ порождает коннотации с обычными тренировочными упражнениями перед началом спуска с высокой горы, не предвещающими трагических ситуаций или смертельной опасности.

Показательны в этом отношении комменты американских блогеров, в которых на первых порах также преобладает весьма туманное, но не исключающее оптимистических сценариев развития, представление о состоянии экономики, которое, однако, очень скоро сменяется ощущением надвигающейся катастрофы. Радикальный пересмотр в понимании сути происходящих в экономике страны событий приводит в итоге к резкой смене их образного отражения в прессе.

Пример 6. *The spending cuts and tax changes that would kick in on January 1 wouldn't destroy the economy overnight. They would kick in slowly, and intensify over the course of months. So people are saying that, instead of evoking terror with the name "fiscal cliff", we should call it the "fiscal slope" or the "fiscal obstacle course"* [22].

Пример 7. *The assumption of fiscal slope is that the economy would be on the mend, and we would be back on our way to prosperity. And here we are. Despite the occasional tidbit of good news and media spin, we are nowhere near "on the mend"... "fiscal cliff" has taken on legendary status as a harbinger of economic gloom and doom"* [17].

В примерах 6 и 7 наблюдается контрарный тип связи, когда происходит переоценка прежних вполне радужных и разделяемых многими коннотаций и замена оценочного знака на прямо противоположный. Судя по используемым коннотациям *tidbit* (*a small and particularly interesting item of gossip or information*) [19] и *media spin* (*giving a favourable interpretation of events to the media, especially on behalf of a political party*) [19], поначалу преобладают оптимистические представления о временном характере переживаемых трудностей, естественно возникающих на некоторых этапах и, как правило, легко преодолимых (*on the mend* —

поправиться, выздоравливать) [11], но в последующем складывается ситуация обманутых ожиданий (о чем свидетельствует противоположный смысл, приписываемый заключенной в кавычки ключевой фразе “*on the mend*”, выражающей горькую иронию по этому поводу).

Смена знака с отрицательного на положительный нередко зависит от авторства сообщений, приобретая явный политический или идеологический оттенок. В следующем примере можно видеть, что влиятельные американские СМИ отражают позицию руководства, политических партий и экономических структур, близких к администрации, заинтересованных в ее сохранении, которые поэтому стремятся всячески поддержать стратегическое позиционирование республиканцев и демократов и одобрить мероприятия правительства по «отползанию» от края пропасти, как бы тяжелы они ни были. Поэтому образный вариант *fiscal cliff* квалифицируется с новых позиций как неуместный и искажающий реальное положение дел (*the wrong use of a name for something or someone inappropriate or undeserving*) [20].

Пример 8. *Former Secretary of Labor Robert Reich thinks the phrase “fiscal cliff” might be a bit of an exaggeration — or at least a misnomer. In a new article for the Financial Times, Reich says it’s more likely to play out like a “gentle hill” due to the current strategic positioning by Republicans and Democrats* [23].

Вместе с тем по мере использования данного сочетания в интердискурсивных контекстах, вскрывающих масштабы бедствия, в сознании менее политизированных кругов актуализируется семантика дополнительных факторов, которые заполняют смысловое пространство негативом (“*you see the waves crashing on the rocks below, drop-off the car hurtles over the edge of the cliff and smashes onto the rocks below*”) [27]. В этом велика роль знаков визуального ряда, сопровождающих вербальный текст [14]. Опора на зрительное восприятие кризисной ситуации снимает многозначность интерпретаций образов, благодаря чему выражения с первоначальным амбивалентным метафорическим смыслом приобретают иное мифически грозное звучание как предвестники глубокой депрессии и гибели экономики.

Второй уровень смыслового развертывания кореферентных метафор установлен в отношении отдельных звеньев данной цепочки и принимает вид модели $M_1 \rightarrow m_a + m_b + m_c + \dots m_n$; $M_2 \rightarrow m_a + m_b + m_c + \dots m_n$ и так далее. В данном случае стержневой образ задан головной метафорой, в роли которой может выступить одно из звеньев кореферентного ряда. Прагматический фактор усиления метафорической плотности связан с подключением зависимых от головной метафоры субметафор. Важно обратить внимание на отличие данного уровня смыслового развертывания метафоры от предыдущего, которое состоит в том, что в результате увеличивается количество скрепов между соответствующими сферами, а это, в свою очередь, способствует созданию дополнительных перемычек между когнитивными структурами источника и цели, что в итоге обеспечивает структурирование и конкретизацию образа.

Пример 9. *If the U.S. dives off the fiscal cliff at the end of the month, as seems more likely by the moment, the markets and economic impact will depend on the depth of the plunge and the quality of the landing* [24].

В данном случае происходит смысловое развитие образа головной метафоры *fiscal cliff* через цепочку сопряженных с ней субметафорических образов (*dive off, depth, plunge, landing*). На основании соотнесенных метафор, имеющих единый образный стержень, интерпретация данного образа получает следующие конкретные параметры описания: сорваться со скалы, глубина пропасти, погрузиться глубоко, место приземления после прыжка и характер действия.

Пример 10. *We are Facing an Austerity Bomb, not a Fiscal Cliff* [25].

В приведенном примере головная метафора *austerity bomb* сочетается в интердискурсивном пространстве с субметафорами: *the instant shock that will take the economy into recession, "the shock doctrine", the fallout of the austerity bomb, bombs blow up instantly and harm or kill you, the austerity bomb is going to go off; it will detone* [26].

Обсуждаемая выше головная метафора не получила широкого хождения в СМИ, но тем не менее она сумела образить сетью субметафор в границах интердискурса, в которых развернут метафорический образ *austerity bomb*. Подобно любой другой бомбе, она способна взрываться (*blow up, go off*), детонировать (*detone*), после взрыва выпадают радиоактивные осадки и происходит радиоактивное заражение (*fallout*), все это причиняет вред здоровью (*harm*) или уничтожает людей (*kill*).

Наконец, усиление синергетического воздействия кореферентных метафор имеет место благодаря функционированию образов в комбинаторике со знаками лингвокультуры (прецедентными явлениями, символами, образами, стереотипами и др.). Наиболее частотные контексты подобного взаимодействия создаются с доминантными метафорами, "Fiscal Cliff Hostage Situation Day 14: The Thelma & Louise Caucus" (The Daily Beast, Nov 20, 2012), "Republicans Slam 'Thelma and Louise' Democrats" (Fox Nation, November 28, 2012), "Fiscal cliff debate looking more like Thelma and Louise" (The NY Times, Dec 23, 2012), "We are in for an interest rate shock that will make the Great Depression look like the days of wine and roses" [26].

"The 'fiscal cliff' and playing chicken" (The Washington Post, 12/03/2012), "Why This Week in 'Fiscal Cliff' Feels More Like Chicken Than Negotiation" (The abc news, Dec 6, 2012).

Подводя итог, следует подчеркнуть, что фактор, усиливающий синергетическую мощь обсуждаемых кореферентных метафор, связан с созданием эффекта метафорической плотности в отношении актуального экономического явления. Номинативная вариативность имеет весомые следствия, свидетельствующие о социокультурной значимости данного явления, и одновременно она создает предпосылки для усиления силы метафоры с точки зрения ее воздействия на массовое сознание. Анализ примеров показал, что поскольку в любой метафоре отражаются лишь некоторые характеристики описываемого объекта, что обуславливает «фрагментарность метафорического структурирования» (термин Дж. Лакоффа), выход из этого положения видится в возможности варьирования метафорических средств обозначения для полноты его характеристики. В итоге повышается синергетическая значимость номинативного варьирования в виде профилирования

смысла, которое заключается в том, что в результате такого проецирования происходит высвечивание тех свойств объекта, которые оставались менее очевидными в других вариантах.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, актуальность исследуемого проявления финансово-экономического кризиса в бюджетно-налоговом секторе США подтверждается широким отражением этого явления в языковой плоскости, в частности выборе образных средств. Использование этого средства в англоязычных изданиях обнаруживает тенденцию к созданию кореферентных метафор, что позволяет говорить о метафорической плотности обозначаемого экономического понятия.

В текстах экономического дискурса разных типов кореферентные метафорические варианты реализуются в разных эмоционально-оценочных и идеологических культурологических контекстах, выявляющих их смысловое наполнение.

Синергетический эффект кореферентных метафор усиливается в интердискурсе в результате взаимодействия смыслов, которое осуществляется на разных уровнях: в границах интердискурса между вариантными метафорами устанавливаются конкурентный, кооперативный или контрарный типы связи, которые имеют культурную подоплеку, объясняющую их мотивацию, ценностные приоритеты, смысловую злободневность. Смысловое развертывание на уровне взаимодействия головной метафоры и субметафор обеспечивает выстраивание сложной сети дополнительных скрепов между компонентами физического и абстрактного содержательных планов, что способствует усилению смыслового напряжения.

Наконец, комбинаторика кореферентных метафорических образов и знаков лингвокультуры приводит к смысловой синергии культурно маркированных единиц.

Следовательно, кореферентные метафоры, реализуя свой потенциал в разных конфигурациях, позволяют высветить разные стороны описываемого объекта, обеспечивая профилирование выражаемых смыслов; а соположение кореферентных метафор в культурологическом контексте интертекста способствует усилению их совокупного эффекта, создавая синергетическое воздействие на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алефиренко Н.Ф.* Понятие синергетического пространства лингвокультуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2009. № 3. С. 7—12.
- [2] *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта. Наука, 2009.
- [3] *Ворошилова М.Б.* Кризис — ключевое слово текущего периода: история изучения // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41). С. 201—204.
- [4] *Декатова К.И.* Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации русского языка: когнитивно-семиологический аспект: автореф. дисс. ... док. филол. наук. Волгоград, 2009.
- [5] *Каган М.С.* Синергетика и культурология. URL: <http://spkurdyumov.ru/art/sinergetika-i-kulturologiya/2>.
- [6] *Кассирер Э.* Сила метафоры // Теория метафоры: Сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 33—43.

- [7] *Лихачёв Д.С.* Концептосфера русского языка // Изв. РАН. 1993. 52. 1. С. 3—9.
- [8] *Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры: Сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 68—81.
- [9] *Чанышева З.З.* Смысловая интерпретация дискурсивных метафор // Проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве: Материалы Международной научно-практической конференции. 11—14 ноября 2013. Уфа: РИЦ БашГУ. Часть 1. С. 385—393.
- [10] *Чернявская В.Е.* Открытый текст и открытый курс. URL: www.rastko.rs/cms/files/books.
- [11] *ABBYU Lingo x3*: <http://www.lingvo-online.ru/ru>.
- [12] *Chomsky N.* Humanity Once Came to the Cliff's Edge of Total Self-Annihilation — Let's Make Sure It Never Happens Again" <http://chomsky.info/articles>.
- [13] "Fiscal Cliff Metaphors You Never Want To Hear Again" // The Huffington Post 11/29/2012 <http://www.huffingtonpost.com>.
- [14] Fiscal Cliff a Metaphor is born. URL: <http://www.politicalmetaphors.com/2012/12/20/fiscal-cliff-a-metaphor-is-born>.
- [15] *Hands W.* Reflections without Rules: Economic Methodology and Contemporary Science Theory. L-n: Cambridge University Press, 2001.
- [16] *Henderson R.* What is the Fiscal Cliff — In Simple Terms? <http://deanhenderson.com/fiscalcliffdeal/fiscal-cliff2> // New York Times. Jan 21, 2013.
- [17] *Koba M.* What is the Fiscal Cliff? URL: <http://www.cnn.com/id/49464221>.
- [18] *Lakoff G.* Why it's Hard to Replace the Fiscal Cliff Metaphor? URL: <http://georgelakoff.com/2013/06/30/why-its-hard-to-replace-the-fiscal-cliff-metaphor>.
- [19] Onelookdictionaries. URL: <http://www.onelook.com>.
- [20] Oxford Dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com>.
- [21] Vocabulary. URL: <https://www.vocabulary.com/articles/contributors/10>.
- [22] URL: <http://nymag.com/daily/intelligencer/2012/11/absolute-morons-guide-to-the-fiscal-cliff.html>.
- [23] URL: <http://www.businessinsider.com/fiscal-cliff-more-like-gentle-hill-2012-1>.
- [24] URL: <http://www.politico.com/story/2012/12/longer-the-fiscal-cliff-dive-harder-the-economic-hit-085541#ixzz3xizlzfNH>.
- [25] URL: <http://www.businessinsider.com/we-are-facing-an-austerity-bomb-not-a-fiscal-cliff-2012-11>.
- [26] URL: <http://usawatchdog.com/real-fiscal-cliff-currency-and-bond-collapse-michael-pento>.
- [27] URL: <http://www.buzzfeed.com/rosiegray/6-other-names-for-the-fiscal-cliff#.jn64jxQ5Q>.

INTERDISCURSIVE CHARACTER OF SEMANTIC DEVELOPMENT OF COREFERENTIAL METAPHORS

M.F. Gainanshin, Z.Z. Chanyшева

Department of English Philology and Cross-Cultural Communication
Faculty of Romance and Germanic Philology
Bashkir State University
Kommunisticheskaya str., 19, Ufa, Russia, 450074

The article is devoted to establishing the character of semantic development involving coreferential metaphors in interdiscursive space. The solution of this problem is aimed at determining semantic relations between different links in chains made up by a number of coreferential metaphors that share the property of variant imagery nomination. The task is implemented within the boundaries of an interdiscourse

viewed as a minimum cultural associative context. Empirical data have been drawn from financial and economic texts in electronic and online versions of leading English mass media resources. The meanings of key language units that underlie metaphoric designations of economic notions are clarified with the help of general English language dictionaries and culturological reference books. The analysis of selected examples is carried out based on componential, contextual, discursive, pragmatic analyses and procedures of semantic interpretation supplemented by linguaculturological methods. The investigation allows us to draw the following conclusions: semantic development of coreferential metaphors occurs on two levels: between variant imagery nominations within metaphorical chains $M_1 + M_2 + M_3 + \dots M_n$ and between the head metaphor and submetaphors $M_1 \rightarrow m_a + m_b + m_c + \dots m_n$; it has proved the role of interdiscursive contextual relations between metaphors having the same type of reference; it has shown the participation of imagery nominations within coreferential chains in the process of sense profiling; it has demonstrated intensification of semantic tension resulting from metaphoric density in coreferential blocks signaling greater synergetic effect produced on the reader.

Key words: interdiscourse, economic metaphor, coreferential metaphors, sense, semantic development, sense profiling, synergetic effect.

REFERENCES

- [1] Alefirenko N.F. Ponyatie sinergeticheskogo prostranstva lingvokultury. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Lingvistika"*. 2009. 3. S. 7—12.
- [2] Baranov A.N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i practica. M.: Flinta: Nauka, 2009.
- [3] Voroshilova M.B. Crizis — klyuchevoe slovo tekushchego perioda: istoriya izucheniya. *Politicheskaya Lingvistika*. 2012. 3 (41). S. 201—204.
- [4] Dekatova K.I. Smysloobrazovanie znakov kosvenno-proizvodnoi nominatsii russkogo yazika: cognitivno-semiologicheskyy aspekt: avtoref. diss. ... dok. philol. nauk. Volgograd, 2009.
- [5] Kagan M.S. Sinergetika i kulturologiya. URL: <http://spkurdyumov.ru/art/sinergetika-i-kulturologiya/2>.
- [6] Cassirer E. Sila metaphory. *Teoriya metaphory: Sbornik*. M.: Progress, 1990. S. 33—43.
- [7] Likhachev D.S. Contseptosphera russkogo yazika. *Izv. RAN*. 1993. T. 52. 1. S. 3—9.
- [8] Ortega y Gasset J. Dve velikiye metaphory. *Teoriya metaphory: Sbornik*. M.: Progress, 1990. S. 68—81.
- [9] Chanyшева Z.Z. Smyslovaya interpretatsiya diskursivnykh metaphor. *Problemy mnogoyazichiya v polietnicheskom prostranstve: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-practicheskoi konferentsii*. 11—14 noyabrya 2013. Chast I. Ufa: RITS BashGU. S. 385—393.
- [10] Chernyavskaya V.E. Otkrytyi tekst I otkrytyi diskurs. URL: www.rastko.rs/cms/files/books.
- [11] ABBYY Lingo x3: URL: <http://www.lingvo-online.ru/>.
- [12] Chomsky N. Humanity Once Came to the Cliff's Edge of Total Self-Annihilation — Let's Make Sure It Never Happens Again". URL: <http://chomsky.info/articles>.
- [13] "Fiscal Cliff Metaphors You Never Want To Hear Again". *The Huffington Post* 11/29/2012. URL: <http://www.huffingtonpost.com>.
- [14] Fiscal Cliff a Metaphor is born. URL: <http://www.politicalmetaphors.com/2012/12/20/fiscal-cliff-a-metaphor-is-born>.
- [15] Hands W. Reflections without Rules: Economic Methodology and Contemporary Science Theory. L-n: Cambridge University Press, 2001.
- [16] Henderson R. What is the Fiscal Cliff — In Simple Terms? URL: <http://deanhenderson.com/fiscalcliffdeal/fiscal-cliff2>. *The New York Times* Jan 21, 2013.
- [17] Koba M. What is the Fiscal Cliff? URL: <http://www.cnn.com/id/49464221>.
- [18] Lakoff G. Why it's Hard to Replace the Fiscal Cliff Metaphor? URL: <http://georgelakoff.com/2013/06/30/why-its-hard-to-replace-the-fiscal-cliff-metaphor>.
- [19] Onelookdictionaries. URL: <http://www.onelook.com>.
- [20] Oxford Dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com>.

- [21] Vocabulary. URL: <https://www.vocabulary.com/articles/contributors/10>.
- [22] URL: <http://nymag.com/daily/intelligencer/2012/11/absolute-morons-guide-to-the-fiscal-cliff.html>.
- [23] URL: <http://www.businessinsider.com/fiscal-cliff-more-like-gentle-hill-2012-1>.
- [24] URL: <http://www.politico.com/story/2012/12/longer-the-fiscal-cliff-dive-harder-the-economic-hit-085541#ixzz3xizlzfNH>.
- [25] URL: <http://www.businessinsider.com/we-are-facing-an-austerity-bomb-not-a-fiscal-cliff-2012-11>.
- [26] URL: <http://usawatchdog.com/real-fiscal-cliff-currency-and-bond-collapse-michael-pento>.
- [27] URL: <http://www.buzzfeed.com/rosiegray/6-other-names-for-the-fiscal-cliff#.jn64jxQ5Q>.

© Гайнаншин М.Ф., Чанышева З.З., 2016
Дата поступления в редакцию: 12.02.2016
Дата принятия в печать: 01.03.2016

МЕСТО ИРОНИИ В РЕЧЕВЫХ ПОРТРЕТАХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

А.А. Горностаева

Кафедра общепереводческой подготовки
Факультет межкультурной коммуникации
Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, Москва, Россия, 119034

Статья посвящена использованию иронии в политическом дискурсе. Материалом для анализа послужили публичные выступления современных российских, английских и американских государственных деятелей и политические интервью. Целью исследования явилось выяснение совместимости иронии и политического дискурса и изучение влияния использования ироничных высказываний на создание речевого портрета политика. В статье делается вывод о том, что в современном политическом дискурсе, как российском, так и в британском и американском, ирония уместна, полезна, иногда необходима. Поскольку политические дебаты в современном мире все чаще имеют вид ток-шоу, а политическая информация граничит с развлечением, широкое развитие получила тенденция использования иронии и юмора в политическом дискурсе. В речах государственных деятелей имеют место как иронические заготовки, так и экспромты, более того — часты случаи ненамеренной, случайной иронии. Умелое использование иронии, знание ее механизмов и закономерностей позволяет сделать речь политика яркой, обращенной и убедительной. Ирония помогает обосновать свою позицию и завоевать доверие аудитории. Это касается как русского, так и британского и американского политического дискурса.

Ключевые слова: ирония, юмор, политик, политический дискурс, речевой портрет.

1. ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Понятие политического дискурса в научной литературе неоднозначно. Традиционно его определяют как разновидность идеологического дискурса, основное назначение которого состоит в борьбе за власть [2; 11], коммуникацию, имеющую своей целью завоевание и удержание политической власти [3], деятельность, направленную на формирование, поддержание и изменение отношений доминирования и подчинения в обществе [9], при этом концепты «власть» и «политик» относят к его базовым концептам [4].

Дискурс понимается как вербализация определенной ментальности; такой способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается окружающий мир, но и конструируется особая реальность, создается свой (присущий определенному социуму) способ видения мира, способ упорядочения действительности, реализуемый в самых разнообразных практиках. Действительно, влияние на собеседника и, в глобальном масштабе, на народные массы, формирование общественного мнения и определенного отношения можно назвать отличительной чертой и основной задачей и политики, и политического дискурса.

Характер политического дискурса во многом определяется характером отношений между коммуникантами, обстановкой и культурным уровнем собесед-

ников. Политический дискурс неоднороден. Так, исследователи выделяют такие речевые жанры, как политический памфлет, политическая антиреклама, политическая карикатура, партийная программа, лозунг политический, лозунг на демонстрации и др. [6]. Кроме того, исследование политической коммуникации в тесной связи с иронией предполагает фольклорное понимание политического дискурса, то есть подход к нему как к вербальной культуре, охватывающей весь этнос, элементы которой обнаруживаются в самых разных социальных и профессионально-бытовых слоях общества. Слагаемые этого дискурса разнородны: канцелярит и мат, анекдот и политический скандал, слухи и лозунги, частушки и т.д. Словом, это то, что исследователи называют неформальной политической коммуникацией [2. С. 9], которая разнообразна и с трудом поддается классификации.

Каждая разновидность политического дискурса определяется своим стилем общения, что диктует выбор соответствующих языковых средств для каждого речевого акта. Некоторые исследователи (напр., [23]) полагают, что вся история политической мысли — это история политического дискурса, то есть изменение речевых актов (устных или письменных), выполненных в рамках определенных конвенций, и изменение условий допустимости этих речевых актов. В лингвистической литературе политический дискурс представлен как многоаспектное и многоплановое явление, как комплекс элементов, образующих единое целое. Политический дискурс — это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом [3], институциональное общение, которое, в отличие от лично ориентированного, использует определенную систему профессионально ориентированных знаков, то есть обладает собственным подязыком (лексикой, фразеологией и паремиологией) [8].

Политические тексты имеют содержательный и целевой признаки. Основной содержательный признак политических текстов — «это отражение в них деятельности партий, других общественных организаций, органов государственной власти, общественных и государственных лидеров и активистов, направленной на развитие (в широком смысле) социальной и экономической структуры общества. Целевой признак политического характера текста — это его предназначенность для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям» [12. С. 8]. Таким образом, центральное понятие в политической коммуникации — это личность адресата и способы его убеждения.

2. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Современный политический дискурс по своим характеристикам все больше общего имеет с развлечением, а политические дебаты приближаются, по сути, к своего рода шоу. Отношения между властью и субъектом понимаются как сугубо ролевые, что позволяет делать утверждение о театральности политического дискурса. Как отмечают исследователи, театральность политического дискурса связа-

на с тем, что одна из сторон коммуникации — народ — выполняет в ней преимущественно роль не прямого адресата, а адресата-наблюдателя, который воспринимает политические события как некое разыгрываемое для него действие [14]. Говоря о развлекательной стороне политических дебатов, необходимо отметить, что все большее распространение получает тенденция «заигрывания» политиков с аудиторией, их язык становится излишне сниженным. Еще несколько десятилетий назад исследователи отмечали широкое распространение такого вида политического юмора, как политическая брань, который в демократическом обществе становится все более популярен, наряду с известными формами юмора — шутками, остротами, анекдотами, сатирой, карикатурами: “Political humour takes the forms of jokes and witticisms, anecdotes, satires, dramatic comedy, cartoons, caricatures and perhaps the most common form, political invective. The pervasiveness of the latter may prove to be of particular importance for democratic policies” [24. P. 24].

В настоящее время многие политические дебаты утрачивают официальность и серьезность, приобретая вид ток-шоу, изобилующего провокационными шутками с использованием ненормативной лексики. Здесь юмор выполняет такую функцию, как проявление превосходства. Тиражирование шуток политиков (успешных и неудачных), спунеризмов и косноязычия вызывает смех не только из-за вольной или невольной ироничности их высказываний, но и из-за того, что позволяет публике символически «подняться» над своими правителями. Некоторые политические деятели надолго задерживаются на политической арене именно благодаря умению веселить окружающих и шокировать их своим вербальным и невербальным поведением. Политические обозреватели и журналисты зачастую стараются пригласить для интервью именно таких гостей, ожидая очередного шокирующего выступления для развлечения публики. Возможно, именно поэтому ирония и сарказм занимают значительное место в политическом дискурсе. Исследователи указывают на стирание границ между политическим дискурсом в общепринятом смысле и развлечением, что помогает политикам укрепить свой имидж при помощи чувства юмора: “...the blurring of boundaries between conventional political discourse and entertainment... Politicians try to boost their image by showing off their sense of humour...” [19. P. 218].

Одной из особенностей политического дискурса является его экспрессивность, апеллирование к аудитории. Манипулирование общественным сознанием власть осуществляет с помощью экспрессивных средств языка, так как часто аудитории важен не столько смысл сказанного, сколько эмоции, рожденные сказанным. По замечанию исследователей, экспрессия политического дискурса является не стилистическим приемом или средством, а нормативным фактором его синтаксиса [13. С. 265]. Внешней формой выражения внутреннего эмоционального напряжения являются следующие языковые знаки: экспрессивный вокабуляр, экспрессивный синтаксис, стилистические приемы, среди которых большее место по частотности занимает ирония.

Поскольку все больше возрастает потребность общества в восприятии политических новостей в виде шоу, наряду с эмоциональной неуравновешенностью,

напряженностью и враждебным отношением к собеседникам, политические дебаты все больше приближаются к развлекательному жанру и даже получили специальное название “infotainment” (information + entertainment): “But even if citizens are interested or concerned, conventional information formats do not have equal appeal to various social and age groups, and many seem to be more responsive to the so called “soft news” or “infotainment” (Даже если граждане заинтересованы, или затронуты их интересы, обычные информационные форматы не имеют одинакового влияния на разные социальные и возрастные группы, многие из которых готовы воспринимать только так называемые «шоу-новости» или «информационно-развлечение») [19. Р. 218]. Исследователи отмечают значительное распространение в СМИ шуток за гранью приличия [17], непolitкорректного юмора и черного юмора [18; 22]. Это касается как российского, так и британского и американского политического дискурса.

Одним из важных компонентов в сфере деятельности любого политика или государственного деятеля является публичная речь. Это не только официальное выступление политика, но и в некоторой степени его «языковое лицо», которое в свою очередь работает на создание определенного имиджа. Речь политика в большей степени, чем речь и поведение людей других профессий, запрограммирована, подчинена ритуалу. Слушающему также известен этот ритуал. Слушающий рисует себе образ говорящего по определенному стереотипу, устойчивому представлению о каких-либо явлениях или людях, свойственное ему как представителю той или иной группы.

Выступления на публике — это хороший способ не только заявить о себе, но сделать грамотную и яркую речь своей «визитной карточкой», своеобразным «фирменным знаком» того или иного политика. И не последнюю, а зачастую и одну из самых важных ролей здесь играет правильный выбор и грамотное использование языковых средств и стилистических приемов.

Публичное политическое выступление планируется заранее. Как правило, сначала придумывается костяк публичной речи, на который нанизываются определенные аргументы и факты, затем добавляются образные и экспрессивные средства языка, в конце вносится какая-либо «изюминка» — фирменный языковой знак того или иного политика, неотъемлемая часть его речевого портрета. Но не все можно учесть заранее. Важной составляющей выступления является импровизация, экспромты при ответах на неожиданные вопросы. Именно здесь проявляется основное ораторское умение политика, и ирония и юмор помогают построить реплики наиболее ярко и броско.

Обратимся к понятию речевого портрета. Этот термин в отечественной лингвистике связывают с именами М.В. Панова, Т.Г. Винокур, Т.И. Ерофеевой, Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, Л.П. Крысина, Т.М. Николаевой, К.Ф. Седова, В.Д. Черняк и др. Лингвистический термин «речевой портрет» прежде всего фокусирует свое внимание на способности языкового облика человека отмечать доминантные личностные смыслы. Речевой портрет представлен тремя аспектами характеристики языковой личности: лингвокогнитивным, ком-

муникативным и индивидуально-речевым. Лингвокогнитивный аспект речевого портрета политика связан с описанием ключевых идеологических концептов в дискурсе личности; коммуникативный аспект раскрывается на базе понятий речеповеденческих стратегий и тактик. Индивидуально-речевой аспект опирается на понятие речевой компетенции личности и обеспечивается стилистической квалификацией частотных в речевой практике личности языковых единиц.

В соответствии с речевым портретом политика у слушающего складывается определенное мнение о говорящем. Аудитория оценивает речь политика не только с точки зрения смысла и формы, а также этически и эстетически.

3. ПОНЯТИЕ ИРОНИИ, ЕЕ МЕСТО СРЕДИ СМЕЖНЫХ ЯВЛЕНИЙ, ФУНКЦИИ И МЕХАНИЗМЫ

Ирония является предметом изучения лингвистов, философов, культурологов, социологов. Подходы к ее изучению отличаются многообразием и разноплановостью. Ирония рассматривается в философско-эстетическом, литературном, лингвистическом аспектах. Исследователи определяют ее как категорию комического, а также как философско-эстетическую категорию и феномен культуры (Ю. Боров, Б. Дземидок, К.А. Воробьева, С.И. Походня, В.Я. Пропп, О.П. Палкевич, В.М. Пивоев, S. Attardo и др.)

Мы разделяем точку зрения на иронию тех авторов, которые считают иронию одним из важных атрибутов речевого поведения, зависящим от соблюдения или нарушения этических норм, от специфики ситуации общения, от отношений участников коммуникации (О.П. Ермакова, В.М. Пивоев, Т.Ф. Лимарева, Ю.М. Скребнев, Г.Л. Прокофьев, Т.Ю. Чубарян, К.М. Шилихина, S. Attardo, L. Hutcheon и др.).

Как и многие современные исследователи, мы считаем целесообразным в определении иронии поставить под сомнение ее трактовку как только противоположного значения и исключительно отрицательной характеристики объекта. В современной лингвистике этот термин трактуется намного шире. Например, R. Gioga полагает, что ирония основана не только на противопоставлении, но и на преувеличении и преуменьшении признака, и приходит к выводу, что при существовании очевидной связи между тем, что сказано, и тем, что подразумевается, эти компоненты не могут замещать друг друга [20]. L. Alba-Juez замечает, что ироничный говорящий не обязательно передает противоположное значение; ему не обязательно ссылаться на предыдущее высказывание, он также не всегда использует притворство; ироничный говорящий может делать все, кое-что или ничего из вышеперечисленного, и все же оставаться ироничным: “When a speaker is being ironical he is not always trying to convey the opposite of the proposition or the literal meaning of the utterance; nor is he always echoing some previous utterance; nor is he always pretending. The ironic speaker may be doing all, some or none of these things and still be ironic” [15. P. 14].

Функции иронии намного шире, и чувства, передаваемые с ее помощью, богаче и разнообразнее, чем просто негативное отношение. Исследователи (К.А. Воробьева, О.П. Ермакова, Т.Ф. Лимарева, Г.Л. Прокофьев, Ю.М. Скребнев, К.М. Шили-

хина, В. Komlosi, P. Grice, J.R. Martin, P.R. R. White и др.) подчеркивают, что негативная модальность не является обязательной, и выделяют разнообразные функции иронии: насмешка, похвала, смягчение остроты высказывания, шутка, игривость, проявление цинизма, снятие ненужного пафоса, проявление корпоративности в диалоге, стимулирование реакции адресата и др. В нашем исследовании иронии мы опираемся на ее определение О.П. Ермаковой как языковой манипуляции [7], а также на мнение В.В. Дементьева, включающего иронию в список самостоятельных речевых жанров [6], и предлагаем следующее определение:

ирония — речевой жанр, имеющий в основе языковую манипуляцию, которая заключается в употреблении слова, выражения или высказывания в смысле, отличном от буквального, выполняющий функцию, соответствующую коммуникативной интенции говорящего. Ирония является отражением менталитета народа и имеет этнокультурные особенности [5. С. 24]. Ирония является категорией дискурса — продуктом совместных усилий говорящего и слушающего.

Ирония находится в кругу смежных явлений. С одной стороны, она пересекается с другими формами комического: шуткой, юмором, сатирой, сарказмом, анекдотом, с другой, — имеет свои отличительные особенности.

Исследователи иронии (Ю.Н. Варзонин, Воробьева, Л.И. Тимофеев, В.Я. Пропп, Н. Nicholson и др.) не имеют единого мнения о границах иронии. С одной стороны, ее пытаются выделить в самостоятельную форму комического наряду с юмором, сатирой и сарказмом, с другой — объединить с шуткой и анекдотом и отнести к юмору. Большинству исследователей юмор представляется явлением более широким, чем ирония, затрагивающим разнообразные стороны жизни, использующим большой набор средств выражения. Юмор и ирония имеют много общего, и в то же время каждое из этих явлений представляет собой отдельный жанр, основное различие которых проявляется в функциональном аспекте.

По нашему мнению, функции иронии, на которые указывают исследователи, можно свести к следующей классификации: выражение насмешки, защита, самовыражение, оптимизация межличностных отношений и некоторые другие (подробнее см. [5. С. 108—113, 147—157]).

Со времени появления иронии в античности ее техника постоянно изменялась и усложнялась и продолжает развиваться до сих пор. Исследователи утверждают, что ирония постепенно превращается из стилистического приема в способ мировосприятия, особенность человеческого характера или даже отличительную черту поколения. Из-за разнообразия иронии представляется весьма сложным выделение определенных законов ее функционирования.

Языковые механизмы иронии многообразны и многоплановы; они действуют в разных стилях языка и применимы к различным речевым актам. Практически каждый речевой акт при определенных условиях может быть ироническим: сообщение, извинение, вопрос, разные виды побуждений и т.д. Для бытовой текстовой иронии (разговорный стиль) нередки случаи иронического совета, когда то, что рекомендуется, делать в реальности как раз не надо.

Выбор механизма иронии, а также частотность употребления иронии в различных видах речевых актов зависят от ситуации, стиля общения и цели, постав-

ленной говорящим. Ранее мы уже выделяли наиболее часто используемые, на наш взгляд, механизмы иронии [5].

1. Сопоставление несопоставимого, ирония парадокса.
2. Нарушение коммуникативных ожиданий.
3. Двусмысленность иронии.
4. Открытие очевидного.
5. Отрицание очевидного.
6. Категоричное противоречие.
7. Неожиданная смена стилового регистра.

Действие этих механизмов иронии обеспечивается языковыми средствами выражения, такими как: гиперболы, литота, метафора, омонимия, полисемия и др. Механизмы и языковые средства выражения иронии разнообразны и могут комбинироваться для достижения оптимального эффекта.

4. ИРОНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПОЛИТИКА

Умелый оратор искусно вплетает иронию в официальную речь. При помощи иронии можно переключить внимание аудитории, акцентировать определенные моменты своего выступления, разрядить напряженную обстановку. В диалоге с оппонентами ирония может являться вежливым способом сказать грубость и реализуется за счет подразумеваемого противоречия: “irony is triggered by inferred contradiction” [16. P. 145].

Каково место иронии в речевом портрете современного политика? Рассмотрим речевые портреты некоторых российских, британских и американских официальных лиц и попытаемся оценить место иронии в них.

В.В. Путин, Президент Российской Федерации. В.В. Путина можно характеризовать как человека «гибкого», готового приспособиться к различным ситуациям. Тем не менее, для его речи характерен жесткий контроль за содержанием и формой посылаемых речевых сообщений (часто встречающаяся фраза «буду краток»), снижение личностного начала (В.В. Путин очень редко употребляет местоимение «я», предпочитает «мы» и преимущественно строит предложения неопределенно-личные или безличные). Речь Президента литературная, нормативная, в большей степени книжная, чем разговорная. Тем ярче и острее звучат на фоне такой грамотной речи «путинизмы», представляющие собой сниженную лексику, вкрапленную в литературный контекст. Например, фраза: *Я не скажу, что существуют два непримиримых врага, с одной стороны — государство, а с другой — олигархи. Я думаю скорее, что государство держит в руках дубинку, которой бьет всего один раз. Но по голове.* — начата вполне серьезно, а завершается ярким ироническим зрительным образом. Часто иронические высказывания Президента основаны на механизме сталкивания противоположных смыслов: *У нас страна огромных возможностей не только для преступников, но и для государства; или: Над принятием законов думают сотни и сотни, а над тем, как обойти закон, думают миллионы* (преступники — государство, принять закон — обойти закон).

От многих своих предшественников Путин отличается еще и тем, что, будучи главой государства, создает образ жесткого носителя языка, речевого мачо. Исследователи (например, М. Кронгауз) полагают, что это — комбинация сознательно создаваемого образа и естественных речевых особенностей нашего национального лидера. Используя в своей речи меткие выражения, нестандартные лексические ходы с комическим эффектом, В.В. Путин полностью сознает суть и смысл сказанного. Политический дискурс главы российского государства отличается продуманностью и следует заранее спланированной стратегии. Реакция этого оратора, часто неожиданная для собеседников, является уместной и целесообразной, работает на достижение определенного эффекта.

Из наиболее запомнившихся «путинизмов» можно отметить знаменитое *мочить в сортире, замучаетесь пыль глотать, шакалят у иностранных посольств, уоконтранупнить* или недавнее слово *отбуцкать*. Примечательно, что автор этих лексических единиц не останавливается и постоянно радуется аудитории новыми изобретениями, полными иронической характеристики описываемых явлений. Именно они остаются в народной памяти как характеристика речевого портрета политика.

Сторонники другого государственного деятеля — *Г.А. Зюганова, лидера КПРФ*, высоко ценят его умение общаться с избирателями и подчеркивают, что Зюганову не нужны «спичрайтеры», к месту вставляющие в его выступления пошлости и прибаутки, он сам ими наполнен, сам — мастер живого и острого слова, мастер анекдота, любит припечатывать оппонентов [http://polbu.ru/lisovsky_politadvert/ch12_all.html].

PR-проект КПРФ «Анекдоты от Зюганова» в марте 2007 г. стал одним из этапов агитационной кампании партии перед выборами в Государственную Думу. Исследователи отмечают, что издание книги «Анекдоты от Зюганова» и выступление политика в юмористическом ключе перед широкой аудиторией оказались удачным предвыборным ходом и обеспечили дополнительное внимание журналистов [1]. Подтверждением остроумия лидера КПРФ может служить его удачная шутка по поводу предвыборных плакатов Б.Н. Ельцина «Москвичи свой выбор сделали» (на них Ельцин пожимал руку Лужкову). На одной из пресс-конференций Зюганов сказал: «Вот Ельцин уже завесил всю Москву щитами, на которых с ним прощается Лужков». Президентской команде пришлось за ночь наклеить на все щиты прозрачную пленку со слоганом «Только вместе!».

Из наиболее известных иронических высказываний Г.А. Зюганова можно привести следующие:

Как теперь называть Городской Отдел Полиции? ГОП? А гаишников? ГОП-СТОП? Наш народ миролюбив и незлобив. 800 лет провел в походах и боях.

Ельцин все больше превращается в дубину господина Чубайса.

У КПСС были гениальные идеи, решили строить царство небесное не на небесах, а на земле.

Наша задача — провести действительно демократические выборы и не дать возможность «Единой России» прикрыть свой голый зад каким-то фронтом. [<http://www.aphorisme.ru/by-authors/zyuganov/?q=11717>].

В данных фразах используются механизм сопоставления несопоставимого (миролюбив — походы и бои, царство небесное — на земле), двусмысленность (отдел гаишников — гоп-стоп), механизм использования другого стиливого регистра (гаишники, голый зад). Интересна изобретенная Зюгановым ироническая метафора — «дубина Чубайса».

Подарком для лингвиста можно назвать речь **В.В. Жириновского**. Исследователи называют его блестящим оратором, который может противоречить себе в двух соседних фразах и тем не менее быть убедительным [10]. Этот политик мало заботится о литературной норме, его главная задача — эмоционально подавить собеседника, он говорит убедительно (хотя часто нелогично), очень ярко. Ирония Жириновского — не продуманный прием, а скорее экспромт, комический эффект которого часто возникает помимо желания говорящего. Вот примеры некоторых «жиринизмов»:

Мне Саддам Хусейн ни одного динара не дал. Если бы дал, я бы взял.

У меня чистые руки, но они будут в крови, если я стану президентом.

От чего коровы с ума сходят? От британской демократии.

Восстановите гимн, и страна скажет: «Не надо зарплат».

Мы разъясним нашему народу, что такое русский народ. Это дикость вообще!

Мы должны любить родину и постоянно играть на том плохом, что есть в народе. Такова участь оппозиции.

Нигде не сказано, что надо делать во время исполнения гимна — стоять, лежать или ползти. Надо Родину любить.

Верхней палатой руководит Миронов. Ведь половина — уголовники. Четырех они уже сдали в тюрьму. Просто неудобно полпалаты сдавать. Пока, для видимости, они сдали четырех, потом просто распустият и наберут новых, уже почище. [<http://citatnik.eu/citaty-zhirinovskij.shtml>].

Как видим, «жиринизмы» отличаются неожиданностью, отсутствием логики и часто ненамеренным ироническим эффектом. В высказываниях этого оратора наблюдается частое нарушение понятийных клише, например, во многих фразах сквозит презрительное отношение к народу. Трудно сказать, что преобладает в «жиринизмах» — ирония или цинизм.

Заслуживают внимания и «черномырдинки». **В.С. Черномырдин** представлял собой уникальный пример оратора. Высказывания этого оратора, как и у В.В. Жириновского, алогичны, что влечет за собой комический эффект. В речи Черномырдина ирония создается не благодаря, а вопреки желанию говорящего. Его косноязычные, но при этом полные иронии афоризмы весьма популярны. Например, самый известный: *Хотели как лучше, а получилось как всегда*. Или: *Никогда такого на Руси не было, и вот снова*. Удивительно, как косноязычие этого политика приводило к глубоким и ярким высказываниям. Вот показательный пример ненамеренной иронической двусмысленности: *Депутаты все высказались, чтобы я шел. Избирался, точнее*. Нечаянная ирония В.С. Черномырдина — это, чаще всего, ирония двусмысленности, которая невольно присутствует во многих его высказываниях и интерпретируется аудиторией.

Как видим, речевые портреты российских политиков разнообразны, и каждый из них обладает определенными особенностями. Неслучайно исследователи отмечают, что государственного деятеля легко опознать по его речевому портрету [10]. То же можно сказать о об английских и американских деятелях — речь почти каждого из них отличается характерными индивидуальными особенностями. Тем не менее, необходимо отметить, что русский, английский и американский политический дискурсы отличаются определенными характеристиками, свойственными той или иной лингвокультуре. Это объясняется уникальным присущим каждой культуре стилем коммуникации, который исследователи называют коммуникативным этностилем [21].

Речевой портрет *Президента США Барака Хуссейна Обамы* отличается сдержанностью, правильностью речи и умением производить впечатление на аудиторию (его называют блестящим оратором наравне с Мартином Лютером Кингом и Уинстоном Черчиллем). Тем более интересна ироническая маска, иногда им используемая. Можно обозначить ее как маску простодушного, открытого и бесхитростного человека, немного хвастливого:

Many of you know that I got my name, Barack, from my father. What you may not know is: Barack is actually Swahili for "That One". And I got my middle name from somebody who obviously didn't think I'd ever run for president. (Многие из вас знают, что я получил свое имя, Барак, от моего отца. Но, возможно, вы не знаете, что «Барак» на суахили означает «тот самый». А средним именем меня наградила кто-то, кто очевидно не знал, что я буду баллотироваться в президенты.) [Barack Obama, at the 2008 Al Smith Dinner].

It's been quite a year since I've spoken here last. Lots of ups, lots of downs, except for my approval ratings, which have just gone down. But that's politics, it doesn't bother me. Besides, I happen to know that my approval ratings are still very high in the country of my birth. (В последний раз я выступал здесь год назад. С тех пор много чего произошло — были взлеты и падения. Только мой рейтинг все время падает. Но это политика, меня это не беспокоит. Кроме того, мне известно, что там, где я родился, мой рейтинг по-прежнему очень высок.) [President Barack Obama, at the 2010 White House Correspondents' Dinner — <http://politicalhumor.about.com/library/bl-funny-obama-quotes.htm>].

В данных цитатах показное хвастовство соседствует с долей самоиронии — намеки на среднее имя Хуссейн (неприятная для американцев аналогия с Саддамом Хуссейном) и место рождения — Гавайи (штат США, весьма отдаленный от континента). Президент США явно использует ироническую маску, а не говорит всерьез. В вышеприведенных репликах, произнесенных в полуофициальной обстановке, маска простого, самодовольного человека вполне уместна, а ирония в его словах выполняет защитную функцию, предупреждая возможные нападки и «неудобные» вопросы со стороны прессы.

Любопытно, что нынешний Президент США нередко выдает нечаянные афоризмы, хотя термин «обаизм» пока не появился. В его случае это связано с путаницей в географии и недостатком знаний.

Например, на пресс-конференции в ноябре 2011 г. Барак Обама так говорил о Гавайских островах:

When I meet with world leaders, what's striking — whether it is in Europe or here in Asia... (Когда я встречаюсь с мировыми лидерами — неважно где: в Европе или здесь, в Азии, происходит поразительная вещь...)

Видимо, недостаточное знание географии — бич американских государственных деятелей. Это подтверждает еще одно высказывание Президента США (выступление во Франции в апреле 2009 г.), в котором он обнаруживает незнание того, на каком языке говорят в Австрии (на самом деле — на немецком, австрийского языка не существует):

It was also interesting to see that political interaction in Europe is not that different from the United States Senate. There's a lot — I don't know what the term is in Austrian — wheeling and dealing (Интересно заметить, что политические отношения в Европе не слишком отличаются от сената США. Здесь много скрытых механизмов — не знаю, как это называется по-австрийски).

Высказывания Обамы (так же, как и рассмотренные ниже «бушизмы») занимают почетное место на юмористических сайтах в Интернете, наряду со списком фактических ошибок в его речах. Например, известен факт, что в одной из речей он перепутал дату нападения на Перл-Харбор, в другой — упомянул, что посетил 57 штатов США (в действительности их всего 50).

Высказывания *бывшего Президента США Дж. Буша* пользуются большой популярностью в этой стране. Бушизмы — ненамеренные речевые ошибки Президента — старательно коллекционируют, выкладывают в Интернете и издают в виде книг, делая более популярным и самого Дж. Буша. Юмор в политической риторике американского Президента — неотделимая часть его имиджа.

Несмотря на то, что бушизмы являются источником насмешек над этим политиком (в них проявляется и узорность кругозора, отсутствие знаний и непонимание понятий), именно благодаря им Президент обрел популярность. Сейчас он воспринимается больше как комическая фигура, а не как государственный деятель.

Уместно привести несколько фраз, официально произнесенных Дж. Бушем, но изначально не направленных на обеспечение иронического эффекта:

The most important job is not to be governor, or first lady, in my case (Самое главное не в том, чтобы быть правителем, или первой леди, как в моем случае);

More and more of our imports are coming from overseas... (Все больше нашего импорта прибывает из заграницы...);

Our enemies are innovative and resourceful, and so are we. They never stop thinking about new ways to harm our country and our people. And neither do we (Наши враги изобретательны и находчивы — и мы тоже. Они никогда не прекратят думать о новых способах навредить нашей стране и нашему народу — и мы тоже никогда) [http://www.guy-sports.com/months/funny_bush_moments.htm].

В данных высказываниях имеет место ненамеренная ирония, возникшая в одностороннем порядке, — не при производстве высказывания, а при его понимании

и интерпретировании. Двусмысленность, не являющаяся коммуникативной интенцией говорящего, становится явной при анализе высказывания. Многие фразы этого политика содержат ошибки — грамматические, лексические, стилистические, что создает комический эффект:

I think war is a dangerous place (Я думаю, что война — опасное место).

They misunderestimated me (Они меня неправильно недооценили).

I want to thank my friend, Senator Bill Frist, for joining us today. He married a Texas girl, I want you to know. Karyn is with us. A West Texas girl, just like me (Я хочу поблагодарить моего друга, сенатора Билла Фриста, за то, что он присоединился к нам сегодня. Я хочу, чтобы все знали — он женился на девушке из Техаса. Карен сегодня с нами — западно-техасская девчонка, как и я сам).

Rarely is the question asked: is our children learning? (Мы редко задаем себе вопрос: Учатся ли наши дети?)

We must focus on building an Iran that is capable of resisting Iranian influence (Мы должны приложить все силы к тому, чтобы создать Иран, способный противостоять иранскому влиянию). Возможно, именно это высказывание породило ставший знаменитым анекдот: Буш не знает, как правильно называется страна: Ирак или Иран?

The ambassador and the general were briefing me — the vast majority of Iraqis want to live in a peaceful, free world. And we will find these people and we will bring them to justice (Я провел брифинг с послом и генералом. По их заявлению, большинство жителей Ирака хотят жить в мире, в свободной стране. И мы найдем этих людей и призовем их к ответу). [Там же].

Речь Дж. Буша является богатым источником ненамеренной иронии. Мастерство, с которым он изобретал все новые «бушизмы», не отдавая себе в этом отчет, поразительно.

Еще одним ярким примером ненамеренной иронии в речевом портрете политика может служить личность *официального представителя госдепартамента США Дженнифер Псаки*. В своих речах эта дама часто испытывает затруднение при обсуждении острых тем, раздражается, когда журналисты задают «неудобные» вопросы, и демонстрирует отсутствие элементарных знаний в ряде областей. Например, в географии:

In the event of a Belarusian invasion of Ukraine, the 6th US Fleet will immediately be deployed to the shores of Belarus (В случае вторжения Белоруссии на Украину шестой флот США будет немедленно переброшен к берегам Белоруссии).

Эта серьезная угроза выглядит нелепой, учитывая тот факт, что у Белоруссии нет выхода к морю (заметим, что, если бы данная фраза была сознательно построенна согласно механизму сопоставления несопоставимого, она могла бы считаться удачной ироничной репликой с использованием иронии в функции снятия напряжения).

Другое высказывание госпожи Псаки, о потоках природного газа из Западной Европы через Украину в Россию, немедленно стало предметом насмешек в СМИ. То, что она тут же исправилась и уточнила, что газ все-таки поступает в обрат-

ном направлении — из России через Украину в западную Европу — не спасло ее репутацию:

And what that means is there are flows of gas, of natural gas I should say, that go through, from Western Europe through Ukraine to Russia, and we—or I'm sorry, the other way — from Russia through Ukraine to Western Europe.

Такие значимые ошибки политикам непростительны, особенно если эти политики не умеют посмеяться над собственными оговорками. Возможно, если бы госпожа Псаки употребляла в своих речах долю самоиронии, в частности, в подобных щекотливых ситуациях, ее имидж не пострадал бы так сильно. Известны ситуации, когда ироническая маска «глупой блондинки» весьма позитивно отражалась на имидже популярных дам (подробнее о маске глупой блондинки см. [5. С. 167—169]). Напротив, сочетание слишком серьезного отношения к себе и неумения себя подать в случае госпожи Псаки явилось поводом для едких комментариев и насмешек. Так, российские политические обозреватели называют Псаки синонимом глупости и некомпетентности, а политическая сатира немедленно откликнулась созданием песни, посвященной этому государственному деятелю. На мотив популярной детской песенки: «Преданной собаки нету существа» возникла следующая пародия:

*Это знает всякий,
Это не слова:
Компетентней Псаки
Нету существа.
Симпатичней Псаки
И умнее Псаки,
Компетентней Псаки
Нету существа.*

Любопытно, что в данной пародии фамилия политика обыгрывается как слово, созвучное русскому «пес», что сохраняет смысловую связь с оригинальной версией и в то же время является острой сатирой. Кроме того, слово «существо», применяемое к собаке в изначальном тексте, в отношении человека звучит уничижительно. Эксплицитная ирония на тему компетентности и ума не оставляет сомнений в негативном отношении авторов пародийного текста к его объекту.

Российская политическая сатира настолько увлеклась насмешками в адрес госпожи Псаки, что американские СМИ сочли необходимым защитить от нападок своего государственного деятеля, объясняя эту тенденцию идеологическими разногласиями:

Psaki "has become a stigmatizing catch-all term for everything Russians dislike about US foreign policy (especially America's involvement in Ukraine). And Russians' Psaki-mania is still growing. On June 2, the pro-Kremlin website Odnako published a blog post titled, "Brave New World, or the Psaki Problem," where the author quoted Futurist poet Mayakovsky to assert that Jen Psaki, the "archetypical fool," is the culmination of a problematic Western view of the world. Elsewhere on the Internet, there is a new Russian verb: "psaknut" ("to Psaki" or "Psakiing"), which means roughly "to say something stupid with

an air of cleverness” («Псаки» превратилась в обличительный термин, определяющий все, что русским не нравится в американской внешней политике (особенно вмешательство американцев в украинский конфликт). Русская Псаки-мания все возрастает. 2 июня про-кремлевский вебсайт „Однако“ опубликовал блог под названием „Смелый новый мир, или Псаки-проблема“, где автор цитирует поэта-футуриста Маяковского, утверждая, что Джен Псаки, «архитипичная дура», является кульминацией проблематичного западного взгляда на мир. В Интернете появился новый русский глагол «псакнуть» (от английского “to Psaki”, значение которого — «сказать глупость с умным видом») [<http://globalvoicesonline.org/2014/06/05/jen-psaki-the-russian-internets-public-enemy-no-1/#>].

Обратимся к портретам британских политических деятелей.

Выдающимся и искусным оратором, по мнению самих британцев, можно назвать действующего *премьер-министра Дэвида Кэмерона*. Его речи убедительны, эмоциональны, грамотно построены и содержат множество мощных аргументов для защиты позиции говорящего. Этот оратор широко использует иронию, даже если его выступления касаются очень серьезных тем. Иногда Кэмерон прибегает к упрощению, используя иронический механизм открытия очевидной истины:

I have to say to our Prime Minister: if you treat people like fools, you don't deserve to run the country let alone win the election (Я вынужден сказать нашему премьер-министру: если вы обращаетесь с людьми как с дураками, вы не заслуживаете того, чтобы руководить страной, не говоря уже о том, чтобы одержать победу на выборах) [http://conservativehome.blogs.com/torydiary/files/david_cameron_text.pdf].

Провозглашение понятной всем истины, а также использование разговорного слова *fool*, выполняют функцию сближения оратора с аудиторией, делают говорящего ближе и понятнее для избирателей, что дает ему преимущество в борьбе с противником. Насмешливое прозвище, придуманное Кэмероном для своего предшественника (*analogue politician in a digital age* — аналоговый президент в век цифровых технологий [<http://www.telegraph.co.uk/news/politics/10683210/Meme-too-David-Cameron-wades-into-Twitter-war-of-the-wags.html>]), содержит язвительную иронию и намек на безнадежную отсталость Г. Брауна от современности.

В своих насмешках над оппонентами премьер-министр использует и сквернословие. Ярким примером может служить язвительная ироническая метафора Дэвида Кэмерона в адрес своего противника Милибанда:

Is he child of Thatcher or son of Brown? (Он ребенок Тэтчер или сын Брауна?) [YouTube. PMQ 1.12.10 David Cameron to Ed Miliband].

Вопрос о приверженности определенным политическим взглядам содержит игру слов: *son of Brown* созвучно *son of the bitch* — грубому оскорблению.

За свой нелестный отзыв о пишущих в твиттере премьер-министру даже пришлось извиняться:

Too many twits might make a twat (Когда собирается слишком много кретинов, может получиться х...ня) [<http://www.telegraph.co.uk/news/politics/10683210/Meme-too-David-Cameron-wades-into-Twitter-war-of-the-wags.html>].

Здесь имеет место игра слов — созвучие *twit* и *twat*, а также *twit* и *twitter*. Как видим, этот оратор не гнушается обценной лексикой и свободно владеет

механизмом использования лексики сниженного регистра для создания иронического эффекта.

Фирменным знаком речевого образа Д. Кэмерона можно назвать самоиронию. Она вплетается в его речи весьма органично и выполняет защитную функцию:

There is a network on Facebook called "David Cameron is a hottie". It's got 74 members. I looked a little further and there is another network called "Am I the only person who doesn't like David Cameron?" and there are 379 members. I am sure there is nobody here today (На Фейсбуке есть чат под названием «Дэвид Кэмерон — крутой». Там 74 участника. Я посмотрел другие чаты и обнаружил еще один, под названием: «Я единственный, кому не нравится Дэвид Кэмерон?» Там 379 участников. Но я уверен, что сегодня никого из них здесь нет.) [http://conservativehome.blogs.com/torydiary/files/david_cameron_text.pdf].

В данном случае говорящий использует маску самоуверенного человека (об иронических масках подробнее см. [7]), выражая притворную уверенность в том, что аудитория состоит сплошь из его сторонников.

Рассмотрим портрет другого блестящего ироничного оратора — британского политика *Дэниела Хэннэна*. Его имидж — язвительный, агрессивный, непримиримый к оппонентам борец за свои взгляды. Не случайно несколько лет назад ему грозило исключение из консервативной фракции Европейской народной партии (ЕНП) за неуместное упоминание нацистской Германии на заседании Европарламента (по сообщению газеты «Известия» 1.02.2008). Это заявление вызвало самую жесткую реакцию европейских парламентариев. Его расценили как «недопустимое и противоречащее элементарной парламентской этике» [<http://izvestia.ru/news/417610#ixzz3W9VQB1Pc>]. Впрочем, этот инцидент несколько не смутил политика, а наоборот, укрепил его образ как жесткого и бескомпромиссного оратора. Д. Хэннен намеренно использует в своих выступлениях едкую иронию:

Belgium was without a government for two years and they worked brilliantly... tragically now Belgium has the government and the first thing that happened is that they were back to a series of massive general strikes (Бельгия два года жила без правительства, и все было прекрасно... какая трагедия, что сейчас в Бельгии есть правительство! Первое, что случилось — это то, что снова начались массовые забастовки) [YouTube. Conservative British politician Daniel Hannan speech at CPAC (conservative political action conference. 12.02.12)].

Здесь мы наблюдаем прием иронического абсурдного вывода, представляющего ситуацию в комичном свете. Насмешка звучит в рассказе Хэннэна о впечатлении от посещения США:

Yesterday I went to the Lincoln memorial, to the Jefferson memorial, I went to the Washington monument and I was confused because there isn't a picture or the statue of Washington... the first thing I saw was a monument to Bill Clinton (Вчера я посетил мемориал Линкольна, мемориал Джефферсона и памятник Вашингтону. Я был удивлен: там нет ни портрета, ни памятника Вашингтону... первое, что я увидел, был памятник Биллу Клинтону) [Там же].

Это — редкий для Хэннэна пример мягкой иронии, используемой в развлекательной функции. Механизм иронии в данном случае — ирония парадокса (*Wash-*

ington monument — monument to Bill Clinton). А вот горькое сожаление о политической ситуации в Великобритании, особенно в сравнении с Америкой:

If it were in the UK we would be grumbling: the world is not the place we conservatives would like it to be. Our values are reduced, our patriotism is mocked and scorned, our treasures are emptied. There are plenty of things to be angry about and it is the real danger but the wonderful thing about American politicians is being focused on how we get out of this (Если бы мы сейчас были в Великобритании, мы бы ворчали, что современный мир не таков, каким мы, консерваторы, хотели бы его видеть. Наши ценности принижены, над нашим патриотизмом глумятся, наше достояние опустошено. Многое приводит в негодование, и в этом заключается опасность. Как прекрасно, что американские политики озабочены только тем, как исправить положение) [Там же].

В данном высказывании Д. Хэннен с насмешкой цитирует слова своих коллег в британском парламенте, прибегая к иронической гиперболе (на самом деле парламентарии не только жалуются и критикуют создавшуюся обстановку, но иногда и предлагают пути решения вопроса).

Политик не скрывая рассказывает о своих неудачах, с долей юмора:

I often make speeches that make me unpopular, but I struggle to think of one that would make me more popular... (Я часто произношу речи, которые делают меня непопулярным, и мне с трудом удается придумать нечто, что добавило бы мне популярности...)

Свое выступление государственный деятель продолжает рассказом о своем скандальном высказывании на саммите в Брюсселе:

Speaker after speaker rose up and said: "Israel is behaving disproportionately". And I said: "What would the honourable members consider proportionate? Would they prefer it if Israel took an equivalent amount of bombs and rain it randomly on Gaza? Would that be proportionate? And there was the longest and the worst silence there has ever been. (Каждый выступающий вставал и говорил: «Израиль ведет себя неадекватно». И я спросил: «А что уважаемые присутствующие считают адекватным поведением? Может быть, они бы предпочли, чтобы Израиль взял такое же количество бомб и сбросил их по сектору Газа? Это было бы адекватным?») И наступило такое длинное и тягостное молчание, которого никогда еще не было) [YouTube Daniel Hannan MEP, Brussels, 2013].

Здесь присутствует ирония нарушения коммуникативных ожиданий собеседников (неожиданное и абсурдное предложение о бомбардировке) в сочетании с иронической гиперболой. В данной речи наблюдается открытое желание политика не только говорить о собственных неудачах и смеяться над собой, но и стремление эпатировать публику, создать себе имидж эксцентричного и непредсказуемого оратора. Дэниэлу Хэннену это вполне удается: даже его политические противники признают его успех как государственного деятеля и уважают за открытость и прямоту. Этому немало способствует умение оратора иронизировать.

Как видим, не все ораторы отличаются вежливостью и корректностью. Речевой портрет резкого и критически настроенного политика представляет собой не меньший интерес.

Ироничность, являющаяся характерной особенностью стиля английской коммуникации (подробнее см. [5]), распространяется и на политический дискурс. Иронические высказывания естественным образом вливаются в речь политиков и украшают ее. При этом ирония может выполнять различные функции и использовать разнообразные механизмы построения высказывания.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная задача политического дискурса — влияние на собеседника и, в конечном итоге, на народные массы, формирование общественного мнения. Политический дискурс неоднороден и включает в себя разнообразные речевые жанры. Публичное выступление — один из лучших способов для политика заявить о себе и создать определенный имидж. Здесь большую роль играют правильный выбор и грамотное использование языковых средств и стилистических приемов.

Ирония занимает важное место в речевом портрете современного политика. В современной политической коммуникации, где большую роль играет развлекательная составляющая, ирония выполняет разные функции — выражение насмешки, защитную функцию, функцию снятия напряжения и оптимизации межличностных отношений и т.д. Среди механизмов иронии в политической речи наиболее популярны сопоставление несопоставимого, двусмысленность, неожиданная смена стилового регистра и др.

Ироничность характерна для речевых портретов как российских, так и английских и американских политиков, но имеет свои этностилистические особенности. Для индивидуалистических культур с незначительной вертикальной дистанцией (английская, американская) применение иронических, самоиронических, саркастических высказываний актуально и естественно. Одна из составляющих иронии — это индивидуализм, стремление разрушить устоявшиеся правила и нормы, проявление гибкости в оценках, самовозвышение. Для русской коллективистской культуры ирония менее органична, хотя речи современных российских политиков содержат достаточное количество примеров ее употребления.

Популярность политика не всегда напрямую связана с его умением грамотно и литературно выразить свою мысль. Иногда эта зависимость обратно пропорциональна: чем больше нарушение нормы речи, чем грубее ошибки, тем выше узнаваемость политического деятеля, тем лучше его помнят. Однако не следует воспринимать такое соотношение как руководство к действию. Возможно, образ клоуна на политической арене и пользуется популярностью, но доверием избирателей — вряд ли.

Что касается иронии, то она занимает в речевом образе современного политика значимое место. В речах политических деятелей имеют место как иронические заготовки, так и экспромты, более того — часты случаи ненамеренной, случайной иронии. Как показал анализ материала, успешного политика отличает хорошее чувство юмора и сознательное употребление иронии. Умелое использование иронии, знание ее механизмов и закономерностей позволяет сделать речь го-

сударственного деятеля яркой, обращенной и убедительной. Ирония часто полезна, а иногда необходима для обоснования своей позиции и завоевания доверия аудитории. Это касается как русского, так и английского, и американского политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алексеевский М.Д.* Анекдоты от Зюганова // Антропологический форум. 2010. Т. 12. С. 1—36. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Antropo_Forum_online/2010_12/09.pdf.
- [2] *Базылев В.Н.* Политический дискурс в России // Политическая лингвистика. 2005. Вып. 15. С. 5—32.
- [3] *Баранов А.Н., Казакевич Е.Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991.
- [4] *Гаврилова М.В.* Лингвистический анализ политического дискурса. 2002. URL: <http://www.polyanalysis.narod.ru/gavrilova3.html-60k>.
- [5] *Горностаева А.А.* Ирония как компонент английского стиля коммуникации. Монография. М.: ИПЦ «Маска», 2013.
- [6] *Дементьев В.В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. (Коммуникативные стратегии культуры).
- [7] *Ермакова О.П.* Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005.
- [8] *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- [9] *Кожмякин Е.А.* Производство знания в политическом дискурсе: социально-эпистемологический взгляд // Политическая лингвистика. 2011. № 4(38). С. 52—56.
- [10] *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. 2007. URL: <http://www.rg.ru/2012/07/11/krongauz.html>.
- [11] *Михалева О.Л.* Политический дискурс: способы реализации агональности. 2004. URL: <http://www.rus-lang.com/nir/conference/-14k>.
- [12] *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика // Общие проблемы, метафора. Учеб. пособие. Екатеринбург, 2003.
- [13] *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008.
- [14] *Шейгал Е.И.* Театральность политического дискурса // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во СГАП, 2000. Вып. 6.
- [15] *Alba Juez L.* Irony and politeness // Revista Espanola de Linguistica Aplicada. Asociacion Espanola de Linguistica Aplicada. Volumen 10-1994-95. P. 9—16.
- [16] *Alba-Huez L.* Irony as Inferred Contradiction // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2014. № 4. С. 140—153.
- [17] *Blank T.J.* The Last Laugh. Eurospan, 2013.
- [18] *Bilig M.* Laughter and ridicule. Towards a social critique of humour. Nottingham Trent University, Sage Publications, UK, 2005.
- [19] *Fialkova L., Yelenevskaya M.* In Search of the Self: Reconciling the Past and the present in Immigrants' Experience. Tartu ELM Scholarly Press 2013.
- [20] *Giora R.* On our mind: Salience, context, and figurative language. New York: Oxford University Press, 2003.
- [21] *Larina T.* Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // International Review of Pragmatics. 2015. 7. P. 195—215.
- [22] *Lewis P.* Cracking up. American humour in a time of conflict. The University of Chicago Press, 2006.
- [23] *Pocock J.* The concept of a language and the metier d'historien: Some considerations on practice // A. Pagden ed. The languages of political theory in early — modern Europe. Cambr. etc.: Cambr. University Press, 1987. P. 19—38.
- [24] *Schutz C.E.* Political humour from Aristophanes to San Ervin. Assosiated University presses, London 1977. URL: https://books.google.com.tr/books?id=Q7i40PY6AzgC&printsec=frontcover&hl=tr&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.

THE PLACE OF IRONY IN THE SPEECH PORTRAIT OF A MODERN POLITICIAN

A.A. Gornostaeva

General translation department
Faculty of intercultural communication
Moscow state linguistic university
Ostozhenka str., 38, Moscow, Russia, 119034

The article is devoted to the usage of irony in modern political discourse. Public speeches of modern Russian, English, and American politicians and political interviews served as material for the research. The aim of the research was to find out if irony is acceptable in political discourse and examine its influence on the speech portrait of a politician. The author's conclusion is that irony is acceptable, useful, and sometimes necessary in modern political discourse. Political debates in the modern world tend to look like talk-shows, and political information acquires the form of entertainment. This presupposes the usage of irony and humor in political discourse. Politicians use ready-made ironic utterances, as well as those created on the spot. There are also cases of unintended irony. Skillful usage of ironic mechanisms makes political speech vivid, audience-oriented, and convincing. Irony helps to put across one's message and win the trust of the audience. This holds true for Russian as well as for English and American discourse.

Key words: irony, humor, politician, political discourse, speech portrait.

REFERENCES

- [1] *Alexeevskiy M.D.* Anekdoty ot Zyuganova. *Antropologicheskij forum*, 2010. Tom 12. S. 1—36. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Antropo_Forum_online/2010_12/09.pdf.
- [2] *Bazylev V.N.* Politicheskij diskurs v Rossii. *Politicheskaya lingvistika*. Vypusk 15. 2005. S. 5—32.
- [3] *Baranov A.N., Kazakevich Y.G.* Parlamentskiye debaty: traditsii i novatsii. M.: Znaniye, 1991.
- [4] *Gavrilova M.V.* Lingvisticheskij analiz politicheskogo diskursa. 2002. URL: <http://www.polytanalysis.narod.ru/gavrilova3.html-60k>.
- [5] *Gornostaeva A.A.* Ironiya kak component angliyskogo syilya kommunikatsii. Monografiya. M.: IPTS "Maska", 2013.
- [6] *Dementyev V.V.* Teoriya rechevykh zhanrov. M.: Znaniye, 2010. (Kommunikativnye strategii kulturi).
- [7] *Yermakova O.P.* Ironiya i yeyo rol v zhizni yazyka. Kaluga, KGPU im. K.E. Tsiolkovskogo, 2005.
- [8] *Karasik V.I.* Yazykovoy krug: lichnost', kontsepti, diskurs. M.: Gnozis, 2004.
- [9] *Kozhemyakin Y.A.* Proizvodstvo znaniya v politicheskom diskurse: sotsialno-epistemologicheskij vzglyad. *Politicheskaya lingvistika*, 2011. N 4(38). S. 52—56.
- [10] *Krongauz M.A.* Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva. 2007. URL: <http://www.rg.ru/2012/07/11/krongauz.html>.
- [11] *Mikhalyeva O.L.* Politicheskij diskurs: sposoby realizatsii agonálnosti. 2004. URL: <http://www.rus-lang.com/nir/conference/-14k>.
- [12] *Chudinov A.P.* Politicheskaya lingvistika. *Obshchiye problemy, metafora*. Ucheb. posobiye. Yekaterinburg, 2003.
- [13] *Shakhovskiy V.I.* Lingvisticheskaya teoriya emotsiy: Monografiya. M.: Gnozis, 2008.
- [14] *Sheigal Y.I.* Teatralnost politicheskogo diskursa. *Yedinitsi yazyka i ikh funktsionirovaniye: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Saratov: Izd-vo SGAP, 2000. Vyp. 6.
- [15] *Alba Juez L.* Irony and politeness. *Revista Espanola de Linguistica Aplicada. Asociacion Espanola de Linguistica Aplicada*. Volumen 10-1994-95. P. 9—16.
- [16] *Alba-Huez L.* Irony as Inferred Contradiction. *Вестник РУДН, серия Лингвистика*. 2014. N 4. С. 140—153.

- [17] *Blank T.J.* The Last Laugh. *Eurospan*, 2013.
- [18] *Bilig M.* Laughter and ridicule. Towards a social critique of humour. Nottingham Trent University, Sage Publications, UK, 2005.
- [19] *Fialkova L., Yelenevskaya M.* In Search of the Self: Reconciling the Past and the present in Immigrants' Experience. Tartu ELM Scholarly Press 2013.
- [20] *Giora R.* On our mind: Saliency, context, and figurative language. New York: Oxford University Press, 2003.
- [21] *Larina T.* Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics* 7 (2015), P. 195—215.
- [22] *Lewis P.* Cracking up. American humour in a time of conflict. The University of Chicago Press, 2006.
- [23] *Pocock J.* The concept of a language and the metier d'historien: Some considerations on practice. A. Pagden ed. The languages of political theory in early — modern Europe. Cambr. etc.: Cambr. University Press, 1987. P. 19—38.
- [24] *Schutz C.E.* Political humour from Aristophanes to San Ervin. Assosiated University presses, London, 1977. URL: https://books.google.com.tr/books?id=Q7i40PY6AzgC&printsec=frontcover&hl=tr&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.

© Горностаева А.А., 2016

Дата поступления в редакцию: 28.11.2015

Дата принятия в печать: 02.01.2016

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

НА РОМАНСКО-ГЕРМАНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ: ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ЛЮКСЕМБУРГЕ

Е.Г. Дмитриева

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье с различных ракурсов рассматриваются вопросы, связанные с пространственной и социальной вариативностью французского языка в Люксембурге — западноевропейском государстве, сохраняющем давние исторические и тесные культурные связи с Францией. Интерес к данной проблематике объясняется влиянием, которое оказывают процессы глобализации на языковую ситуацию в странах с небольшим по численности населением.

В статье говорится о двух разнонаправленных тенденциях, имеющих место в лингвоареале Люксембурга. С одной стороны, это целенаправленная поддержка местного языка как средства национальной идентификации. С другой стороны, это понимание негативных последствий, неизбежных для многих сфер общественно-политической жизни страны, если продолжить попытки трансформировать обиходно-разговорный язык люксембуржцев до уровня литературно-письменного языка. Ситуация отягощается давлением социально-экономических и демографических обстоятельств, в результате которых функциональная ниша местного языка сужается, и как инструмент вербальной коммуникации в стране все чаще используется французский язык.

Изучение методов и форм цивилизованного разрешения подобных противоречий (примером чего может служить языковая политика властей Люксембурга) особенно актуально в наши дни на фоне дискуссий о роли и перспективах существования русского языка в странах нашего «ближнего зарубежья».

Ключевые слова: лингвистическая компетенция, билингвизм, коммуникация, функциональный статус, интерференция.

Люксембург — западноевропейское государство площадью около 2586 кв. км с одноименной столицей. Расположено в междуречье Мозеля и Мааса на стыке границ Бельгии, Германии и Франции. В лексике государственного языка «*Luxemburger deutsch*» (люксембургский немецкий) или «*Letzeburgesh*» (летцебургский), который изначально формировался на основе немецкоязычных говоров «*мозельской (moselfrankisch) диалектной группы*» [1. С. 17], отмечается значительное число заимствований из французского языка лингвистической метрополии и франкобельгийского национального варианта.

Наряду с государственным (*staatsprache*), официальными (*amtssprache*) языками Люксембурга законодательством определены немецкий и французский. Эта уникальная для Европы лингвистическая ситуация, когда немногочисленный этнос на ограниченной территории одновременно употребляет три языка, предопределена историей Люксембурга.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

«Юрием Долгоруким» Люксембурга стал один из потомков Карла Великого — рыцарь Зигфрид. В 963 году н. э. он заложил в долине реки Альзетт замок Люцилинбурхук (*от старогерманского слова «Lucilinburhuc», что означает «маленькая крепость»*) [2]. С XI в. окружающая замок местность обрела статус графства. Но в отличие от основанной спустя двести лет Москвы Люксембург не стал заметным субъектом тысячелетнего процесса государственной консолидации западноевропейских держав. И это несмотря на то, что главами «Священной Римской империи германской нации» (так называемого «Первого рейха») в разное время избирались пять представителей местной династии. Единственным значимым следствием такого возвышения феодальной семьи Люксембургов стало для германоязычных жителей графства возведение их сюзерена в герцогское достоинство (1354 г.). Тогда же активизируется процесс приращения территории новоиспеченного герцогства за счет соседних земель с романоязычным населением (в первую очередь, речь идет о франкоговорящей Валлонии). Следует добавить, что задолго до того языком местной знати стал французский в его литературно-письменной форме. Характерный факт: хартия вольностей, дарованная городам Люксембурга (1239 г.), в нарушение канона была написана не по латыни, а на французском. Тогда как первый документ на немецком языке появился спустя почти 90 лет (1328 г.).

В 1443 г. завершился средневековый период феодальной самостоятельности герцогства. Временное ослабление империи и ряд обстоятельств, связанных со Столетней войной Франции с Англией, позволила Бургундии аннексировать Люксембург. Спустя век Бургундская держава распалась, и в результате династических браков территория современного Бенилюкса (Бельгия, Нидерланды, Люксембург) оказалась под властью испанских Габсбургов (1555 г.). В начале XVIII в., после войны теперь уже за Испанское наследство, по Утрехтскому мирному договору (1713 г.), Люксембург почти на столетие переходит под юрисдикцию Вены. Во времена французской революции, по декрету Конвента республики (1795 г.), герцогство ликвидируют, а его территорию присоединяют к революционной Франции под именем «Лесного округа» (*«département des Forêts»*).

Таким образом, уже к середине XIV столетия в Люксембурге сложились два лингвистических ареала. На северо-западе страны говорили на франковаллонском, на юго-востоке — на мозельском (теперь уже «люксембургском») диалекте немецкого. Помимо территориального размежевания имела место дифференциация языков по сословным стратам: феодально-аристократический истеблишмент

общался на «правильном» французском языке (*«langue d'oïl»* — франсийский диалект). В такой обстановке общественные функции люксембургского немецкого неуклонно слабели. Этот тренд получил новую динамику после введения на территории упомянутого выше «Лесного округа» французского гражданского кодекса — «кодекса Наполеона» (1804 г.), который был положен в основу местного законодательства. Французский язык стал языком муниципалитетов даже на юго-востоке — в немецкоязычной части страны.

На знаменитом Венском конгрессе (1815 г.) герцогство реставрировали. В соответствии с политическим курсом на сдерживание постнаполеоновской Франции Люксембург был провозглашен членом Германского союза и «помещен» (на правах личной унии) под монарший «присмотр» нидерландских королей династии Оранских-Нассау. Однако эти перемены на языковое статус-кво не повлияли. Несмотря на указы 1830—1834 гг., которые декларировали право свободного выбора языка, в административной сфере продолжал доминировать французский язык; на немецком издавались комментарии официальных документов, с целью сделать их общедоступными, а люксембургский диалект оставался средством повседневного общения на юго-востоке страны.

В современных границах Люксембург существует с 1839 г., что связано с драматическими событиями, случившимися в западных провинциях Нидерландов и известными по учебникам истории как «бельгийская революция». Восставшие валлоны, до той поры «приписанные» к Люксембургу, и их соседи фламандцы образовали (с разрешения великих держав) новое государство — Бельгию. В результате этой геополитической комбинации территория герцогства уменьшилась до географических размеров своего германоязычного ареала, и произошел эффект лингвистического «выравнивания». Французский язык в Люксембурге навсегда потерял свой валлонский «колорит», а его жители, употребляя французский, с тех пор пользуются грамматически выверенным *«le français standard»*, полученным в школе.

В Швейцарии метропольный вариант французского языка также доминирует. Но в альпийской республике лингвогенезис протекал на фоне гугенотской иммиграции, *«когда после отмены Нантского эдикта (1689 г.) из Франции в западные кантоны перебралось множество вынужденных переселенцев»* [3. С. 11]. Их потомки стали носителями франкошвейцарской лингвистической традиции со своей кодифицированной нормой, присущей национальному варианту языка, тогда как в Люксембурге имел место обратный процесс: франкоязычные валлоны были «выдворены» из герцогства вместе с территорией проживания. Французский язык в Люксембурге и сегодня обладает некоторыми чертами национального варианта своих валлонских соседей. Однако их не просто идентифицировать, так как среди подданных Великого герцога нет сколько-нибудь значительного числа носителей французского языка, как и работ, посвященных особенностям французского языка в Люксембурге. Здесь (в отличие от франкоязычной Швейцарии) отклонения в фонетике, грамматике и лексике не носят регулярного характера, а зависят от лингвистической компетенции конкретного индивида.

По-настоящему серьезная перемена лингвистического «климата» в пользу летцебургского языка произошла под давлением внешних обстоятельств. Причиной стала общеевропейская революция, охватившая Францию, Германию и Австрию (1848—1852 гг.). Конституционные Акты 1841, 1848 и 1856 г. даровали подданным Великого герцога «*основные права и свободы в рамках парламентской демократии и конституционной монархии*» [4].

Эти события вызвали к жизни (помимо возросшего интереса к люксембургской истории и этнографии) диалектный «ренессанс»: летцебургский язык начал употребляться в качестве средства коммуникации, обладающего свойствами письменного языка. Постепенно создается монологический (тексты без собеседника) тип речи люксембуржцев. В парламенте был «потеснен» французский язык, а в муниципальных советах, на сцене, в литургии и публицистике главной «жертвой» стал немецкий. Символ веры жителей герцогства выразил в те годы поэт Мишель Ленц (1820—1893) в следующей строфе своего стихотворения (написанного по-летцебургски): «*Оставьте нас такими, какие мы есть!*». Им же написаны слова песни «*Ons Heemecht*» («Наше Отечество»), первая и последняя строфа которой составили текст национального гимна страны (1859 г.). Эта идея конкретизирована в поэме другого известного литератора — Мишеля Роданжа (1827—1876): «*...французы — за шампанским, за рейнским же — пруссаки*» [5. Р. 4]. Осознание себя как этноса, отличного от своих могучих соседей (в первую очередь в лингвокультурном отношении), легло в основу патриотического самосознания люксембуржцев. В этой связи многие политологи указывают на нечастую для европейского континента особенность: в Люксембурге «*государственное строительство во многом опережало процесс зарождения и становления национальных чувств*» [6. С. 7].

В тот исторический период отношение рядовых люксембуржцев к французскому языку, бывшему на протяжении многих веков языком агрессоров, оккупантов и аристократических верхов, оставалось настороженным. Однако среди местных интеллектуалов крепло убеждение, что равноправное сосуществование на земле Люксембурга двух великих европейских языков станет «*гарантией против пангерманизма*» [5. Р. 24]. Во многом по этой причине в конституции 1868 г. впервые сформулирован принцип равноправия французского и немецкого языков. На диаметрально противоположный поменялся и вектор внешней угрозы: с традиционного западного («французского») направления на восточный («прусский»). Впрочем, в контексте истории дипломатии XIX столетия можно говорить о счастливом «кейсе» («*cause*») этой небольшой европейской страны. После победоносных войн Пруссии против Австрии (1866 г.) и Франции (1870 г.) Люксембург, как член Германского союза, не только не был включен в созданную Бисмарком Германскую Империю («Второй рейх»), но и обрел статус «*вечно нейтрального*» и демилитаризованного герцогства с громкой приставкой «Великое» (лондонская конференция великих держав 1867 г.). А когда в 1890 г. пресеклась уния с нидерландскими королями, Люксембург, спустя четыре с половиной столетия, вновь обрел собственного монарха (герцогская корона перешла к «боковой» линии прежней династии — семье Нассау-Вейлбург).

Но уже в первой половине следующего, XX в. люксембуржцы испытали два нашествия с востока.

В первую мировую войну гарантии великих держав не помешали кайзеровской Германии захватить территорию Люксембурга. Так как немецкая оккупация ограничилась военной сферой, власти герцогства, выступив с протестом, объявили о своем нейтралитете. Великая герцогиня Мария-Аделаида, не проявив политической смекалки, осталась в стране и вместе с правительством продолжила осуществлять гражданское управление. После окончания войны и эвакуации немецких войск мстительные победители обвинили правительницу в коллаборационизме (термин, который появится позже для обозначения соглашательского поведения части французов во время нацистского владычества). В январе 1919 г. она отреклась от престола в пользу своей сестры Шарлотты.

В результате этих драматических событий «лингвистический» маятник качнулся в обратную сторону. Теперь отторжение вызывал уже язык восточных соседей. В стране появились семьи, где родители разговаривали со своими детьми исключительно по-французски. К чести гражданского общества страны, это языковое «ноу-хау» было воспринято как опасный прецедент, способный привести к утрате национальной идентичности. Таким образом, главенствующим фактором сохранения и развития летцебургского языка стало наличие люксембургской государственности и связанное с ней воздействие социально-политических реалий на языковую политику. Центром изучения летцебургского языка стала *«Секция языкознания, фольклора и топонимики»* (1935 г.) *«Института Великого Герцога»* [4], который выполняет в Люксембурге функции Академии наук.

Тяготы нацистской оккупации (1939—1945 гг.) еще более усилили эмоциональный и культурологический «крен» в сторону Франции. Его спикером стал Марсель Ноппени (Norreney M.) (1877—1966) — глава объединения местных литераторов, пишущих на французском языке. Вот некоторые из его лозунгов: *«Мы ничем не обязаны немецкой культуре»*; *«У каждого две родины — своя и Франция»* [1. С. 181].

Характерный факт: в тексте конституционной реформы 1948 г. отсутствовало положение о равноправном (наряду с французским) хождении немецкого языка. А когда началась «холодная война» из Конституции изъяли статью о *«вечном нейтралитете»*. С тех пор Великое Герцогство активно участвует в евроатлантических структурах и является учредителем многих институтов евроинтеграции.

В 1951 г. Люксембург как ведущий центр сталелитейной промышленности Старого Света способствовал франко-германскому примирению посредством создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Этот экономический альянс заложил фундамент будущего Европейского Союза, еврозоны и Шенгена, а город Люксембург — вместе с Брюсселем и Страсбургом — стал штаб-квартирой многих европейских организаций. С конца 1960-х годов Люксембург — крупнейший (после Лондона) финансовый и банковский центр ЕС, популярная в определенных предпринимательских кругах офшорная зона. А с ноября 2014 г. Еврокомиссия (ЕК) — исполнительный орган ЕС с достаточно широкими полномочи-

ями — возглавляет Жан-Клод Юнкер, консервативный политик, долгие годы работавший на посту премьер-министра Люксембурга.

В настоящее время летцебургский язык продолжает выполнять ряд общественных функций (периодическая печать, радио, телевидение), что означает определенное сужение функционального спектра не только немецкого (в первую очередь), но и французского языков. В то же время развитого письменного кода летцебургский язык до сих пор не получил, о чем свидетельствуют прилавки книжных магазинов и библиотечные фонды. По той же причине на государственном языке Великого герцогства мы не найдем научных публикаций. Малоресурсность летцебургского языка и его фактическая миноритарность (с учетом географического положения герцогства на лингвистическом стыке романского и германского миров) не позволяет претендовать на место унаследованных традицией официальных деловых языков Люксембурга. По мнению местных аналитиков, вопрос о *«дальнейшем функциональном продвижении летцебургского языка должен быть снят с повестки дня, поскольку подобные попытки противоречат объективному процессу развития экономического пространства ЕС»* [7. С. 156].

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ЛЮКСЕМБУРГЕ

Как отмечалось выше, процесс этнолингвистической консолидации люксембуржцев способствовал выдвиганию местного диалекта на позицию языка государственного. На вербальном уровне летцебургский язык образует сплошное перекрытие территории герцогства, тогда как официальные языки (французский и немецкий) занимают отдельные функциональные сегменты, находясь между собой в условиях конкурентного употребления. Закон о языковой политике от 24 февраля 1984 г. подтвердил государственный статус люксембургского языка и официальные статусы французского и немецкого, подчеркнув тем самым факт многовекового пребывания на этой земле романской и германской этнических групп.

Традиция употребления французского языка не прерывалась в Люксембурге со времен Средневековья. И сегодня подавляющее большинство люксембуржцев, отвергая крайности местных франкофилов, испытывают большие симпатии к своему западному соседу — Франции. Дополнительным стимулом служат сугубо лингвистические соображения: литературный немецкий является естественным («фоновым») продолжением местного языка, по преимуществу обиходно-разговорного. Поэтому, употребляя французский язык, жители герцогства имеют больше шансов сохранить свою самобытность в социокультурном отношении. Таким образом, внутри люксембургского лингвоареала переплетаются две взаимодействующие друг с другом тенденции: стремление защитить автономию летцебургского языка (в первую очередь от угрозы «онемечивания») и желание совершенствовать французский язык.

Однако характер взаимодействия этих тенденций нельзя назвать благостным, но, напротив, проблемным и даже противоречивым, если опираться на понятийный аппарат закона диалектики о единстве противоположностей.

С одной стороны, словарный запас любого подростка пополняется по схожим основаниям (неудовлетворительная частотность слов, потребность в синонимах и т.п.). Но в социокультурном плане билингуам легче воспринимать иноязычные обозначения новых предметов, и процессы калькирования и семантического заимствования у них более органичны и многочисленны (1). Если большинство европейских школьников, будучи одноязычными, опираются на традиционный лингвистический материал, то их люксембургские сверстники, владея вторым (и третьим!) языками, получают дополнительный источник лексических новаций. С другой стороны, социализация детей в люксембургских семьях происходит на летцебургском языке, а изучение обоих литературных языков начинается в средней школе. И на них же преподаются все школьные дисциплины. То есть родной язык искусственно замещается языками, которые только предстоит освоить. Помимо очевидных проблем с качеством образования, такая практика служит препятствием к установлению люксембургской нормы этих языков, так как усвоение и немецкого, и французского строится на использовании метропольных стандартов. Кроме того, согласно социологическим замерам, «более 90% выпускников средних школ герцогства свое знание немецкого языка оценивают выше французского» [1. С. 25] (что не удивительно, учитывая историческое родство люксембургского диалекта с германскими говорами). И хотя хорошее владение французским (особенно письменным) является важной предпосылкой успешного продвижения по карьерной лестнице, эти факторы создают парадокс диспропорции между высокой престижностью французского языка и его малым распространением с точки зрения совокупности употреблений.

Даже те, кто принадлежит к верхушке социальной пирамиды, вынуждены переключаться с одной коммуникативной системы на другую и отказываться от «своего» французского по причине узости социальной базы. Везде, где в среде местных жителей ставится задача добиться максимальной полноты коммуникации, используются не французский, а немецкий язык. По замечанию бельгийского лингвиста Э. Пьера (E. Pierre), в герцогстве «немецкий употребляется по мере необходимости, французский — по мере возможности» [Там же. С. 183]. По той же причине, несмотря на признание за французским статуса языка органов власти, официальные документы разрешено «дублировать» на немецком языке, который обслуживает бизнес и, что немаловажно, используется в церкви (2).

На французский язык как на язык элитарной культуры (опера и балет, симфонические концерты, вернисажи) ориентирована наиболее просвещенная и либерально настроенную часть общества. Широко употребляется в тех сферах общественной жизни, где семантические нагрузки на текст или сообщения невелики. Прежде всего, это топо- и антропонимика (обозначение станций, улиц, кафе и ресторанов; личные имена). Частотны слова *bonjour*, *au revoir*, *salut* и французские формулы вежливости: *madam*, *monsieur*, *merci* (3).

Однако координативный билингвизм среди люксембуржцев большая редкость даже в интеллектуальной сфере. В частности, литературные критики отмечают в «неполную свободу выражения» [1. С. 188] в текстах тех люксембургских авторов, которые пишут на французском языке. По их мнению, такой феномен сви-

детельствует об иноязычном происхождении писателя. Речь идет не об уровне владения французским языком (несомненно, совершенном), но о том, как эта компетенция реализуется в творческом процессе. Иван Тургенев, долгие годы проведший во Франции, писал по этому поводу: «...искренне признаюсь, что не понимаю авторов, которые могут делать такое чудо ловкости: писать на двух языках! ...быть в состоянии сочинять на двух языках и не иметь никакой оригинальности — эти два выражения в моих глазах совершенно тождественные...» [9. С. 4]. Также сошлемся на резюме авторитетного люксембургского диалектолога Р. Бруха (R. Bruch) «...на самом деле никто из нас не является по-настоящему двуязычным» [1. С. 188].

В подтверждение последнего высказывания позволим себе привести собственное суждение. Местный закон, который регламентирует отношения подданных герцога с местными бюрократами, обязывает последних отвечать на языке, который использовал ходатай, но с оговоркой «насколько это возможно»: (...*rédigée en luxembourgeois, en français ou en allemand, l'administration doit se servir, dans la mesure du possible, pour sa réponse de la langue choisie par le requérant*) [4]. Положение закона «насколько это возможно» в большинстве своем касается невозможности формулировать ответ на летцебургском языке (в силу его малоресурсности), а также и на французском, которым не каждый люксембургский чиновник владеет в должной мере.

В последние десятилетия в функциональный статус французского языка в Люксембурге претерпел серьезные изменения. Помимо языка законодательства и языка интеллектуалов французский все шире употребляется как разговорный, причем в той социальной среде, которую нельзя назвать элитарной. Эта лингвистическая метаморфоза вновь произошла под давлением внешних факторов. Только на этот раз в их основе лежали не геополитические коллизии или революционные потрясения (как раньше), но обстоятельства сугубо «ненасильственные», связанные с экономической глобализацией.

Статистика (на январь 2012 г.) свидетельствует: в стране зарегистрировано «525 тысяч жителей, в том числе 230 тысяч иностранцев, что составляет почти 44% от общей численности населения герцогства» [2]. Добавим сюда немалый поток «гастарбайтеров», ежедневно пересекающих люксембургские границы. Все они имеют возможность свободно пользоваться своими языками. В этом отношении Люксембург представляет собой лингвистический микрокосм Европейского Союза и витрину мультикультурализма — доктринальной доминанты ЕС, предполагающей языковую толерантность и свободный обмен социокультурными ценностями. Но при этом возникает эффект «вавилонской башни» (английский язык — «*lingua franca*» лишь для узкого круга топ-менеджеров научно-технологического и банковского секторов экономики и бюрократических структур ЕС). А большинство натурализованных люксембуржцев и приезжающих на работу являются или носителями французского языка (как соседи — бельгийцы) или уроженцами других романских стран (итальянцы, испанцы, португальцы). Овладение немецким, а равно — местным летцебургским для них достаточно проблематично, и французский язык стал лингва франка в коммуникационном отношении (4).

Что касается государственного языка, то свои позиции в полной мере он сохраняет в предгорьях Арденн, на севере страны, где немногочисленное местное население занимается сельским хозяйством.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ЛЮКСЕМБУРГЕ

Как следует из изложенного выше, сложившаяся ситуация функционирования в пределах единого социума трех языков представляет научный интерес, прежде всего, в аспекте социолингвистики. Что не исключает возможности исследовать лингвистические особенности каждого из них.

Французский язык в Великом Герцогстве опирается на нормы, установленные в самой Франции, так как малочисленность франкоязычных жителей не позволяет провести репрезентативную идентификацию особого типа языка. Поэтому устная речь люксембуржца, говорящего по-французски, определяется его индивидуальной компетенцией. Хотя и в этом лингвосегменте присутствуют отклонения, которые можно охарактеризовать как общие.

Процитируем в этой связи упомянутого выше Марселя Ноппени — известного энтузиаста по «перетягиванию» Люксембурга в зону франкофонии. Он рекомендует своим соотечественникам «*не ударять предпоследний слог*» и «*обращать внимание на носовые*» [1. С. 191]. Характерной чертой местного произношения является нейтрализация согласных в конце слова по признаку звонкости, а также тогда, когда следующее слово начинается с гласного или звонкого согласного. Подобные фонетические «сбои» связаны с дефицитом устойчивого узуса и характерны для недоусвоенных языков. Французское произношение «среднего» люксембуржца коррелируется в этом случае особенностями фонетики местного языка. В данном лингвистическом аспекте языковая ситуация в Люксембурге сходна с другими странами зоны франкофонии за исключением Бельгии, Канады и Швейцарии, где сложились национальные варианты французского языка.

Материал для лингвистических наблюдений в области грамматики, лексики и орфографии можно найти в печатных текстах, где его можно структурировать и легче выявить явления интерференции.

В грамматическом лингвосегменте трудности люксембуржцев вызывает процесс образования временной системы французских глаголов и использование вспомогательных глаголов, таких как *être* и *avoir*. Типической ошибкой является неверное употребление местоимений, выражающих адресат действия в конструкциях с пассивным причастием. Большая часть ошибок связана здесь с «*калькированием соответствующих конструкций немецкого языка*» [1. С. 192]. Некоторые ошибки в роде существительных также объясняются влиянием немецкого языка. Например, слово *le cigare* под воздействием немецкого *die zigarre* (женский род) в Люксембурге трансформировалось в женский род: *la cigare*. Женский род в местном французском получило слово *la garage* вместо центральнофранцузского *le garage*.

Все вышеперечисленное дает основание утверждать наличие признаков влияния как немецкого, так и летцебургского языков, структурно близких друг другу.

Французская лексика в Люксембурге включает в себя слова, которые отсутствуют в языке метрополии и являются прямыми немецкими заимствованиями. Например, «стадион» (фр. *stade*) заменяется немецким *stadion*. Значение «претендовать на что-либо» передается глаголом *flecter sur qch* из немецкого *auf etwas reflektieren*. Имеют место случаи «неверного» словообразования, когда лексема составлена из единиц французского языка, но во Франции не встречается. Например, *correctures* (исправления) вместо метропольного варианта *corrections*; *compresser* (сжимать) вместо *comprimer*, *balletteuse* (балерина) вместо *ballerina*.

Возникают синонимы, неизвестные во Франции, по причине устоявшейся путаницы при употреблении близких по значению или по форме французских лексем. Например, в Люксембурге не различают глаголы *apprendre* (учить что-либо) и *enseigner* (учить чему-либо, преподавать), *rentrer* (возвращаться) и *entrer* (входить). Имеют место случаи искажения семантики французских лексем. В большинстве своем они продуцируются под воздействием немецкого языка, а также (хотя и меньше) — под влиянием бельгийского варианта французского. Примерами могут служить следующие семантические дивергенты:

— фр. *quartier* (квартал) — в Люксембурге употребляется в значении «квартира» (фр. *appartement*, но нем. *Quartier*);

— фр. *instances* (ходатайство, просьба) — здесь означает «власть» (фр. *autorites*, но нем. *Instanz*);

— фр. *tapisserie* (ковер, вышивка) — понимается как «обивка», «обои» (фр. *tenture*, но нем. *Tapete* от глагола *tapezieren*);

— фр. *gymnase* (гимнастический, спортивный зал) — получило значение «гимназия» (по нем. *Gymnasium*).

Что касается интерференции со стороны франковаллонской лексики, то этот феномен во многом связан с тем, что молодые люксембуржцы предпочитают получать высшее образование в университетах своих бельгийских соседей (собственный люксембургский университет функционирует как подготовительный факультет для поступления в европейские или североамериканские вузы). Например, фр. *universitaire* (университетский преподаватель) во франковаллонской интерпретации в Бельгии и в Люксембурге понимается как «выпускник университета».

В орфографии преобладают ошибки, связанные с влиянием немецкого правописания. Так, в люксембургских франкоязычных изданиях можно встретить *manuscript* вместо *manuscrit*, *lotterie* вместо *loterie*.

Завершая лингвистическое описание особенностей французского языка в Люксембурге, отметим определенное их сходство с франкошвейцарским вариантом, который, по образной оценке лингвиста Б. Беша (B. Voesch), «кишит германизмами» [10. S. 44].

Таким образом, несмотря на административные меры поддержки государственного летцебургского языка, взаимоотношения трех официальных языков Вели-

кого Герцогства можно охарактеризовать как сбалансированные. При этом «*тополектное состояние*» французского языка на этой территории не позволяет определить его как «*региолект*» (5). Но у межкультурной коммуникации — социальная повестка дня, и это состояние может измениться, если нагрузка на коммуникативную личность жителя Люксембурга достигнет критической массы. А эта нагрузка коррелируется с развитием интеграционных процессов, происходящих в Европейском Союзе. Поэтому мониторинг фактического состояния французского языка в Люксембурге представляется задачей, имеющей серьезную научную перспективу. А с учетом языковых проблем, возникающих у наших ближайших соседей, исследование путей цивилизованного решения подобных проблем представляется особенно актуальным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Подробнее об этом в статье Н.Л. Кривчиковой и Н.В. Трещевой [8].
- (2) Люксембург считается один из основных оплотов католицизма в Европе. Здесь пышно, с соблюдением всех канонов отмечаются религиозные праздники; среди жителей распространена молитва перед едой [4].
- (3) Сошлемся в этой связи на императора Карла V (1500—1558), который предпочитал общаться «с врагами — на немецком, с женой — на французском» (примеч. авт. — Е.Д.).
- (4) Эта разговорная речь обслуживает ограниченный класс ситуаций общения и характеризуется как пиджин. Вопрос о том, возможен ли процесс его постепенной креолизации, находится за рамками нашего обсуждения. Во всяком случае власти герцогства предпринимают серьезные и вместе с тем цивилизованные усилия, чтобы эту перспективу исключить или хотя бы отдалить (примеч. авт. — Е.Д.).
- (5) По мнению российского исследователя В.Т. Клокова, варианты французского языка за пределами Франции можно определить как «региолект». Подробнее об этом в статье [11].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Языки и диалекты Люксембурга / Отв. ред. А.И. Домашнев. СПб.: Наука, 1993.
- [2] Государственный институт статистики и экономических исследований (Люксембург). URL: <http://www.statistiques.lu>.
- [3] Дмитриева Е.Г. Лексико-семантические и стилистические особенности французского языка в Швейцарии: Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2008. URL: <http://www.rudn.ru>.
- [4] URL: http://www.wen.uni.lu/studies/flshase/master_en_langues_cultures_et_medias_letzebuenger_studien_academique.
- [5] Viatte A. La francophonie. Paris, 1969.
- [6] Киль Ж. Тысячелетний Люксембург. М., 1965.
- [7] Реман Ж.Р. Очерк одной ситуации многоязычия: Люксембург // Новое в лингвистике: языковые контакты. М., 1972. Вып. 6.
- [8] Кривчикова Н.Л., Трещева Н.В. О специфике процесса заимствования во французском языке // Инновации в образовании. 2014. № 2.
- [9] Валуцьева И.В., Хухуни Г.Х. Парадокс билингвизма // Филологические науки. 2014. № 3.
- [10] Boesch B. Die mehrsprachige Schweiz // Wirkendes Wort. Sammelbd 1. Dusseldorf, 1962.
- [11] Клоков В.Т. Особенности территориальной вариативности французского языка в мире. М., 2003.

ON THE LATINIAN-GERMANIC FRONTIER: THE EVOLUTION AND THE ACTUAL CONDITION OF THE FRENCH LANGUAGE IN LUXEMBOURG

E.G. Dmitrieva

Department of Foreign Languages
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya st., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to the linguistic situation in Luxembourg, a European country that has strong connections with France. The interest in this problem is based on the impact of the globalization process on the linguistic situation in a country with a small population.

The article touches upon two different tendencies in the linguistic range of Luxembourg: the stable support of the local language as a means of social identification on one hand, and on the other — the understanding of the possible negative effects of the transformation of common language into a standard one.

The situation is aggravated by social-economic and demographic consequences resulting in the narrowing of local language use and the overrepresentation of the French language as an instrument of verbal communication in the country.

The study of the methods and forms of a civilized solution to this kind of contradiction is very real today in the face of the discussions of the role and perspectives of the Russian language in the former Soviet republics.

Key words: linguistic competence, bilingualism, communication, functional status, interference.

REFERENCES

- [1] Iaziki i dialekti Luxembourg [Languages and dialects of Luxembourg] (editor-in chief Domashnev A.I.), SPb., Nauka, 1993.
- [2] The State University of Statistics and Economic (Luxembourg). URL: <http://www.statistiques.lu>.
- [3] Dmitrieva E. Leksiko-semanticheskie i stilisticheskie osobennosti francuzskogo jazika v Shveicarii [Lexico-semantic and stylistic features of the Swiss national variant of French language] synopsis of a PhD thesis. M., 2008. URL: <http://www.rudn.ru>.
- [4] URL: http://www.uni.lu/studies/flshase/master_en_langues_cultures_et_medias_letzebuenger_studien_academique.
- [5] Viatte A. La francophonie. Paris, 1969.
- [6] Kill J. Tishacheletnii Luxembourg [Millennial Luxembourg]. M., 1965.
- [7] Reman J.R. Oчерk odnoi situazii mnogojazichija. *Novoe v lingvistike: jazikovye kontakti* [An essay of a multilingualism situation: Luxembourg. *New in linguistics*]. M., 1972. Iss. 6.
- [8] Krivchikova N.L., Tresheva N.V. O spetsifike prozessa zaimstvovanija vo francuzskom jazike. *Innovazii v obrazovanii* [The particularity of linguistic borrowing in the French language. *The innovations in the education*]. 2014. N 2.
- [9] Valujtseva I.V., Huhuni G.H. Paradox bilinguizma. *Philologicheskie nauki* [The paradox of bilingualism. *Philological studies*]. 2014. N 3.
- [10] Boesch B. Die mehrsprachige Schweiz. *Wirkendes Wort*. Sammelbd 1. Dusseldorf, 1962.
- [11] Klovov V.T. Osobennosti territorialnoj variativnosti francuzskogo jazika v mire [The particularities of territorial variations of the French language in the world]. M., 2003.

© Дмитриева Е.Г., 2016

Дата поступления в редакцию: 23.11.2015

Дата принятия в печать: 26.01.2016

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЯЗЫКОВОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ

Л.М. Букина

Кафедра французского и немецкого языков
Факультет иностранных языков
Государственный социально-гуманитарный университет
ул. Зеленая, 30, Коломна, Россия, 140410

В статье рассматриваются факторы, обуславливающие появление заимствований в естественном языке, выявляются причины распространения иноязычных слов в языковой системе на базе четкой дифференциации внутрилингвистических и экстралингвистических факторов. Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых (Ж. Багана, М.А. Брейтер, Д. Кристалл, Л.П. Крысин и др.), посвященные проблеме языковых заимствований в целом и причинам их появления в частности. Исследование проводится на материале французского языка, иллюстративный материал получен эмпирически в процессе исследования франкоязычных сайтов: <http://www.linternaute.com>, <http://www.elle.fr>, <http://www.wuzz.fr>, <http://www.eurosport.fr> и т.д. Процесс заимствования может происходить на всех языковых уровнях, однако, нами были рассмотрены лишь факторы, способствующие проникновению и ассимиляции в языке-рецепторе лексических заимствований. Целью исследования стал анализ существующих точек зрения лингвистов на причины появления иностранных слов в системе языка-приемника, а также выявление сходств и расхождений во взглядах исследователей. Несмотря на то, что внешние причины являются лишь определенного рода стимулами для появления заимствований, в лингвистике существует достаточное количество работ, подчеркивающих их важность в появлении и адаптации иностранных слов в языке-приемнике. Внутрилингвистические факторы, тем не менее, играют доминирующую роль в процессе перехода иноязычного слова в вокабуляр другого языка. Важное место в появлении заимствований занимают психологические факторы, так как языковой контакт осуществляется при взаимодействии двуязычных носителей, являющихся, в первую очередь, отдельными языковыми личностями. В ходе исследования использовались следующие методы: метод сплошной выборки языкового материала, описательно-аналитический метод, метод семантического анализа, метод сравнения и сопоставления.

Ключевые слова: заимствование, внутрилингвистический фактор, экстралингвистический фактор, психологический фактор.

1. ВВЕДЕНИЕ

Достаточно трудно представить язык, в системе которого отсутствуют заимствования, иноязычные элементы. Вместе с развитием культуры и быта нации язык перенимает иностранные слова. Пополнение языков различными инокультурными элементами происходило еще в древности. Так, например, Кирилл и Мефодий при переводе христианских книг на славянский язык использовали иногда греческие слова. Ученые различных эпох и поколений проявляли интерес к изучению данной лингвистической проблемы, одним из важных аспектов которой является выявление всевозможных причин появления иностранных слов в системе национальных языков.

Ж. Багана, Е.В. Бондаренко считают, что появление в языке заимствования может быть спровоцировано необходимостью в дифференциации значений не-

скольких лексем с целью более точной передачи когнитивной структуры [1. С. 8]. Это указывает на разные сферы семантического влияния уже существующего в языке слова и слова иностранного, пришедшего из другого языка. Обычно иноязычная лексическая единица имеет более узкое конкретное значение, она отличается большей экспрессивностью по сравнению с лексемой родного языка.

Актуализация в речи лексической единицы в одном значении для обозначения одного понятия, компрессия всей информации в единичном знаке является одним из важных условий устной коммуникации XXI в.

2. ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ПОЯВЛЕНИЮ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Процесс языкового заимствования может происходить на всех языковых уровнях. Нам хотелось бы рассмотреть более подробно факторы, способствующие появлению и ассимиляции в языке-приемнике именно лексических заимствований. Среди причин, которые лежат в основе лексических переходов из одного языка в другой, ученые выделяют главным образом ряд связанных между собой факторов, которые для удобства можно назвать психологическим климатом заимствования [14].

Наиболее полный перечень причин и предпосылок лексических заимствований представлен Л.П. Крысиным в работе «Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике». Обращаясь к проблеме рассмотрения возможных причин появления иноязычных слов в языке-рецепторе, исследователь ссылается на одну из работ Э. Рихтер [15], в которой отмечается, что необходимость в наименовании вещей и понятий является основной причиной заимствования лексем. Там же перечисляются и другие причины, различные по своему характеру — языковые, социальные, психические, эстетические и т.п., а также потребность в новых языковых формах, потребность в расчленении понятий, в разнообразии средств и в их полноте, в краткости и ясности, в удобстве и т.п. Л.П. Крысин считает, что заимствования лишь являются определенным продуктом контакта языковых сообществ, а главным фактором, повлиявшим на отсутствие четкой дифференциации причин, является рассмотрение процесса языкового заимствования в связи с культурными и иного рода контактами [8. С. 12].

Обращаясь к проблеме факторов, способствующих появлению иноязычной лексики в языке-приемнике, необходимо отметить, что традиционно выявление причин заимствования происходит на базе четкой дифференциации внутрилингвистических и экстралингвистических факторов. На наш взгляд, такие масштабные группировки могут не всегда адекватно отражать реальную картину языковых процессов. В этой связи, вслед за Л.П. Крысиным и Э. Рихтер, считаем уместным рассматривать психологические факторы заимствования как отдельную категорию.

Мы исходим из предпосылки о том, что механизмы овладения и владения языком управляются психикой и не могут рассматриваться как сугубо лингвистические. По этой же причине — диалектическая связь языка и мышления — они

не могут рассматриваться как исключительно экстралингвистические. Кроме того, принимая во внимание теорию об универсальности таких механизмов («универсальная грамматика» Н. Хомски, «языковой инстинкт» С. Пинкера и т.п.), полагаем, что психологические факторы, в отличие от, например, социальных и эстетических, не имеют национально-культурной принадлежности. Именно поэтому их можно рассматривать как отдельную, надязыковую и надкультурную группу факторов.

3. ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ЯЗЫКОВОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ

Классификация Л.П. Крысина основана на достаточно четкой дифференциации внешних и внутренних причин. По мнению ученого, к неязыковым причинам заимствования слов одного языка другим языком следует отнести наличие более или менее тесных культурных, политических и экономико-промышленных связей между языковыми носителями. Но в тоже время интенсификация или ослабление этих связей может не оказывать влияние на активизацию или ослабление процесса заимствования слов. Другими словами, воздействие социально-политических и прочих контактов на заимствование лексики осуществляется не прямолинейно, но иногда довольно сложными путями. Так, при хорошо налаженных культурно-экономических контактах может и не быть интенсивного перемещения лексики из одного языка в другой, а при сравнительно более слабых экономических, промышленных, культурных и т.п. связях возможно более интенсивное заимствование.

Но, как упоминает Л.П. Крысин, это может происходить при активном влиянии таких факторов, как политическая роль страны и языка, постоянное обновление лексических средств путем образования слов, называющих новые, актуальные в тех или иных отношениях явления [8. С. 21—22].

Существует и более широкая точка зрения на набор экстралингвистических причин проникновения иностранной лексики в вокабуляр языка-приемника. Так, С.В. Мангушев и А.В. Павлова относят к ним такие факторы, как экономическая, социальная, политическая интеграция культур, а также особенности географического положения.

В качестве примера влияния экстралингвистических факторов на становление и развитие языковых систем исследователь приводит контакт английского и французского языков во времена оккупации Англии норманнами.

Завладев территорией Франции, норманны подверглись сильному влиянию французской культуры и стали носителями французского языка. Затем, после завоевания Англии, бароны из Нормандии стали ее полновластными хозяевами, и в течение нескольких веков (XII—XIII вв.) французский язык (в его нормандской диалектной форме) имел статус государственного на английской территории [11. С. 157—158].

Л.И. Богданова рассматривает появление новых слов и словосочетаний как ответ языка на вызовы эпохи, «это реакция языка на воздействие других языков

и культур, на перемены общественно-политической и экономической жизни общества, обусловленные временем» [2. С. 42].

В.А. Богородицкий определяет заимствование как определенный продукт, результат международных контактов. «Вместе с ходом исторической жизни народа, при соприкосновении его с другими народами, могут заимствоваться новые предметы и понятия, названия которых — большей частью имена существительные — не придумываются вновь, а тоже заимствуются, не только подчиняясь в той или другой степени строю языка, но и служа, в первую очередь, источником для новых производных слов» [3. С. 322]. Д.С. Лотте не совсем согласен с этим мнением, считая, что такая точка зрения может быть распространена лишь на мало известные понятия в языке-приемнике. Но в большинстве случаев мы имеем дело с понятиями, для которых в заимствующем языке уже существуют определенные термины или описательные обороты. Иногда даже для номинации понятия, образованного в своем языке, употребляют иноязычные слова. Главная причина появления заимствованной лексики кроется в противоречии между требованием к терминологической точности с одной стороны, а с другой стороны — призывом к практической краткости. Под требованием точности Д.С. Лотте понимает применение определенного звукового комплекса лишь для обозначения одного понятия, причем этому условию должны следовать как термины в целом, так и отдельные их элементы.

В то же время это требование выражается в выборе наиболее точного словесного выражения одного из признаков данного понятия. Практическая краткость выражается в употреблении точных не громоздких терминов [9. С. 38—41].

Очевидным фактом является то, что межъязыковое заимствование приобрело огромные масштабы. В современном сформировавшемся информационно-коммуникационном обществе словарный состав различных языков мира пополняется иностранными словами (чаще всего английскими). Сложившая геополитическая ситуация в мире способствует распространению и укоренению англицизмов в лексических системах многих языков. В своей работе «Английская экспансия в современном французском языке» А.А. Сидоров пишет, что внешние факторы, обуславливающие распространение заимствований, а именно англоязычной лексики, «Euro-English», могут быть и экономическими. Так, например, в целях экономии на производстве, экономии на переводческой деятельности руководство, представители бизнеса вынуждены активно использовать «Euro-English» [12. С. 52].

Полагаем, что к экстралингвистическим факторам распространения иноязычной лексики на разных уровнях языка-приемника можно также отнести исторические контакты народов, войны, создание международных корпораций, организаций, миграцию народов, характер отношений между разными нациями, высокий престиж языка на мировой или международной арене, научный и технический прогресс.

Многие ученые (А.И. Смецкой, С.В. Мангушев, А.В. Павлова, А.И. Домашнев и др.) считают, что географическая языковая близость играет далеко не первостепенную роль, а именно экономические, социальные и политические факторы

оказывают непосредственное влияние на изменения вокабуляра языка. Чаще всего языковые изменения носят общественную природу.

Итак, внешние факторы оказывают существенное влияние на процесс заимствования иноязычной лексики. Развитие, интенсивность языкового контакта и характер его функционирования во многом обусловлен экстралингвистической реальностью. Сегодня в условиях глобализации, усиливающейся взаимозависимости национальных государств и регионов, интенсификации языковых контактов усиливается потребность в изучении внешних причин появления иностранных слов в национальных языках.

В то же время нужно признать, что социально-экономическая ситуация внутри отдельной страны оказывает неоспоримое влияние на развитие языка. Являясь социальным феноменом, любой язык реагирует на общественные изменения. Кризис, сложная ситуация в обществе способствует появлению трудностей в языке, причем на разных его уровнях. Распространение в языке иностранных слов, сосуществование с исконными единицами, их замещение является одним из возможных проявлений кризисного состояния языковой системы. К сожалению, перенасыщение языка иноязычными словами отрицательно отражается на этнической самобытности народа. Чрезмерное употребление заимствованной лексики отрицательно влияет на этническую идентичность общества.

3. ВНУТРИЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Необходимо отметить, что многие исследователи обращают свое внимание именно на внутренние факторы перехода иноязычных слов в систему языка-приемника. «Экстралингвистические причины являются своего рода стимулами для появления заимствований из одного языка в другом. Однако сам процесс перехода иноязычной лексической единицы в речь, а в дальнейшем в вокабуляр языка-акцептора обуславливается целым рядом внутрилингвистических факторов, которые теснейшим образом связаны с внутренними тенденциями языкового развития» [11. С. 158].

К внутрилингвистическим причинам появления заимствований в языке Л.П. Крысин относит следующие.

1. Устранение полисемии исконного слова и упрощение его смысловой структуры.

2. Потребность уточнить, детализировать соответствующее понятие, разграничить некоторые смысловые оттенки, прикрепив их к разным словам.

3. Наличие в заимствующем языке тенденции к образованию структурно аналогичных слов или наличие класса слов, структурно однотипных с воспринимаемой лексической единицей.

4. Наличие в языке-приемнике определенного лексического ряда заимствований с общим значением и повторяемостью какого-либо одного структурного элемента (можно добавить, что это способствует более легкой адаптации заимствования, однотипного со словами уже существующего лексического ряда).

5. Тенденция к соответствию нерасчлененности обозначаемого понятия с нерасчлененностью обозначающего, т.е. язык стремится назвать обозначаемое (если оно представляет собой единое целое) отдельным словом, а не группой слов или словосочетанием [8. С. 23—29]. Можно отметить, что не всегда иноязычные термины, заменяющие исконные словосочетания, приспосабливаются и укореняются в лексической системе языка-рецептора, в котором уже сложились определенные микросистемы с общими структурными признаками.

В последнем пункте автор затрагивает проблему реализации в языке принципа экономии. Согласно его точке зрения, с одной стороны, благодаря замене описательного оборота иноязычным словом происходит количественное укорочение номинативной единицы. Но в то же время неоспоримым является факт увеличения в языке набора лексем. А если речь идет об единицах-инновациях, то встает вопрос в необходимости их расшифровки, что требует дополнительных языковых лексических ресурсов.

Вслед за Л.П. Крысиным М.А. Брейтер, проводившая исследования на материале русского языка, также делает попытку выделить внутренние причины появления иноязычных слов в языке-приемнике. Их четыре.

1. Отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора. В качестве примера можно привести такие англицизмы во французском языке, как *Webcam, Internet, scanner, Wifi*. Здесь также речь идет о заимствованиях, которые обозначают понятия новые для языка-приемника. Иногда в языке возникает потребность в слове для обозначения активно развивающегося явления, но отдельной лексической единицы для наименования этого явления в языке-источнике не существует, тогда возникают определенного рода гибриды (*un must-have, l'ex-babystar*).

2. Отсутствие соответствующего или более точного наименования, а равно и его «проигрыш» в конкуренции с заимствованием в языке-рецепторе (*un détecteur*). Отмечается, что грань между этой и предыдущей группой размыта, так как в ряде случаев трудно утверждать, является ли понятие новым для языка-рецептора.

3. Обеспечение стилистического (эмфатического) эффекта (*super, cool, likeit*). Омофония, соединяющая межъязыковые смыслы, может способствовать созданию эмфатического эффекта. Действие этого фактора нечастое и рассчитано на высокую степень языковой компетенции говорящих.

4. Выражение позитивных или негативных коннотаций, которыми не обладает эквивалентная единица в языке-рецепторе [4. С. 34—35].

Очевидно, что М.А. Брейтер указывает лишь внутрилингвистические причины заимствования. При этом некоторые из них (отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора, отсутствие соответствующего или более точного наименования в системе языка-рецептора) перекликаются с предложенными ранее Л.П. Крысиным.

У. Вайнрайх считает, что необходимость в появлении заимствованной лексики связана с потребностью в дифференциации ряда семантических полей [5]. А.П. Майоров полагает, что важными внутриязыковыми факторами перехода иноязычных элементов в язык-акцептор являются тенденции к коммуникативной

четкости лексических единиц, а также к экспрессивности [10]. Добавим, что проблему важности достижения эмфатического эффекта посредством заимствований затрагивала еще М.А. Брейтер, представляя свой перечень возможных причин появления заимствований.

С.С. Волков и Е.В. Сенько считают, что одним из мощных внутриязыковых стимулов появления новых слов является так называемая тенденция «языковой экономии». Данный внутренний стимул находит свое отражение в замене словосочетаний, представляющих собой устойчивое сочетание двух или более самостоятельных слов, более экономными однословными номинациями [6. С. 48]. В качестве внутреннего фактора перехода иноязычного элемента в язык-приемник А.И. Смецкой рассматривает тенденцию к немотивированности или, наоборот, мотивированности языкового знака, т.е. стремление носителей языка-рецептора употреблять в речи немотивированные или частично мотивированные лексические единицы [13. С. 101].

Следует отметить, что чаще всего в качестве заимствований выступают низкомотивированные сложные слова или аббревиатуры. Причиной этому является отсутствие в языке-приемнике однословных эквивалентов.

Любопытно, что внутренние причины появления заимствований в различных языках неуниверсальны и могут варьироваться от одного языка к другому. И эта проблема требует отдельного дополнительного анализа.

К внутрилингвистическим причинам появления иностранных слов можно добавить необходимость пополнения уже несуществующих или устаревших языковых звеньев, а также необходимость более точного выражения определенных понятий в семантическом плане.

Следует отметить, что вышеперечисленные внутренние причины не существуют отдельно, они взаимосвязаны между собой. Например, явление языковой экономии может быть обусловлено тенденцией к экспрессивности или немотивированности языкового знака.

Итак, внутрилингвистические факторы, связанные с внутренними тенденциями языкового развития, способствуют появлению заимствованной лексики в языке. Проникновение иностранных слов и их адаптация в языке-приемнике чаще всего спровоцировано необходимостью номинации, называния новых явлений и предметов, а также потребностью уточнения соответствующего существующего понятия. Так как каждый язык отличается универсальностью, поэтому набор внутриязыковых причин появления иноязычной лексики зависит от конкретного языка.

4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ

Помимо внутренних и внешних причин появления заимствованной лексики отдельное место ученые отводят психологическим факторам. Новое, недостаточно известное слово вызывает повышенный интерес у публики, нередко вызывает реакцию подражания. С психологической точки зрения аттрактивность является одной из самых главных причин употребления в речи иноязычных лексических единиц. Эти слова «не только обозначают предметы, имена, чувства, виды деятельности и события, но заставляют нас почувствовать на себе психическое и фи-

зическое влияние этих феноменов» [16]. Однако знание и использование иностранных слов в речи подчеркивает образованность и эрудицию говорящего. Это ему придает определенную уверенность в себе, повышает его психологический статус, подчеркивает его принадлежность к более высокостатусной группе.

Говоря об английских заимствованиях в частности, Г.М. Костюшкина и И.В. Горбунова подчеркивают их функциональное разнообразие, персуазивный потенциал и способность суггестивного действия, а также отдельно отмечается манипулятивная возможность модификации модели мира адресата в желаемом для адресанта ключе при использовании иностранных слов. Это лингвистический способ речевого воздействия, выбор и использование которого строго мотивированы адресантом [7. С. 75—76].

Некоторые лингвисты (С.В. Мангушев, А.В. Павлова и др.) считают, что «психологические составляющие заимствования реализуются в двух тенденциях — осознанном воздействии носителей языка на его структуру и подсознательном стремлении к вмешательству в его внутреннюю жизнь» [11. С. 159].

Под осознанным стремлением внести изменения в структуру родного языка исследователи понимают негативное или позитивное отношение носителей языка к проникновению в язык иноязычной лексики, а также признание преобладающей роли исконных, изначальных элементов в развитии языковой системы.

Действительно, при изучении такой проблемы в языке, как заимствование, необходимо к лингвистическому исследованию привлекать данные из психологии. Заимствование является определенным продуктом языкового контакта двуязычных носителей, которые представляют собой отдельные языковые личности. Любая языковая система вступает во взаимодействие с другой языковой системой посредством их носителей, обладающих индивидуальными психологическими особенностями.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение заимствований является одной из самых актуальных проблем современного языкознания. Причины появления этого явления в языке могут быть как внутрilingвистическими, так и внешnelingвистическими. Человеческие психологические факторы также оказывают влияние на распространение иноязычной лексики в разных языковых системах. Взгляд лингвистов на проблему выявления причин появления заимствований в национальном языке достаточно неоднозначен. Исследователи в своих работах излагают точки зрения, предлагая различные классификации внешних и внутренних факторов, способствующих проникновению иностранных слов в языки-приемники.

Рассмотрение теоретического и практического материала показывает, что процесс заимствования, являющийся многогранным явлением, обусловлен совместной работой внутрilingвистических, экстралингвистических и психологических факторов, представляющих сложную единую систему. Однако среди них можно выделить более или менее продуктивные.

Так, проанализировав 10 франкоязычных сайтов, методом сплошного анализа мы выявили 327 заимствованных лексических единиц. Изучение практического

материала показало, что доминирующими причинами заимствования могут являться внутрилингвистические факторы, которые тесно связаны с внутренними тенденциями языкового развития. Действительно, значимыми причинами появления заимствований являются, в первую очередь, проблемы, возникшие внутри определенной языковой системы:

— полисемия исконных слов: *le recordman, le raglan, le yacht, le short, le match, le meeting, le skipper* и т.д.;

— отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка для обозначения нового явления: *le rock, le punk, le slalom, Internet, le scanner, la webcam, le jean, le web* и т.д.;

— потребность в разграничении некоторых оттенков значения существующих в языке лексем: *le trench-coat, le shoot, le leader, flasher, le job, le smoothie* и т.д.;

— потребность языковой системы в более стилистически окрашенных лексических единицах: *le gentleman, le week-end, le sponsor, le street-art, le look, le staff* и т.д.;

— отсутствие у исконных слов некоторых позитивных или негативных коннотаций: *le cow-boy, le design, le body, le fan-club, le rush, le superman* и т.д.

Так как внутриязыковые причины не универсальны и варьируются от одного языка к другому, набор внутриязыковых причин зависит от конкретного языка.

Мы не отрицаем важности экстралингвистических факторов и рассматриваем их, вслед за С.В. Мангушевой и А.В. Павловой [11], как своего рода стимулы для появления заимствований в языке-приемнике. В условиях современной геополитической ситуации в мире, в условиях усилившейся глобализации невозможно оставить без внимания внеязыковые процессы, способствующие проникновению заимствований в различные языки мира. Тем не менее, каждая языковая система — отдельный самостоятельный механизм, который способен быстро и гибко реагировать на потребности общества. И появление иностранных слов в системе языка, в первую очередь, обусловлено внутрилингвистическими стимулами и причинами, существующими в рамках конкретной языковой системы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Багана Ж., Бондаренко Е.В. Ассимиляция заимствований из французского языка в среднеанглийских диалектах: Монография. М.: Инфра-М, 2012.
- [2] Богданова Л.И. Новые слова в аспекте взаимодействия языков и культур // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2015. № 2. С. 41—48.
- [3] Богородицкий А.В. Общий курс русской грамматики: (Из университетских чтений). Изд. 4-е, доп. Казань: Типолитограф. Имп. ун-та, 1913.
- [4] Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: Пособие для иностранных студентов-русистов. Владивосток: изд-во «Диалог», 1997.
- [5] Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979.
- [6] Волков С.С., Сенько Е.В. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1983.
- [7] Костоюшкина Г.М., Горбунова И.В. Стратегический аспект англицизмов в интернет-дискурсе // Вестник Челябинского Государственного университета. 2011. № 33. С. 75—77.

- [8] *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- [9] *Лотте Д.С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982.
- [10] *Майоров А.П.* Социальные аспекты взаимодействия языков в билингвистическом коммуникативном пространстве. Уфа: БГМУ, 1997.
- [11] *Мангушев С.В., Павлова А.В.* Экстралингвистическая и внутривербальная обусловленность языкового контакта // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 11. С. 157—160.
- [12] *Сидоров А.А.* Английская экспансия в современном французском языке // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2013. № 3 (13). С. 51—61.
- [13] *Смецкой А.И.* О некоторых внутренних тенденциях развития лексики в связи с проблемой заимствования // Вопросы романо-германской филологии. 1975. Т. 54 (157). С. 97—121.
- [14] *Hope T.E.* Loan-words as cultural and lexical symbols. Glasgow. 1962. Vol. 14. Fasc. 2.
- [15] *Richter E.* Fremdwortkunde. Leipzig, 1919.
- [16] URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/91243/Besser_Zigmund_-_Magisches_slova.html.

EXTERNAL AND INTERNAL CONDITIONALITY OF LANGUAGE BORROWING

L.M. Bukina

Department of French and German Languages
Faculty of Foreign Languages
State Socio-Humanitarian University
Zelenaya, 30, Kolomna, Russia, 140410

This article looks at the factors that condition borrowings in language. The exposure of borrowings in the language system is based on precise differentiation of intralinguistic and extralinguistic factors. The theoretical basis for this study were the works of Russian and foreign scientists (Bagana Zh., Breiter M.A., Crystal D., Kryisin L.P., et al) who were interested in such diversified phenomena as borrowings, in general, and in particular the reasons for them. Research is being conducted on the basis of the French language, certain illustrative units derived empirically in the process of researching these French websites: <http://www.linternaute.com>, <http://www.elle.fr>, <http://www.wuzz.fr>, <http://www.eurosport.fr>, etc. Borrowing can occur on all levels of language, but we considered the factors that facilitate borrowing and assimilation in the recipient language of lexical borrowings. The research is aimed at considering points of view of different linguists on the problem of borrowing into the recipient language and revealing similarities and differences in the views of scientists. Notwithstanding the fact that external reasons are acting as stimuli for borrowing, there are many linguistic research works that highlight their importance in the appearance and customization of foreign words in the recipient language. Intralinguistic factors dominate in the process of adopting a foreign word into the vocabulary of another language. Psychological factors play one of the key roles in the appearance of borrowings, as language contact is performed when bilingual speakers who have separate linguistic identities communicate. During the research the following methods were used: continuous sampling method, descriptive and analytical method, method of semantic analysis, method of comparison and contrasting.

Key words: borrowing, intralinguistic factor, extralinguistic factor, psychological factor.

REFERENCES

- [1] Bagana G., Bondarenko E.V. *Assimilyatsiya zaimstvovaniy iz frantsuzskogo yazyika v sredneangliyskikh dialektah: Monografiya* [Assimilation borrowing from French into Middle dialects]. Moscow, Infra-M, 2012.
- [2] Bogdanova L.I. Novye slova v aspekte vzaimodejstviya jazykov i kul'tur [New words in terms of the interaction of languages and cultures]. *Vestnik RUDN, serija Lingvistika*, 2015, no 2, pp. 41—48.
- [3] Bogoroditskiy A.V. *Obschii kurs russkoy grammatiki: (Iz universitetskikh chteniy)* [General course of Russian grammar (readings from the university)]. Izd. 4-e, dop. Kazan, Tipolitogr. Imp. un-ta, 1913.
- [4] Breyter M.A. *Anglitsizmy v russkom yazyike: istoriya i perspektivy: Posobie dlya inostrannykh studentov-rusistov* [Anglicisms in the Russian language: history and prospects]. Vladivostok, izd-vo «Dialog», 1997.
- [5] Vaynrayh U. *Yazykovyye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language contacts. Status and Problems of Research]. Kiev, Vischa shkola, 1979.
- [6] Volkov S.S., Senko E.V. *Neologizmy i vnutrennie stimuly yazykovogo razvitiya. Novyye slova i slovari novykh slov* [Neologisms and internal incentives of language development]. Moscow, Nauka, 1983.
- [7] Kostyushkina G.M., Gorbunova I.V. Strategicheskii aspekt anglitsizmov v Internet-diskurse [The strategic aspect of Anglicisms in Internetdiscourse]. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University]*, 2011, no 33, pp. 75—77.
- [8] Kryisin L.P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu jazyku i sociolingvistike* [Russian word, his and others': Studies in the modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004.
- [9] Lotte D.S. *Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazyichnykh terminov i terminoelementov* [Questions borrowing and ordering foreign-language terms and terminoelements]. Moscow, Nauka, 1982.
- [10] Mayorov A.P. *Sotsialnyie aspekty vzaimodeystviya yazykov v bilingvisticheskom kommunikativnom prostranstve* [Social aspects of the interaction of languages in the bilingual communicative space]. Ufa, BGMU, 1997.
- [11] Mangushev S.V., Pavlova A.V. Ekstralingvisticheskaya i vnutristrukturnaya obuslovlennost yazykovogo kontakta [Intrastructural conditioning and extra-language contact]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Orenburg State University]*, 2004, no. 11, pp. 157—160.
- [12] Sidorov A.A. Angliyskaya ekspansiya v sovremennom frantsuzskom yazyike [British expansion in modern French language]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatischeva [Bulletin of the VolgaUniversity VN Tatishcheva]*, 2013, no. 3 (13), pp. 51—61.
- [13] Smetskoy A.I. O nekotorykh vnutrennih tendentsiyah razvitiya leksiki v svyazi s problemoy zaimstvovaniya [Some trends in the development of internal language in connection with the problem of borrowing]. *Voprosy romano-germanskoj filologii [Questions Romance and Germanic Philology]*, 1975. T. 54 (157), pp. 97—121.
- [14] Hope T.E. Loan-words as cultural and lexical symbols. Glasgow, vol. 14, 1962, fasc. 2.
- [15] Richter E. *Fremdwortkunde*. Leipzig, 1919.
- [16] URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/91243/Besser_Zigmund_-_Magicheskie_slova.html.

© Букина Л.М., 2016

Дата поступления в редакцию: 10.11.2015

Дата принятия в печать: 22.12.2015

ГЕОМЕТРИЗИРОВАННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «НАРУШЕНИИ НОРМЫ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Т. Цзинь

Кафедра иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-макляя, 10-1, Москва, Россия, 117198

В статье на основе анализа переносных значений *выйти*, *перейти*, приставки *пере-* и их китайских аналогов 出 *чу*¹ и 过 *го*⁴ выделяется два геометризованных представления о «нарушении НОРМЫ» в языковом сознании, свидетельствующих о наличии двух видов НОРМЫ: рамочная — актуальна в первую очередь как ограничение, и линейная — актуальна как допустимая предельность в шкале возможных показателей. В свою очередь, линейная НОРМА может быть ориентировочной или абсолютной. При формировании значений «нарушения НОРМЫ» рассматриваемых нами языковых единиц наблюдается варьирование разных оценок рамочной НОРМЫ и различие в преобладании ориентировочной и абсолютной линейной НОРМЫ.

Ключевые слова: нарушение нормы, модель «выход», модель «переход», рамочная норма, линейная норма.

НОРМА является одной из важнейших категорий для человека и предметом исследования многих гуманитарных наук. «Представление о стандартах, или эталонах, и есть та антропометрическая позиция, которая служит тем фильтром, сквозь который, как через цветное стекло, воспринимается мир» [8. С. 39]. Что касается современного языкознания, то норма рассматривается прежде всего как абстрактная семантическая категория, отраженная в значениях лексических и синтаксических единиц, а также как важная составляющая языковой картины мира, тесно связанная с оценкой. В этой связи естественные языки становятся источником для дискурсивного и концептологического анализа культурных ценностей и социальных норм [2; 3; 5; 10].

Безусловно, в разных культурах представления о конкретных нормах, как о должном и сущем, могут различаться, и эти различия неизбежно находят отражение в естественных языках. Однако если абстрагироваться от конкретного содержания НОРМЫ, то возникает вопрос, существует ли различие в самом представлении о НОРМЕ для людей, говорящих на разных языках?

Вернемся к рассуждению о НОРМЕ у В.Н. Телии. Мы видим в нем явный прием метафоры. НОРМА, как и другие абстрактные понятия, представлена в сознании человека с помощью более конкретных, осязаемых образов. Поскольку «метафора выражает устойчивое подобие, раскрывающее сущность предмета, и в конечном счете его постоянный признак» [1. С. 293], то анализ метафорического отображения НОРМЫ в разных языках поможет нам глубже понять ее сущностный характер для человека, а такое понимание, в свою очередь, будет полезным для того, чтобы раскрыть механизм влияния на формирование значений конкретных языковых единиц такой универсальной категории, как НОРМА.

Предметом нашего анализа служат главным образом глаголы в китайском и русском языках, репрезентирующие конкретные перемещения в пространстве и имеющие широкую возможность для метафорического конструирования пространственных отношений, в частности, конструирования идеи «нарушения НОРМЫ». В результате такого анализа было обнаружено два регулярных геометризованных представления о «нарушении НОРМЫ», функционирующих в обоих языках.

ГЕОМЕТРИЗОВАННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О НАРУШЕНИИ НОРМЫ, ОТРАЖЕННОЕ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПРИМЕНЕНИИ МОДЕЛИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ «ВЫХОД»

Фиксатором перемещения из замкнутого пространственного участка (с границами со всех сторон) в открытый пространственный участок в китайском языке служит глагол 出 *чу¹*, в русском — *выйти*. Оба глагола имеют возможность репрезентировать смену состояний благодаря наличию в языковом сознании аналогии «состояние → место». В частности, для *выйти* характерно построение по образу противопоставления пространственной замкнутости/открытости бинарной оппозиции состояний до и после «выхода» [11. С. 90—91]. Наиболее обширно представлена языковыми материалами (по количеству корректных выражений *выйти из С*, где в позиции С находится слово, обозначающее определенное состояние) бинарная оппозиция состояний, построенная на общей оценке «плохо/хорошо», например, *выйти из тупика (одиночества, застоя и т.п.)*. Но встречаются и иные виды бинарной оппозиции, в которых просматривается представление о НОРМЕ: *выйти из повиновения, терпения, равновесия, себя; из-под влияния, власти, контроля, опеки; из поста, из диеты*.

В этих случаях состояние, из которого «выходят», предполагает некий набор признаков, определяющих образ поведения и мышления человека. Нахождение в таком состоянии означает соблюдение этих признаков как нормативных, следовательно, «выход» указывает на нарушение НОРМЫ, появление иных признаков в поведении и образе мышления, противоречащих прежней НОРМЕ. Наглядными примерами данного рамочного представления о НОРМЕ являются также выражения *выйти за рамки (дозволенного), выйти за пределы*.

*Дай руку, читатель, упрямся друг в друга мускулистыми черепами и попытаемся **выйти за пределы** штампованного евклидова мышления.* (Валерий Сердюченко. Вторая мировая революция: война в Ираке // Лебедь (Бостон), 2003.07.07)

В китайском языке также наблюдается схожее видение нарушения НОРМЫ.

出界 *чу¹цзе⁴* — буквально: 出 + границы. В прямом смысле означает «out» в спорте. В метафорическом смысле означает, что эмоции выходят из-под контроля.

出轨 *чу¹гуй³* — буквально: 出 + рельсы. В прямом смысле означает сход (поезда, трамвая) с рельсов. В метафорическом смысле означает, что поведение выходит за пределы моральных норм. В большинстве случаев речь идет об измене в супружеских отношениях.

出格 *чу'гэ²* — буквально: 出 + клетки. Используется только в метафорическом смысле и означает, что поведение (высказывание) выходит за пределы привычных, принятых социальных норм.

跳出禁锢 *тяо⁴чу¹ цзинь⁴гу⁴* — буквально: прыгать + 出 (в качестве результивного элемента) + заключение — выйти за пределы того, что сковывает человека. Речь идет, как правило, о «выходе за пределы» стереотипов, традиций, принятых обществом как НОРМА.

В метафорическом отображении идеи о нарушении НОРМЫ с помощью модели «выход» НОРМА геометрически представлена как нечто ограждающее человека со всех сторон, содержимое НОРМЫ в пределах границ определяет то, что следует соблюдать. С одной стороны, при таком геометризованном представлении о НОРМЕ на первый план выдвинута ее ограничивающая функция: соблюдать НОРМУ — значит в чем-то себя ограничивать, сдерживать эмоции, терпеть. С другой стороны, эта модель открывает суть такого видения НОРМЫ: то, чему нельзя определить границы и, следовательно, невозможно определить объем его содержания, не может быть воспринято человеком как НОРМА. Состояние, в котором оказывается человек после нарушения НОРМЫ, отображено как нечто открытое, не имеющее границ, и воспринимается как непредсказуемое. К чему может привести нарушение НОРМЫ — неизвестно и неконтролируемо. Собственные границы такого состояния не видны.

ГЕОМЕТРИЗИРОВАННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О НАРУШЕНИИ НОРМЫ, ОТРАЖЕННОЕ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПРИМЕНЕНИИ МОДЕЛИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ «ПЕРЕХОД»

В естественных языках встречается множество факторов, указывающих на присутствие корреляций «линия—граница» и «линия—предел». Достаточно посмотреть словарное толкование таких слов, как *граница*, *рубеж*, *черта*, *предел*, и можно убедиться, что везде присутствует слово *линия*. Иероглиф 限 *сянь⁴*, означающий «предел, ограничение», происходит от изображения, в котором далекий горный хребет (левая часть иероглифа) становится преградой для взора человека (правая часть иероглифа состоит из образа глаза наверху и изображения ног внизу) [16. С. 412]. Горизонт, являющийся естественным пределом для живущих на земле, также воспринимается нами как «линия». Можем предположить, что отображение более абстрактных понятий «граница» и «предел» как геометрической фигуры «линия» в сознании человека, скорее всего, актуально вне зависимости от того, на каком языке человек говорит.

Если корреляция между геометрической фигурой ЛИНИЯ и более абстрактным понятием ПРЕДЕЛ достаточно прозрачна, то подобная геометризация еще более абстрактного понятия НОРМА не столь очевидна. Тем временем предельность, безусловно, присуща понятию НОРМА. И нарушение НОРМЫ в языковом сознании метафорически может быть представлено как движение, пересекающее линию. Если эта гипотеза верна, то глаголы, репрезентирующие «движение, пересекающее линию» в физическом пространстве, должны иметь возможность репре-

зентировать нарушение НОРМЫ. Иными словами, в формировании переносных значений этих глаголов должна участвовать идея о НОРМЕ.

То, что восприятие перемещения в физическом пространстве при его фиксации языковым знаком проходит определенную геометрическую абстракцию, выявилось в ходе опроса носителей русского и китайского языков, суть которого заключалась в том, чтобы испытуемые схематически нарисовали, как они представляют глаголы перемещения. Схемы отличались степенью абстракции, но все без исключения изображали само движение как линию со стрелкой. Было также выявлено, что глаголы *перейти*, *пройти*, *обойти* различаются, в частности, геометрической характеристикой ориентира на пути.

Для модели «мимо» (зафиксированной за *пройти*) ориентир актуален как точка вне траектории движения; для модели «переход» (зафиксированной за *перейти*) — как линия, перпендикулярно расположенная к направлению движения; для модели «обход» (зафиксированной за *обойти*) — как масштабный двухмерный или трехмерный объект. Несмотря на то, что в китайском языке только один элемент 过⁴ ориентирован на траекторию перемещения, им фиксируются практически все те же модели перемещения, что дифференцированы тремя русскими глаголами [12. С. 49—50].

Итак, за 过 и *перейти* зафиксировано, среди прочего, представление о движении как «стрелке, пересекающей линию (→)». Перейдем к рассмотрению переносных значений 过 и *перейти*, которые содержат в себе идею о нарушении НОРМЫ.

Реализация значения «превышение предела» у 过

Значение «превзойти» числится в словарных статьях иероглифа 过. Существует мнение о том, что это значение возникло на основе представления о соревнованиях: опередить соперника (обогнать соперника) означает быть лучшим [13. С. 70]. Шэнь Цзясюань в статье «О 不过» также предположил, что значение «превзойти» возникло в результате трансформации первоначального значения «перемещение мимо какой-то точки в пространстве»: «превзойти» есть перемещение, в ходе которого один движущийся объект, изначально находящийся позади другого движущегося объекта, оказывается впереди него. 不过 (не + 过) имеет разные значения: 1) 过 реализуется как глагол со значением «превзойти», соответственно 不过 означает — что-то не достигает какого-то количественного показателя (не больше, чем); 2) 不过 превращается в самостоятельное наречие (в результате лексикализации) и означает «всего лишь»; 3) 不过 присоединяется к прилагательным и означает наивысшую степень; 4) 不过 является союзом и означает «однако» [15. С. 30].

Гипотеза о том, что значение «превзойти» у 过 тесно связано с прототипным ощущением соревнования (перемещение наперегонки), поддерживается тем фактом, что данное значение реализуется в случаях, когда 过 в качестве результативного элемента присоединяется к глаголам, репрезентирующим действие соперничества между двумя лицами или сторонами.

Следует отметить, что при реализации этого значения гораздо чаще применяется конструкция «возможности/невозможности» достижения результата (глагол + 得 (дэ² — получить, получиться) / 不 (бу⁴ — не, нет) + результативный элемент) или вопросительная конструкция, образованная с помощью выражения 怎么能 (как, каким образом + мочь — как это возможно).

比 би³ — сравниваться, соревноваться;

斗 доу⁴ — драться, биться, тягаться, соперничать;

争 чжэн¹ — стремиться быть лучшим; спорить; бороться за первенство;

竞争 цзин⁴чжэн¹ — конкурировать;

抗争 кан⁴чжэн¹ — сопротивляться, противостоять;

我们斗不过经营权术的人 буквально: мы + 斗不过 + заниматься + политикачество + служебное слово притяжательности + человек — *Мы не соперники этим политикачам.*

这个厂领导无方, 竞争不过人家 буквально: этот + счетное слово + завод + руководство + неумелый, 竞争不过 + другие — *Это предприятие не может составить конкуренцию из-за неумелого ведения деятельности.*

Другие глаголы, в семантике которых соперничество не является обязательным составляющим, при соединении с 过 уже репрезентируют не просто действие, а взаимодействие.

打 да³ — бить, драться. Глагол репрезентирует действие как направленное на кого-то, так и взаимное действие друг против друга. 打得 / 不过 подразумевает именно второй вариант:

他那么大个子, 我怎么能打过他? буквально: он + такой + человек высокого роста, я + как это возможно + 打过 + он — *Он такой великан, как это я смогу его побить?*

说 шо¹ — говорить. Действие «говорить» в конструкции 说得 / 不过 подразумевает, что речь произносится не для передачи информации, а направлена на переубеждение другого человека или подтверждение своей правоты.

他书读得多, 我说不过他 буквально: он + книга + читать + служебное слово к глаголу для добавления оценки + много, я + 说不过 + он — *Он начитанный человек, мне его не переспорить.*

Следует обратить внимание на то, что 过 в качестве результативного элемента к перечисленным выше глаголам реализовывает вовсе не значение «превзойти», а темпорально-аспектуальное значение — когда-то действие имело место: 竞争过 (между кем-то была конкуренция); 打过他 (бывали случаи, когда его били); 说过他 (критиковали, упрекали его).

Исключение составляют только глаголы, в семантике которых в явном виде содержится представление о соперничестве:

赶 ган³ — гнаться, догонять;

他们的技术已经赶过我们 буквально: их + технология + уже + 赶上 + 我们 — *Их технология уже превосходит нашу.*

赛 *sai*⁴ — соревноваться, состязаться;

这类人，鼻子赛过狼狗 буквально: этот + тип + человек, нос + 赛过 + овчарка — У людей подобного типа нюх даже лучше, чем у овчарки.

胜 *shen*⁴ — победить, выиграть, превосходить;

关心他人胜过关心自己 буквально: заботиться + другие + 胜过 + заботиться + себя — Ставить заботу о других выше заботы о себе.

压 *ya*¹ — давить, оказывать давление;

在气势上压过对手 буквально: по эмоциональному настрою + 压过 + противник — Психологически задавить противника.

盖 *gai*⁴ — закрывать (накрывать) крышкой;

流水声盖过了其它所有声音 буквально: течение реки + звук + 盖过 + аспектуальный показатель 了 + прочий + все + звуки — Шум от реки заглушал все прочие звуки.

Эти глаголы вписываются также и в конструкцию оценки «возможности / невозможности» достижения результата (глагол + 得/不过).

Как мы видим, в сочетаниях с 过 эти глаголы на самом деле становятся глаголами номинальными, т.е. они являются глаголами с грамматической точки зрения, но уже не репрезентируют реальное действие или вид деятельности. По сути, основополагающей идеей для построения подобных сообщений служит представление о сравнении. В некоторых южных диалектах Китая 过 добавляется к прилагательным для значения «кто-то / что-то превосходит кого-то / что-то по какому-то признаку» [13. С. 40]. Например:

这家店好吃过那家 буквально: этот + счетное слово + ресторан + вкусный + 过 + тот + счетное слово — В этом ресторане готовят вкуснее, чем в том.

В нормативном современном языке в случае с прилагательными идея сравнения реализовывается не с помощью 过, а 不过, и перед прилагательным обязателен элемент 最 (*zui*⁴ — самый) или 再 (*zai*⁴ — еще, больше, более). Оба эти элемента уже указывают на наивысшую или более высокую степень. Только 最 может самостоятельно означать наивысшую степень, а 再 — нет:

这最好了 буквально: это + 最 + хорошо + аспектуальный показатель;

这最好不过了 буквально: это + 最 + хорошо + 不过 + аспектуальный показатель;

这最好没有了 буквально: это + 最 + хорошо + нет + аспектуальный показатель;

? 这再好了 буквально: это + 再 + хорошо + аспектуальный показатель;

这再好不过了 буквально: это + 再 + хорошо + 不过 + аспектуальный показатель;

这再好没有了 буквально: это + 再 + хорошо + нет + аспектуальный показатель.

Необходимость наличия 不过 или 没有 (нет) в случае применения 再 достаточно хорошо иллюстрирует, каким образом в языковом сознании наивысшая степень репрезентируется через отрицание: нет ничего такого, что могло бы

быть еще лучше. А **不过** означает, что не существует ничего такого, что могло бы превышать данный уровень. Иными словами, значение **不过** связано с представлением о пределе.

Мы не отрицаем гипотезу о возможной взаимосвязи между значением «превзойти» и прототипным перемещением «наперегонки», однако, на наш взгляд, для образования данного значения восприятие прототипного перемещения претерпело значительную переработку. Важную роль при этом играют трансформация ориентира в абстрагированную линию и последующее построение корреляции «линия—рубеж», «линия—предел».

Наш анализ языковых материалов показывает, что в случае реализации значения «превзойти» речь вообще не идет о действии с его процессом и возможным результатом, а именно о сравнении. Существует некий ориентир, который задает некую планку (линию), а **过** указывает на пересечение этой линии. Иными словами, такие понятия, как «уровень», «степень», «рубеж», «предел», отображаются метафорически как некая осязаемая линия, пересечение которой означает превышение, и на этой основе возникает значение «превзойти», которое точнее должно быть сформулировано как значение «нарушение предела, заданного неким ориентиром или продиктованного жизненным опытом». Таким образом, реализация данного значения не что иное, как метафорическое применение модели «переход» (→).

Все упомянутые четыре значения **不过** также являются результатом функционирования данной модели, когда линия служит метафорическим отображением абстрактных понятий «предел», «рубеж», «планка»:

1) когда НОРМА представляется как некий количественный показатель, **不过** означает «не больше» этого показателя;

2) когда НОРМА представляется как некая оценка, **不过** означает, что эта «планка» оценки и так занижена и действие никак не переходит за какую-то дозволенную черту;

3) когда НОРМА представляется как некий признак с внутренней градуальностью, **不过** указывает, что ничто уже не может превышать наивысшую степень данного признака;

4) когда НОРМА изначально представляется как наличие самых разнообразных вариантов в обширных пределах, то союз **不过** (однако) указывает, что в этих же пределах существуют и другие факторы, которые могут вступать в некоторое противоречие к уже сказанному.

Когда корреляция «линия—предел» реализовывается для «сравнения», т.е. НОРМОЙ служит возможность некоего ориентира (одной стороны), **过** / **不过** указывает на большую/меньшую возможность у другой стороны. «Нарушение» предела такой ориентированной НОРМЫ не оценивается отрицательно. Оно становится отрицательным тогда, когда НОРМА для говорящего носит некий абсолютный характер. Такое представление о НОРМЕ находит отражение в наречиях, образованных с участием **过**: **过分** (**过** + мера), **过于** (**过** + служебное слово, озна-

чающее «по отношению к чему-то»). Эти наречия можно перевести как «чрезмерно, слишком». Следует отметить, что образ, стоящий за словом «чрезмерно», — все тот же образ «переход» 过: *через* (т.е. пересечение) *меру* (отображаемую как линия).

Представление о НОРМЕ также содержится в большинстве прилагательных. 过 (перед односложным прилагательным) или 过于 (перед двухсложным прилагательным) указывает на нарушение НОРМЫ: интенсивность какого-то признака, по мнению говорящего, превышает нормативную для какой-то конкретной ситуации. Например:

经济过热 буквально: экономика + 过 + горячий — *перегрев экономики*;

过于善良 буквально: 过于 + добрый — *слишком добрый* (чьей-то добротой пользуются другие, и по мнению говорящего это приводит к негативным последствиям).

Реализация идеи о нарушении НОРМЫ в значениях *перейти* и приставки *пере-*

Согласно «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова у глагола *перейти* всего 13 значений, и самое последнее описано как «Достигнуть какого-н. предела с превышением (разг. и обл.) *Время перешло за полночь*» [9. С. 133] В НКРС большинство примеров с использованием *перейти за* действительно относится к произведениям девятнадцатого века, но не только:

Посмотрите на стареющий состав — элиту науки — членов Академии наук России: средний возраст академиков повышается и далеко перешел за общий «средний» (Н.П. Бехтерева. Магия мозга и лабиринты жизни. 1994).

Образованный человек, раз только он перешел за некоторую, ему понятную, но со стороны недоступную черту и мысли, может веровать гораздо глубже и живее простого человека, верующего отчасти по привычке (за другими), отчасти потому, что его вере, его смутным религиозным идеям никакие другие идеи не мешают (К.Н. Леонтьев. Мое обращение и жизнь на св. Афонской горе. 1880—1890).

А примеры *перейти черту* вообще все без исключения современные:

Но никто из правящей элиты не ожидал, что по природе спокойные латыши перейдут черту, за которой мирные протесты превращаются в уличные беспорядки (Людмила Наздрачева. Кризис. Прибалтика в огне революции // Русский репортер. № 1—2 (080—081), 22—29 января 2009).

Самообладание ее все-таки начинает давать сбои; она уже перешла черту (Вячеслав Рыбаков. Хроники смутного времени. 1998).

Таким образом, при метафорическом применении *перейти* активизируется корреляция «линия–предел–дозволенная черта»: пересечение линии означает превышение предела и, следовательно, нарушение НОРМЫ.

Идея о нарушении НОРМЫ также проявляется в значениях приставки *пере-*, причем реализовывается в разных вариациях.

Вариация № 1 — вариация внутри одного действия/явления, основывающаяся на представлении о возрастании какого-то признака, в фокусе внимания здесь

находится факт «перехода» как превышения норматива, предусмотренного или принятого для определенного действия/явления. Иногда «норма» может быть описана с помощью количественных показателей, например, в случаях со словами *переварить, пережарить, пересолить, перегорчить, пересыпать, переест, перепить, перерасходовать, перебрать*. В работе Е.Р. Добрушиной, Е.А. Меллиной, Д. Пайар такие глаголы квалифицированы как ПЕРЕ-глаголы «чрезмерного количества». «Здесь два состояния, вводимые ПЕРЕ-, определяются тем, что один и тот же объект рассматривается два раза — по отношению к двум разным количествам одного и того же вложенного в него действия. Качественно разными эти состояния оказываются потому, что первое количество вложенного действия оценивается положительно, второе — отрицательно» [4. С. 77].

На наш взгляд, суть этих глаголов может быть интерпретирована не с точки зрения объекта, а непосредственно с точки зрения динамики развития самого действия: в какой-то момент некий количественный показатель, связанный с действием, превышает НОРМУ, метафорически такое превышение представлено как пересечение линии, которая, в свою очередь, отображает предел.

На самом деле далеко не всегда НОРМА может быть оценена количественными показателями. Гораздо чаще мы сталкиваемся с такими «нормами», которые не только невозможно оценить количественно, но даже трудно описать словами. Например, *переволноваться, перенервничать, переутомиться, переусердствовать, перестараться, перегибать (палку)*. Тем не менее, в этих случаях именно через приставку *пере-* передается представление о НОРМЕ, о том, что внутри одного действия/состояния предполагается предельная интенсивность, ее превышение оценивается как нарушение НОРМЫ, и в целом такое ПЕРЕ-действие оценивается как «излишество», «чрезмерность».

Вариация № 2 — сравнение. «Норма» задается в конкретных ситуациях ориентиром-соперником. В случаях *переспорить, перехитрить, переплюнуть, пересилить, переиграть, пережить (кого-н.)* присутствуют всегда две стороны, предел возможностей одной из них служит ориентировочной нормой, «переход» метафорически указывает на превышение данной нормы. Данная вариация очень похожа на рассмотренный нами механизм формирования значения «превзойти» у 过. Разница в том, что в китайском языковом сознании подобное сравнение носит, скорее, чисто оценочный характер, оно распространяется не только на сравнение возможностей в совершении какого-то действия, но и на сравнение объектов по какому-то признаку. А в русском варианте применение ориентировочной нормы актуально в обоих случаях: 1) для репрезентации конкретного действия с присутствием конкурирующих сторон; 2) для гипотетической оценки возможностей сторон:

Все они громко кричали, но отец, конечно, всех переспорил, эти люди ушли и больше никогда не приходили... (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Жук в муравейнике. 1979).

Знал же Василек, что дедушку не переспорить (Михаил Елизаров. Pasternak. 2003).

Для русского языкового сознания реализация представления об ориентировочной норме актуальна только по отношению к людям, и при этом «превышение нормы» не сводится к нарушению и, соответственно, негативный оттенок оценки не является обязательным сопутствующим элементом.

Вариация № 3 — представление о «норме множества переходов». В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Ушакова в значениях приставки *пере-* выделено такое значение, как распространение действия последовательно на множество предметов и окончательная исчерпанность какого-то действия: *перебрать (все случаи)*, *перемыть (всю посуду)*, *пересказать (все до конца)*, *передумать (много чего-н.)*, *перевестись (совсем исчезнуть)*. Ситуация представлена как повторение действия из-за наличия множества объектов, над каждым нужно совершить действие отдельно. В свою очередь, в повторяющемся над множеством объектов действии важно не только представление о том, что «*пере-*действием охвачены все элементы в их совокупности». Как нам представляется, понимание о «совокупности» является лишь побочным продуктом представления о совершении последовательного «перехода» от одного объекта к другому и так до последнего. Когда объекты неравноценны для действующего лица, «переход» от одного к другому имеет цель «оценить и выбрать то, что нужно»:

*Поехали за шляпкой в Гостиный двор, и Павел покорно ждал, пока Анна **переме-рила** дюжины две* (Ирина Ратушинская. Одесситы. 1998).

***Перебирая** свой архив, я наткнулся на снимки, выполненные 60 лет назад* (С. Вайнштейн. Очевидцы о Тунгусском метеорите // Наука и жизнь, 2008).

И в этой связи возникает еще одно представление о нарушении «нормы»: идея НОРМЫ отражается в допустимом количестве повторения действия над разными объектами, соответственно, чрезвычайная многократность действия оценивается как нарушение «нормы». Приставка *пере-* передает не только повторение действия над одним объектом, но и способна акцентировать внимание на повторении «перехода» с одного объекта на другой. А чрезмерное повторение, в свою очередь, оценивается как нарушение «нормы», и таким образом, приставка *пере-* в определенном контексте воплощает в себе одновременно и фиксацию «множества переходов», и оценку такого «множества переходов» как «нарушение нормы».

*Ложусь — и начинается... Уже чего только не **переговорили!** Он ведь парень-то хороший, Женюшка наш, но въедливый — сил нет!* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир. 2001).

Негативный оттенок в отношении данной ситуации у говорящего возникает за счет идеи о норме, которая нарушается *пере-*действием, указывающим как на множество повторений «говорения» об одном и том же, так и на множество «переходов» с одной темы «говорения» на другую.

Такого рода представление о «норме» и идея о «множестве переходов» присутствуют в русском языковом сознании, скорее всего, в сращенном виде. Об этом свидетельствует и определение носителями русского языка значений *пере-* в качестве вторичного префикса. В работе Ю.В. Серышевой и Ю.В. Филь выделяются три основных значения вторичного префикса *пере-*: репродуктивное (*переизби-*

рать, переоформлять, переподготовить и т.п.); дистрибутивное (*перезавясть, перерассказать, перепримерить* и т.п.) и чрезмерно-нормативное (*переостудить, перенаполнить, перевыполнить* и т.п.). Репродуктивное и дистрибутивное значение связано с реализацией идеи о «смене», а чрезмерно-нормативное — с реализацией идеи о «норме». Экспериментальным путем было выявлено, что «В языковом сознании участников экспериментов при осмыслении ситуаций действий, названных глаголами с ПЕРЕ-, актуализируются параметры ‘многократность действия’, ‘множественность и исчерпанность объектов’, ‘длительность’, требующиеся для выполнения указанных действий. При этом подобные ситуации оцениваются как превышение нормы глагольного действия, приводящее, как правило, к отрицательному результату» [7. С. 31].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявленные нами два варианта геометризированного представления о «нарушении НОРМЫ» показывают, что различаются, прежде всего, два вида НОРМЫ в сознании человека.

Первый вид актуален как ОГРАНИЧЕНИЕ и геометрически отображается как нечто замкнутое с границами со всех сторон, соблюдение такой НОРМЫ означает, что человек должен себя ограничивать, не давать себе полную свободу в действиях. Такого рода НОРМА задается как извне — обществом, культурной средой, человеком/людьми, обладающим/обладающими властью или авторитетом перед другим/другими, так и изнутри — человек сам задает себе рамки дозволенного. Нарушение такой рамочной НОРМЫ приводит к изменению более постоянного и глобального характера: человек становится в результате нарушения НОРМЫ несколько иным, с иным набором признаков в поведении и образе мышления. Нарушение такой НОРМЫ оценивается отрицательно, когда она касается моральных сторон жизни человека; и оценивается положительно, если НОРМА была преградой для развития, для проявления свободы в целях расширения кругозора и творческой деятельности.

Второй же вид НОРМЫ актуален как допустимая предельность в шкале возможных показателей, и эта «предельность» геометризирована как «линия». В свою очередь, линейная НОРМА может быть: 1) ориентировочной и применяется для сравнения, «перейти» в данном случае означает «превзойти» и оценивается скорее положительно; 2) абсолютной с точки зрения говорящего относительно конкретной ситуации, «переход» в случае с такой НОРМОЙ оценивается отрицательно. По сравнению с рамочной НОРМОЙ линейная НОРМА относится к локальному явлению/событию и не приводит к качественному изменению субъекта, совершающего нарушение НОРМЫ. Кроме того, для ориентировочной НОРМЫ важна идея сравнения двух объектов, «переход» представляется как чистый результат; для абсолютной НОРМЫ «переход» предполагает некий прогресс (внутреннее развитие события) по приближению к пределу, а результат проявляется в «пересечении линии — нарушении НОРМЫ».

Если говорить о конкретном применении модели «выход» для отображения нарушения рамочной НОРМЫ, то, судя по разнообразию выражений, в русском

варианте приобретает видение рамочной НОРМЫ как преграды, мешающей проявлению свободы личности, а в китайском варианте рамочная НОРМА больше относится к принятым в обществе правилам поведения, «выход» из нее, как правило, осуждается.

Что касается применения модели «переход», то в китайском языке в основном реализовывается представление об ориентировочной НОРМЕ; представление об абсолютной норме относится не к действию, а к признаку. Для русского языкового сознания также актуальна абсолютная НОРМА, которая определяет максимальную интенсивность, предельный объем приложенного усилия и потраченного времени (в случае повторения действия) для конкретного локального действия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. I—XV.
- [2] Бабаева Е.В. Лингвокультурологическое описание картины социальных норм // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. филол. науки. 2002. № 1. С. 53—60.
- [3] Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- [4] Добрушина Е.Р., Меллина Е.А., Пайар Д. Русские приставки: Многозначность и семантическое единство. М., 2001.
- [5] Ефанова Л.Г. Категория нормы в русской языковой картине мира: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Томск, 2013.
- [6] НКРС — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- [7] Серышева Ю.В., Филь Ю.В. Глаголы с вторичными префиксами ПЕРЕ- и НЕДО- сквозь призму языкового сознания носителей русского языка // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 24—35.
- [8] Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц. М.: Наука, 1986.
- [9] Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1996. Том III.
- [10] Федяева Н.Д. Нормы в пространстве языка. М.: Флинта, 2011.
- [11] Цзинь Т. Психолингвистический портрет глаголов перемещения (на материале русского и китайского языков // Вопросы психолингвистики. М., 2014. № 2. С. 42—55.
- [12] Цзинь Т. Реализация метафоры СОСТОЯНИЕ → МЕСТО в языковом сознании // Вопросы психолингвистики. М., 2013. № 1. С. 88—95.
- [13] 黄月华 多义词“过”的认知研究 // 外语学刊 2012 年第 4 期, 67—71 页 (Хуан Юехуа. Когнитивное исследование многозначного слова «过» // Изучение иностранных языков. 2012. № 4. С. 67—71.)
- [14] 张淑敏 华语与闽南语差比句的句法表现：以历时的角度以及构式语法的观点再出发 // 汉语方言语法研究的新视角——第五届汉语方言语法国际学术研讨会论文集. 上海, 2013. 33—46 页. (Чжан Шуминь. Синтаксические выражения сравнения в нормативном китайском языке и диалекте Миньнань: новый подход с позиции диахронии и конструкционной грамматики // Новые взгляды на исследование грамматики диалектов Китая: сборник статей 5-й Международной конференции по исследованию грамматики диалектов Китая. Шанхай, 2013. С. 33—46.)
- [15] 沈家煊 说“不过” // 清华大学学报 (哲学社会科学版) 2004 年第 5 期, 30—36 页. (Шэнь Цзясюань. О «不过» // Вестник университета Цинхуа. 2004. № 5. С. 30—36. (Сер. Философия и гуманитарные науки).
- [16] 汉学源流词典/谷衍奎编. — 北京：华夏出版社，2003. (Этимологический словарь китайских иероглифов / под ред. Гу Янькуй. Пекин: Изд-во Хуасяй, 2003.)

GEOMETRICIAN VIEW OF “VIOLATION OF NORMS” IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

Tao Tszin

The Foreign language Department
Peoples' Friendship University of Russia
Mikulko-Maklay str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

This article shows that there are two Geometry Drawing ideas about the "violation of NORMS" in the linguistic consciousness based on the analysis of the figurative meanings of “вы́йму” and “непе́йму”, prefixes “непе-” and their Chinese counterparts 出 and 过, which indicate the presence of two types of STANDARDS: a framework – primarily as a constraint, and linear – actually as valid irreducibility in the scale of possible indicators. In turn, the linear values may be approximate or absolute. During the values of "violation of RULES" formatted in the considered linguistic units, both variability of different ratings of the framework REGULATIONS and the difference in the estimated prevalence and absolute linear NORMS can be observed.

Key words: violation of norms, model “exit”, model “transition”, a framework norm and linear norm.

REFERENCES

- [1] *Arutjunova N.D.* Jazyk i mir cheloveka. 2-e izd., ispr. M.: Shkola «Jazyki russoj kul'tury», 1999. I—XV.
- [2] *Babaeva E.V.* Lingvokul'turologičeskoe opisanie kartiny social'nyh norm. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser. filol. nauki.* 2002. № 1. S. 53—60.
- [3] *Vezhbickaja A.* Ponimanie kul'tur cherez posredstvo ključevykh slov. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001.
- [4] *Dobrushina E.R., Mellina E.A., Pajar D.* Russkie pristavki: Mnogoznachnost' i semantičeskoe edinstvo. M., 2001.
- [5] *Efanova L.G.* Kategorija normy v russoj jazykovoj kartine mira: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Tomsk, 2013.
- [6] NKRS — Nacional'nyj korpus russsogo jazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- [7] *Serysheva Ju.V., Fil' Ju.V.* Glagoly s vtorichnymi prefiksami PERE- i NEDO- skvoz' prizmu jazykovogo soznanija nositelej russsogo jazyka. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2014. № 386. S. 24—35.
- [8] *Telija V.N.* Konnotativnyj aspekt semantiki jazykovykh edinic. M.: Nauka, 1986.
- [9] *Tolkovyj slovar' russsogo jazyka.* Ed. D.N. Ushakova. M., 1996. Tom III.
- [10] *Fedjaeva N.D.* Normy v prostranstve jazyka. M.: Flinta, 2011.
- [10] *Tszin T.* Psiholingvističeskij portret glagolov peremeshhenija (na materiale russsogo i kitajssogo jazykov. *Voprosy psiholingvistiki.* M., 2014. № 2. S. 42—55.
- [11] *Tszin T.* Realizacija metafory SOSTOJaNIE → MESTO v jazykovom soznanii. *Voprosy psiholingvistiki.* M., 2013. № 1. S. 88—95.
- [12] 黄月华 多义词“过”的认知研究 // 外语学刊 2012年第4期, 67—71页 (*Huang Yuehua* Kognitivnoe issledovanie mnogoznachnogo slova «过». *Izuchenie inostrannyh jazykov.* 2012. № 4. S. 67—71.)
- [13] 张淑敏 华语与闽南语差比句的句法表现: 以历时的角度以及构式语法的观点再出发 // 汉语方言语法研究的新视角——第五届汉语方言语法国际学术研讨会论文集. 上海, 2013. 33—46页. (*Zhang Shumin* Sintaksicheskie vyrazhenija sravnenija v normativnom kitajsskom jazyke i dialekte Min'nan': novyj podhod s pozicii diahronii i konstrukcionnoj gramma-

- tiki. *Novye vzgljady na issledovanie grammatiki dialektov Kitaja: sbornik stat'ej 5-j Mezhdunarodnoj konferencii po issledovaniju grammatiki dialektov Kitaja*. Shanhaj, 2013. S. 33—46.)
- [14] 沈家煊说“不过” // 清华大学学报 (哲学社会科学版) 2004 年第 5 期, 30—36 页. (*Shen Jiaxuan* О «不过». *Vestnik universiteta Cinhua*. 2004. № 5. S. 30—36. (Ser. Filosofija i gumanitarnye nauki).
- [15] 汉字源流词典/谷衍奎编. — 北京: 华夏出版社, 2003. (Jetimologičeskij slovar' kitajskih ieroglifov. Ed. Gu Yankui. Pekin: Izd-vo Huasjaj, 2003.)

© Цзинь Т., 2016

Дата поступления в редакцию: 07.09.2015

Дата принятия в печать: 02.12.2015

ХРОНИКА

РЕЦЕНЗИИ

АЛЕКСАНДРОВА И.Б. УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ. М.: МЕДИАМИР, 2014. — 328 С.

Жизнь современного русского слова во многом определяется его существованием в медиасреде. Журналистам, и прежде всего будущим, необходимы как серьезные теоретические познания в области лексикологии, так и навыки обоснованного отбора и точного использования лексических единиц. Анализ словоупотребления в современной медиаречи показывает, что она дает гораздо больше отрицательного материала, нежели удачных примеров обращения со словом.

Выпущенный доцентом кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова И.Б. Александровой «Учебный словарь по лексикологии» (под научной редакцией В.В. Славкина), на первый взгляд, выполняет в основном дидактическую функцию: он построен в соответствии с учебной программой по русскому языку и культуре речи, в нем представлены основные термины и понятия лексикологии, необходимые для формирования гуманитарных компетенций; кроме того, включен большой объем материала по истории и современному состоянию фразеологии.

Данное издание вышло в свет в серии «Учебник для журналистов» и представляет собой широко распространенный в международной учебной практике тип учебного пособия — учебный словарь, в котором в адаптированной для студентов форме излагаются основные понятия академического курса и важный справочно-информационный материал. Рецензируемый словарь наряду с базовым учебником и сборником упражнений может быть включен в учебно-методический комплекс по дисциплине «Русский язык и культура речи». Это делает словарь в практическом отношении весьма ценным.

Не менее важно, что данная книга обладает ярко выраженной функциональной направленностью. Словарь ориентирован на создание устойчивых навыков лексического анализа текста, включает большой иллюстративный материал (в основном из современной медиаречи) и развернутые комментарии удачных и неудачных примеров журналистского словоупотребления.

Одно из главных достоинств рецензируемой книги состоит в том, что она выходит за рамки собственно лексикологической терминологии. В словаре широко

представлен культурно-речевой аспект, что так важно в условиях повсеместного снижения, если не сказать падения, культуры публичной и частной речи. Поэтому вполне логичным представляется особое внимание к лексической и фразеологической стилистике, характерное для данного издания.

И еще одно обстоятельство расширяет возможности данного учебного словаря — это его общегуманитарная ориентация, стремление не только дать научные дефиниции, но и показать истоки современного русского языка и притоки, его пополняющие. Например, словарная статья «Аллюзия» включает помимо дефиниции понятия и типологии прецедентных феноменов еще и исследование выразительных возможностей аллюзии и реминисценции в поэзии постмодернизма.

Статья «Алфавит» представляет собой подробное, содержащее иллюстрации изложение истории создания графической системы современного русского языка. Словарь дает исчерпывающее представление об иронии, формах ее современного бытования, в частности стёба, характерного для трэш-журналистики. Нашло достаточное отражение в словаре и такое актуальное для современных СМИ явление, как возвращение в медиаречь конфессиональной лексики.

Особо следует отметить, что автор рецензируемого издания — И.Б. Александрова — известна научной общественности по своим книгам «Поэтическая речь XVIII века», «Становление лирики в русской литературе XVIII века», многочисленным статьям об истории русской словесности. Поэтому все историко-филологические сюжеты и комментарии, представленные в словаре, весьма интересны, оригинальны, важны.

Так, история российской словесности нашла достойное отражение в статьях «Филологическая мысль XVI—XVIII вв.», «Теория трех стилей», «Фразеология» и др.

Кроме того, и этим рецензируемое издание отличается от строгой, канонической формы словарей, в него включено значительное приложение, которое имеет историко-лингвистический характер и отражает важные этапы развития русской филологической мысли. Это и главы из «Краткого руководства к красноречию...» М.В. Ломоносова, и статьи Н.М. Карамзина и А.С. Шишкова. Фигура последнего в массовом сознании стала стереотипом отрицания заимствований и стремления заменить их русскими словами, пусть даже изобретенными и не вполне уместными. Приводимые в словаре фрагменты «Славянорусского корнеслова», «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» позволяют относиться к их автору, адмиралу и министру народного просвещения, А.С. Шишкову не столь однозначно. «Бесспорно, в ряде случаев, — пишет составитель словаря И.Б. Александрова, — предположения Шишкова о сходстве значений слов, взятых из разных языков, выглядят необычно, даже парадоксально, не со всеми его выводами можно согласиться. Однако статьи А.С. Шишкова отражают неподдельный интерес к родному языку, стремление автора проникнуть в суть словотворчества» (с. 4).

Заслуживает отдельного внимания хорошо подобранный список литературы, включающий монографии, учебные книги, словари и интернет-источники.

Жанр рецензии предполагает указания на недостатки работы; делаю это с трудом и только ради традиции. К сожалению, в словаре нет словарной статьи на *ли-*

тературный язык; в *стилистике* не обозначена историческая стилистика (как одно из направлений) и не выделено жирным шрифтом четвертое направление — практическая стилистика (см. с. 138—142); большего внимания заслуживают профессиональные диалекты (см. с. 39); видимо, техническими причинами объясняется отсутствие среднестрочных точек на картинке записи древнерусского числа — кириллической буквы под титлом (с. 27).

Рецензируемая книга, сочетающая необходимые обучающие позиции с фундаментальными теоретическими знаниями, рассказывающая об очень сложных лексикологических и стилистических понятиях легко и тонко, иногда даже занимательно, обновляющая традиционный раздел русистики новыми научными версиями и оригинальными языковыми примерами (тоже новыми), свидетельствует о незаурядном научном потенциале автора — Ирины Борисовны Александровой.

Считаю, что выход «Учебного словаря по лексикологии» отвечает не только интересам обучения будущих журналистов основам русской лексикологии и культуры речи, просветительским задачам, актуальным для современного российского высшего гуманитарного образования, но и в целом интересам российского общества.

Поскольку словарь издан ограниченным тиражом, желательно его повторное издание, чтобы он стал доступным для всех любителей и почитателей русской словесности.

М.В. Иванова

© Иванова М.В., 2016

Дата поступления в редакцию: 15.09.2015

Дата принятия в печать: 20.10.2015

З.Я. ТУРАЕВА. ОТ МАСТЕРСТВА ПИСАТЕЛЯ К ОТКРЫТИЯМ ЧИТАТЕЛЯ. В ПОИСКАХ СУЩНОСТИ ТЕКСТА. М.: URSS, 2016

В кругу современных гуманитарных дисциплин место текста определяется достаточно отчетливо: текст относят к ключевым понятиям культуры и актуальным объектам исследования. Гуманитарная мысль XX в., объявив антропоцентризм философским мировоззренческим принципом, а коммуникацию и диалог фундаментальными философскими категориями, закономерно обратилась к антропоцентричному тексту, «событие жизни» которого, по словам М. Бахтина, всегда совершается на рубеже двух сознаний.

В процессе осмысления этого сложного и многомерного события лингвистика текста эволюционировала от формальных устремлений к когнитивно-коммуникативным текстовым моделям. Концептуальные и методологические установки, которыми она руководствуется сегодня, несмотря на многообразие, отражают антропоориентированность и интерпретативный характер современного познания. Текст признается способом объективации картины мира автора как языковой личности и лингвокреативного субъекта, эффективным средством воздействия на картину мира *Другого* с целью ее трансформации в направлении авторской мирооценки.

Для определения истинности любых знаний о тексте, порождаемом и воспринимаемом когнитивными субъектами и литературными коммуникантами, текст встраивается исследователем в экстралингвистический (историко-социокультурный) контекст как целостную структуру знания. Взаимосвязи текста и литературных коммуникантов, текста и меняющегося контекста изучаются, таким образом, с позиции тех холистических тенденций, которые наблюдаются в современной науке в целом. Не ограничиваясь рамками «узких» научных интересов, лингвистика текста преодолевает монодисциплинарность, объединяет усилия с иными научными сообществами, то есть демонстрирует экспансию лингвистики, которую относят к парадигмальным характеристикам современной науки (Е.С. Кубрякова).

С обозначенных концептуально-методологических позиций написана и эти позиции проясняет новая книга З.Я. Тураевой, классика отечественной филологии и автора книг, образующих ее золотой фонд. Название книги — «От мастерства писателя к открытиям читателя», указывая на субъектность современных стилей научного мышления, напоминает и о том, что «распределение прав» между автором, читателем и текстом сегодня складывается скорее «в пользу» читателя, который, в отличие от «уже сказавшего слово» автора, реализует свое действительное начало в каждой новой интерпретации текста.

В аннотации к книге З.Я. Тураева ограничивает предмет исследования «некоторыми актуальными вопросами гуманитарного знания на рубеже тысячелетий», однако, как позже убеждается читатель, круг этих вопросов оказывается широким,

а ответы на них, представленные в 12 главах книги, демонстрируют не только целостность авторских взглядов на текст, но эволюцию авторской исследовательской позиции, неизбежную в условиях динамики социума и науки.

Глава 1 «Модели связного текста» акцентирует органичность включения лингвистики текста в когнитивную парадигму междисциплинарных исследований. Диалектическое понимание предмета исследования и уважение принципов преемственности научного знания, характеризующие книгу в целом, заставляют автора, не преуменьшая важности структурных подходов к тексту (первые структурные модели текста связываются автором с именами Платона и Аристотеля), отметить как важную и закономерную смену вех обретение науками о тесте антропомерного характера.

Авторская классификация текстовых моделей, которую З.Я. Тураева справедливо объявляет нежесткой (8), включает статические, динамические, структурные и стратегические модели. Если статические и близкие им по природе структурные модели текста ориентируют исследователя на само сообщение, синтакматику текста и его организацию (с. 8—9), то динамические (ассоциативные) модели текста ориентированы на получателя, идеи открытости и парадигматику текста, заставляя видеть в тексте социальное событие, они могут иметь, как это, например, присуще стратегической динамической модели ван Дейка, разнообразные человекомерные основания: контекстуальные, прагматические, ситуационные. Вывод автора о необходимости «совмещения системно-структурного и социально-когнитивного подхода» ориентирует исследователя на выстраивание корреляций между структурными и интерпретативными параметрами текста и представляет очевидную концептуальную значимость в современную нам эпоху бума рецепционистских теорий текста и активно обсуждающейся проблемой гиперинтерпретации.

Тысячелетние опыты творческой фантазии обращают исследователя к природе, механизмам и генезису «главного органа интеллекта» — воображения (Ортега-и-Гассет) и связанного с ним авторского вымысла. Уже в первой главе, говоря о «знаках вымысла», «знаках условности» как части более широкой проблемы игры с иллюзией реальности или отказом от нее, З.Я. Тураева переходит к одному из наиболее сложных и неоднозначно трактуемых вопросов текстовой проблематики — вопросу референции художественного текста. В Главе 2 «Лингвистическая демагогия и лингвистика лжи», помимо «расщепленной референции», определяющей особенности природы «как бы мира» художественного текста, в сферу авторского интереса вовлекаются актуальные проблемы языка как инструмента социального взаимодействия, языкового манипулирования и прагматики лжи, «коррупции языка» и демагогического искажения действительности.

В поисках ответа на фундаментальный вопрос лингвистики и логики — вопроса истины и ложности референции З.Я. Тураева уделяет особое внимание лингвистическим и экстралингвистическим средствам актуализации искусства социальной демагогии: полноте и неполноте информации, искусству номинации, эксплуатации грамматических категорий и приемов аргументации. То, что теория

аргументации и теория лингвистической демагогии, некогда преданные забвению, сегодня «переживают вторую молодость», автор отчасти объясняет нравами современного социума: «Искусство демагогии в наши дни постоянно совершенствуется. Злоупотребления языков становятся рутинной практикой, а неприятные истины одеваются в одежды, которые скрывают то неприятное, что они содержат» (с. 36).

В высокоинформативной Главе 3 «Лингвистика текста и категория модальности» З.Я. Тураева, отдавая должное дисциплине, проблемам которой она посвятила многочисленные научные труды, выделяет «магистральные линии» ее исследования (с. 40). Все они свидетельствуют об органичности включения лингвистики текста в современный антропоориентированный научный контекст и в очередной раз подтверждают обоснованность тех мнений, которые некогда упрекали эту дисциплину в неопределенности предмета исследования, пророчили ей недолговечность, а в самом термине «лингвистика текста» ощущали близость к концептуальному распаду.

Текст интересен Тураевой как средство общения языковых личностей, каждая из которых обладает субъективным видением объективного мира и отличается формирующими это видение смыслами и ценностями, как средство воздействия на получателя, способное изменить модель мира в его сознании (с. 39). Оправданность такого подхода доказывается не только тем, что структура и манифестация языковой личности определяют «классическую проблематику соотношения языка и мышления, языка и действительности, языка и социального взаимодействия» (с. 44), что априорно позволяет отнести эту проблему к числу извечно актуальных, но и процессом гуманизации лингвистики, ее сближением с когнитологией.

Эти изменения в траектории движения современной лингвистики З.Я. Тураева называет и причиной роста интереса к категории модальности, которую рассматривает как понятийную и «всеобъемлющую» категорию, «поглощающую целевую коммуникативную установку автора и категорию оценки» (45), в частности, оценку истинности.

В категории модальности, по мнению автора, обнаруживают себя интегрирующие свойства текста, в котором, через языковую личность (творящее текст Ego), воплощаются и «разные стороны языка», и изучающие их «разные парадигмальные составляющие лингвистической науки» (44).

Обращаясь к такому компоненту структуры категории модальности, как оценка истинности, автор подчеркивает отсутствие полного изоморфизма между модальностью текста и модальностью высказывания. В художественном тексте, где сочетаются отражательная и креативная установки, а фиктивные сущности соответствуют интенционалам языка и не всегда предполагают завершенность в виде экстенционалов, высказывание, справедливо отмечает З.Я. Тураева, может быть экстенционально ложным, но интенционально истинным. Из этого следует важный вывод: уместно говорить не о жестком противопоставлении истинного ложному, а о приоритете одного значения над другим (с. 46), например, о приоритете ре-

ального над ирреальным и наоборот. Мысль автора о том, что эти значения категории модальности участвуют в создании новой системы координат, в новом осмыслении бытия» (с. 47), не только убеждает в широком понимании категории модальности, но и напоминает о ведущей роли лингвокреативного начала в процессах концептуализации и вербализации вымышленных понятий.

В этой же главе предлагается описание и намечаются перспективы разработки средств текстовой модальности, затрагивается вопрос полимодальности (с. 49), содержится ряд оригинальных типологий, как то типология текстов (с. 46—47), основу которой формирует приоритет реального или ирреального (ср. социальный и готический роман), или типология контекстов (фондов) для анализа категории модальности (с. 51—54). Последнюю типологию автор, последовательно осмысляя текст как акт познания, именует «типологией правил описания модальных ситуаций», определяющих характер познавательных процессов (с. 54).

Главы 4 «Этнопсихологические особенности адресованности текста» и Глава 5 «Адресат как воплощение культуры и этноса» посвящены актуальным аспектам интерпретативной семантики текста. Интерпретацию называют сегодня действенным пониманием. Выводы З. Тураевой о значимости интерпретанты как составляющей акта семиозиса, о выдвигании на передний план эстетики адресата (с. 56), об адресате как о «неотъемлемом компоненте текста (проявлении его антропоморфизма)» и той силе, которая формирует семантические характеристики текста (с. 57, 68), подтверждаются всем ходом развития научной и литературно-критической мысли. В широкой исторической перспективе она, как известно, отказывается от идеи пассивной реконструкции авторских смыслов в пользу идеи их активного конструирования интерпретатором-соавтором.

В фокусе глав 4 и 5 оказывается адресат и категория адресованности, которую автор характеризует как прагма-семантическую (с. 69), синтезирующую общее и частное, универсальное и характерное только для данного социума (с. 58). Ключевые для осмысления этой категории понятия интерпретационной программы, сигналов адресованности и стратегии адресованности анализируются З.Я. Тураевой с позиций этнопсихологических и типолого-генетических характеристик адресата, в которых проявляются особенности культуры (с. 66).

Реализуя методологические установки современной гуманитаристики, автор настаивает на необходимости социокультурной контекстуализации знания о тексте, ищет в адресате «печать культуры и этноса», не мыслит текст без системы культурных кодов, игнорирование которых исследователем, как предостерегал Ю.М. Лотман, превращает текст в «надпись надгробную на непонятном языке». Обладание определенным тезаурусом, знанием широкого исторического контекста, специфических реалий культуры, особенностей той психологии и того менталитета, которые обретают художественное воплощение в тексте, — все эти условия глубинного проникновения в текст (глубинной интерпретации) блестяще иллюстрируются в главе на примерах из классической поэзии и лучших образцов отечественного кинематографа.

В XX в. в результате переосмысления теоретических основ гуманитарного знания исследовательская мысль обратилась к идеям двусубъектности гуманитар-

ного мышления, коммуникации и диалогу, диалогическим сторонам слова и диалогическим оборотам текста, диалогам языков, культур и стилей, т.е. к множественным проявлениям текстовой открытости. Художественный мир стал осмысляться как «сплошь диалогизированный» (М. Бахтин). Отражая эти реалии, Глава 6 «Интертекстуальность и единство культуры» сосредотачивает внимание читателя на явлении, концептуальную базу которого сформировали бахтинские принципы диалогизма — явлению интертекстуальности.

З.Я. Тураева трактует интертекстуальность как конституирующий принцип текстопорождения, понимая ее широко, но не отказывая тексту в референциальных свойствах и не замещая его самодостаточность, подобно последователям постмодернизма, авторитетом других текстов (Ильин). Универсализм идеи интертекстуальности автор подтверждает многообразием ее конкретных проявлений. Цитаты, образы, аллюзии, языковые проявления сближения и расхождения жанров в пределах функционального стиля, языковые маркеры синкретизма стилей или вторичности жанров (76—77), — все сигналы интертекстуальности рассматриваются как средства ее идентификации текстовым пространством, т.е. свидетельствуют о необходимости соотнесения интерпретативных и структурных параметров текста.

Название и содержание Главы 7 «Перелистывая страницы. Образ науки и культуры на рубеже тысячелетий» заставляют вспомнить слова Ю.С. Степанова о том, что сущность языка открывается лишь философскому взгляду. Размышляя о судьбах теории текста и филологии в целом, намечая магистральные линии исследования словесного искусства для современного ученого (с. 92), З.Я. Тураева обращается к широкому научному и культурному контексту, связывает переменны в филологии с общенаучными и общекультурными переменными. «Филологическая наука, пишет Тураева, не может стоять особняком. Она полностью антропологична и строится вокруг картины мира, находящейся в сознании носителей языка» (с. 86).

К свидетельствам антропологического поворота автор относит идеи когнитивистики и диалогизма, понимание текста как «продукта, порожденного языковой личностью и адресованного языковой личности», а интерпретации текста — как способной открыть путь к сознанию языковой личности через воссоздание ее языковые способностей, идей и идеалов (с. 91). Антропомерностью науки автор объясняет и интегративный характер исследований художественного текста, абсолютно антропоцентричная природа которого прогнозирует выход лингвиста в область психологии творчества и психологии восприятия, прагматики и герменевтики, стилистики и прочих гуманитарных дисциплин (с. 90—91).

Важным направлением эволюционных общекультурных процессов, определяющих образ современной науки о тексте, автор называет движение от идей структурализма и понимания текста как самодостаточной структуры к «новой парадигме мышления», утверждающей в качестве методологических и ценностных ориентиров пантекстуализм и концептуальное рефлексирование. «Последний период Нового времени» (Gildner), как определяют постмодернизм, объявляет войну основам и академическим началам, лишает истину ее объективного обоснования (с. 87), а в одном из наиболее известных «направлений» — деконструкти-

визме, критикует логоцентризм, бросая вызов традиционной интерпретационной технике и по сути постулируя нечитаемость текста (с. 88—89). Констатируя, что постмодернизм показывает человека существом смятенным, разорванным и лишенным целостности (с. 87), З.Я. Тураева находит этому объяснение, в очередной раз подчеркивающее неразрывную связь человека и мира: «Он таков, так как он живет в сложном, вероятностном, распадающемся мире» (с. 87).

Четыре из последующих глав книги — 8, 9, 11 и 10 — посвящены анализу произведений классической и современной литературы. В них З.Я. Тураева видит порождение мастера слова и способ объективации уникального авторского видения мира. Художественный текст как диалог между когнитивными субъектами, как средство воздействия на когнитивную систему адресата с целью изменения его картины мира и его самого как части мира формирует один из наиболее интересных лейтмотивов книги. Отдавая должное интерпретативному характеру современного познания и не отрицая важности для познания языка (Ср.: онтология воспринимаемого мира в значительной мере определяется языком, который рисует этот мир (с. 115)), как и в предыдущих главах, автор включает знание о тексте в широкий контекст современной культуры с доминирующими в ней художественными течениями и социальными процессами.

Анализ произведений, вынесенных на суд читателя книги, убеждает в том, что в мире эстетической действительности находят отражение и вечные истины, и суетные проблемы повседневной жизни.

Метаморфозы, которые происходят с романтическими героями Шекспира в циничную эпоху постмодерна (Глава 8. Путешествие с Шекспиром: другие времена, другие жанры); ксенофобия и «чуждость» иной культуры, с которыми сталкивается героиня английской писательницы китайского происхождения Сяолу Го в попытке обрести собственную идентичность (Глава 9 «Язык и когнитивная картина мира: „Краткий китайско-английский словарь для возлюбленных“»); взаимоотношения природы человека и общества в творчестве О. Бешенковской (Глава 11 «Стихи на песке»); вера в вечную жизнь искусства в сочетании с ощущением трагизма собственной жизни в поэзии Цветаевой (Глава 12 «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед») — все это многообразие тем, сюжетов и образов убеждает нас в действенности литературы, ее способности приобщить человека к миру через приобщение к культуре, научить понимать Другого, воспитать душу.

Особый интерес представляет Глава 10 «Русский язык в диаспоре». Как и остальные главы, она, бесспорно, подчинена научным интересам автора — проблемам языка, мышления и культуры, однако, теоретические рассуждения подкрепляются в ней ссылками на личный опыт З.Я. Тураевой, проживающей ныне в Германии.

«Основным инструментом» (с. 119) интеграции в чужую культуру автор называет язык принимающей стороны, поскольку овладение им помогает иммигрантам построить в сознании картину другого мира и тем самым избежать риска «потерять себя», оказавшись оторванным от родного языка и родной культуры.

З.Я. Тураева описывает разнообразные формы развития российско-германских связей, отмечая, что вклад русофилов в этот процесс качественно отличен от вкладов иных языковых общин, поскольку предполагает не столько знакомство с «чужеземной экзотикой» (с. 122), сколько создание культурных институтов, основным продуктом которых является язык. В качестве примеров автор ссылается на Всемирную ассоциацию русскоязычной прессы, международные конкурсы поэзии на русском языке, фестивали бардовской песни, поэтическое общество ИВУКУС, председателем конкурсного жюри которого является сам автор, и пр.

Книга Тураевой, бесспорно, относится к лучшим образцам отечественной научной литературы. Название книги отражает смысл существования ученого — стремление к истине, к поиску сути вещей. Эти поиски, присутствующие в авторских рассуждениях и принадлежащие разным временным периодам, позволяют читателю делать выводы об эволюции взглядов ученого, который никогда не утрачивал живой связи с наукой. Простота и убедительность изложения сложных научных проблем, охватывающих разные области гуманитаристики, гарантируют книге широкую аудиторию. Хочется обратить внимание и на то присущее истинному русскому интеллигенту чувство сопереживания, которое наполняет все рассуждения автора о судьбах человека и языка, науки и литературы, культуры и мира.

И.А. Щирова

© Щирова И.А., 2016

Дата поступления в редакцию: 30.11.2015

Дата принятия в печать: 20.12.2015

КОНФЕРЕНЦИИ

ПОСТИЖЕНИЕ ТАЙНЫ ЯЗЫКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ: о международной конференции «Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия». Москва, 19—21 ноября 2015 г.

Одним из значимых событий научно-лингвистической жизни России второй половины 2015 г. стала проведенная под эгидой Института языкознания РАН РФ конференция, посвященная памяти Вероники Николаевны Телия. Известно, насколько многосторонен был языковедческий талант Вероники Николаевны Телия — таким же многогранным является и ее научное наследие. Конференция, которая прошла в актовом зале Института языкознания 19—21 ноября 2015 г., была посвящена развитию лингвокультурологии, у истоков которой стояла проф. В.Н. Телия. Тот импульс, который изначально придали этому направлению ее научные изыскания, во многом объясняет успехи и популярность данной области языковедческих исследований. Конференция «Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия» была нацелена на то, чтобы, сфокусировавшись на признанных научной общественностью достижениях данного направления, наметить пути его дальнейшего развития.

Конференцию открыл директор Института языкознания РАН, член-корр. РАН Владимир Михайлович Алпатов. В своем приветственном слове В.М. Алпатов подчеркнул, что лингвокультурология как существующая в рамках антропоцентрической лингвистики исследовательская парадигма, заявившая о человеке как о мере всех вещей, поставила триаду ЯЗЫК — КУЛЬТУРА — ЛИЧНОСТЬ на лингвистическую повестку дня. При этом лингвокультурология подошла к описанию языка не в терминах формальных схем, а сквозь призму прагматических характеристик единиц языка и речи. В рамках данного направления лингвистических исследований культура понимается как маркированный ценностно-установочным характером процесс сознания и самопознания, а личность толкуется как актер, вербализующий результаты осознания своего «я» по отношению к миру.

Далее к участникам конференции обратилась ученица и продолжатель научной школы В.Н. Телия руководитель проблемной группы ИЯ РАН «Лингвокультурологические исследования» М.Л. Ковшова. С трепетом участники конференции выслушали фрагмент звуковой записи Вероники Николаевны. Научный тон конференции задали яркие выступления В.И. Заботкиной, М.Л. Ковшовой, В.В. Красных, В.М. Мокиенко, С.Е. Никитиной, В.И. Постоваловой.

Три основных ракурса освещения лингвокультурологической проблематики — дальнейшее развитие методологической базы лингвокультурологии, установление и расширение зон лингвокультурологического комментирования, практика проведения лингвокультурологических исследований — стали надежным доказательством состоятельности, востребованности и перспективности данного направления лингвистических исследований. В плане разработки и уточнения по-

нятийного аппарата лингвокультурологии докладчики активно обращались к таким понятиям, как культурные смыслы, концепты, языковая и концептуальная картина мира, языковое сознание, культурный код, лингвокультура. В качестве зон лингвокультурологического комментирования выступили единицы языка разноуровневой принадлежности (единицы лексического уровня, фразеологические единицы, языковые клише, синтаксические модели), а также различные типы дискурса (СМИ, спортивный, театральный, сказочный, юридический, избирательный, кулинарный и т.п.). Данные, полученные в результате эмпирических исследований, послужили доказательством эвристического потенциала лингвокультурологии, которая способствует достижению и постижению нового знания о функционировании языка.

Основной пафос выступлений, связанных с обоснованием теоретико-понятийного аппарата лингвокультурологии, был обусловлен тем, что методологическая база любой науки или научной парадигмы требует научной чистоты и строгости во всем, что касается базовых понятий. Явленная через язык и в языке культура и существующая, согласно В.В. Красных, как лингвокультура предполагает особую роль культурной информации. В связи с этим докладчики остановились на (1) определении понятия «культурная информация», (2) механизмах ее формирования, (3) месте ее локализации относительно границ слова, а также (4) на основных лингвокультурологических категориях.

По мнению М.Л. Ковшовой, культурная информация — это сведения о процессах и продуктах самопознания человечества, сложный комплекс знаний о мире во всем его разнообразии и сформированных в культуре представлений об их ценностном содержании. Культурная информация в семантике языкового знака представляет собой свернутый текст и итог восприятия мира. Соответственно, вопрос о семантике языкового знака в рамках лингвокультурологии приобретает дополнительную грань и истолковывается как вопрос о культурно-языковой семантике. Культурно-языковая семантика выявляется посредством обращения к основополагающим для лингвокультурологии терминам, раскрывающим базовые источники культуранности: культурный код и культурные смыслы.

Вопрос о культурной информации и месте ее локализации по отношению к единицам языка и речи служит источником многочисленных и нескончаемых дискуссий в рамках лингвокультурологии. Согласно существующим на данный момент теориям, цель которых состоит в том, чтобы идентифицировать культурную информацию в языковом знаке, место культурной информации варьируется. По мнению одних исследователей, культурно-ценностная информация бытует в рамках семантической структуры слова. Другие языковеды утверждают, что культурная информация связана с порождаемыми словом смыслами. Именно эту проблематику затронула в своем выступлении В. И Заботкина. Остановившись на взаимосвязи ментального лексикона и культуранности смыслов, она подчеркнула, что культуранные смыслы связаны с контекстами употребления слова, которые «питают» его смыслово. Большая роль в этом отношении принадлежит т.н. материнскому контексту, то есть контексту, в котором слово появилось впервые. Все это выражается в прагматическом коде слова, который представлен яд-

ром, импликационалом и эмоционалом. Импликационал связан с дистрибуцией слова, в результате которой закрепляется употребление слова, соответствующее контекстам его использования. Импликационал включает ассоциативные связи и эмоционально-оценочную окрашенность слова. Эмоционал раскрывается через эмоционально-оценочные смыслы.

На культураносность импликации в своем выступлении обратил внимание Т.Б. Радбиль. Исследователь призвал искать культурное значение не в явных формах, а в пресуппозициях, импликациях и инференции. При этом он подчеркнул, что культурную информацию можно черпать из трех источников: при исследовании концептосферы, посредством изучения опыта речевого взаимодействия (в импликатурах дискурса, культурных установках), а также в результате экстерииоризации культурного фона, то есть не входящей в семантическую структуру слова информации культурного свойства.

Механизму формирования культурной информации было посвящено выступление Е.Г. Беляевской. Она остановилась на роли культуры социума в формировании концептуальных основ семантики идиом и выявила параллели между культурными установками и культурными представлениями членов лингво-культурного сообщества, с одной стороны, и семантическим наполнением идиоматических выражений спортивной тематики, с другой.

Базовыми категориями лингвокультурологии традиционно исследователи называют категории «свой-чужой», прецедентность и ценностность. Данный список, согласно точке зрения И.В. Зыковой, можно дополнить категорией лингвокреативности. Креативность, по ее мнению, можно рассматривать как способность продуцировать модели воспроизводства культуры.

Целый ряд выступлений был посвящен дальнейшему расширению зон лингвокультурологического комментирования. В этом ряду, прежде всего, выделяются выступления В. И. Постоваловой и С.Е. Никитиной. Свое выступление «Концепт-мифологема «Царствие Небесное» в православном мирозерцании и ее осмысление в лингвокультурологии» В.И. Постовалова посвятила теолингвокультурологии или, в других терминах, теолингвистике, объектом которых выступает Язык и Тайна. В качестве зоны лингвокультурологического комментирования В.И. Постовалова выбрала концепт-мифологему «Царствие Небесное». Изучение данной ментальной единицы доказывает, что существуют пределы осознания концептов, после чего они уже переживаются. Мифологема-библеизмы, одной из которых и является «Царствие Небесное», предполагают несколько уровней анализа: лингвистический, мистический, религиозный и философский. В конечном итоге, анализ библеизмов на всех перечисленных уровнях способствует раскрытию «спящих смыслов», которые проявляются в определенных контекстуальных условиях. Соответственно, контекстуальный анализ приобретает особое значение для лингвокультуролога, поскольку способствует идентификации информации, связанной с ценностными установками носителей языка — представителей того или иного лингво-культурного сообщества. Теолингвокультурологическое направление, нацеленное на выявление взаимосвязи культуры, языка и религии, было представлено и в глубоком выступлении С.Е. Никитиной.

Вопрос расширения зон лингвокультурологического комментирования за счет включения в рамки лингвокультурологических исследований политлингвистических штудий нашел отражение в докладе Е.Б. Борисовой. Она остановилась на взаимоотношении языковой картины мира и дискурсно-обусловленной лексики. В частности, объектом анализа исследователя стал провластный и оппозиционный дискурсы, в рамках которых она выделила используемые в определенном виде дискурса слова-«обусловы», то есть дискурсно обусловленные слова, которые несут явную коннотацию, связанную с реализацией оценочного компонента, и привязаны к определенному виду дискурса (например, «молчаливое большинство»).

Антропонимы как носители богатейшей культуроведческой информации стали фокусом исследования А.Э. Левицкого. Он отметил, что культурологическая маркированность данного слоя лексики связана с их функциональной переориентацией, в результате которой сохраняется тело знака, но меняется его содержание.

Сложнейшим объектом лингвокультурологических исследований остаются синтаксические единицы. Именно им было посвящено выступление Е.М. Лазуткиной, которая обнаружила обширный пласт синтаксических моделей, свидетельствующих о наличии культурной информации (например, *По ком звонит колокол* и т.п.).

Три полных дня работы конференции были наполнены горячими и заинтересованными дискуссиями. Было вынесено на всеобщее обсуждение 78 докладов, проведено несколько круглых столов. Одной из ключевых идей, которая отчетливо прозвучала на конференции, была мысль о том, что язык является центральным компонентом этнокультурной идентичности личности, а потому невозможно переоценить роль родного языка в сохранении «своего» культурно-психологического пространства. Роль родного языка в сохранении и порождении культурной среды (Е.О. Опарина) составляет знакосимволическую роль языка. Наряду с этой функцией языка отражение в лингвокультурологических штудиях находит и осознание предметно-чувственного опыта носителя языка, поскольку *homo loquens*, человек говорящий, не может являться беспристрастным носителем познания. Через свои собственные методологические инструменты лингвокультурология дает возможность проникнуть в культурные смыслы, опосредующие рациональное познание, а это значит, что лингвокультурология позволяет приоткрыть одну из великих тайн языка как инструмента постижения мира, себя и себя в мире.

С.В. Иванова

**О РОЛИ КОНТЕКСТА
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ПУБЛИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ОБЗОР МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО СЕМИНАРА
“PROFESSIONAL AND PUBLIC COMMUNICATION:
MEANING IN CONTEXT”**

Г. Торунь, Польша, 16—19 октября 2015

16 и 19 октября 2015 года в Университете им. Николая Коперника (г. Торунь, Польша) состоялся междисциплинарный семинар «Professional and Public Communication: Meaning in Context» («Профессиональная и публичная коммуникация: значение в контексте»). Соорганизаторами мероприятия выступили Агнешка Совиньска, PhD, доцент кафедры английской филологии Университета им. Николая Коперника, и Татьяна Викторовна Дубровская, д. филол. н., зав. кафедрой «Английский язык» Пензенского государственного университета. Докладчиками семинара стали гости из нескольких университетов в разных городах Польши и России, а слушателями — их коллеги, а также студенты-магистры, обучающиеся на английской филологии. Семинар задумывался не как масштабное и многолюдное мероприятие, а как встреча коллег, располагающая к обсуждению, спору и живому общению. Организаторы так сформулировали свою задачу в информационном письме: «Цель семинара — поддержать теоретические и прикладные исследования в коммуникации, а также предоставить слово ученым, которые фокусируют внимание на разных аспектах конструирования смысла в профессиональном и публичном контекстах, включая юридическую, медицинскую, деловую, политическую и медийную сферы» (Перевод с английского здесь и далее мой. — *Т.Д.*). Заявленное название семинара успешно охватывало все перечисленные и некоторые другие сферы коммуникативного взаимодействия под ёмкой формулировкой «профессиональная и публичная коммуникация».

О публичном языке (*public language*) известный австралийский публицист Дон Уотсон пишет: «Публичный язык — это язык публичной жизни, язык ведущих политиков, бизнесменов и чиновников. Он официальный, формальный и иногда возвышенный. Это язык лидеров, а не ведомых, язык управленцев, а не управляемых. Он принимает разные формы: от выверенной риторики до бесформенной утомительной тягомотины. Но в любом случае это язык власти и влияния» [Watson, 2003: 1]. Разные языковые формы публичной коммуникации, а также контекст, в котором эти формы интерпретируются, и стали предметом обсуждения на семинаре.

Методологические подходы к языковому и речевому материалу не были ограничены, и участники продемонстрировали несколько возможных способов изучения контекста. Из 11 представленных докладов 5 исследований были выполнены в русле критического дискурс-анализа (CDA). Направление CDA активно развивается на кафедре прагматики Лодзинского университета, который пред-

ставляла **Моника Копытовска** (Monika Kopytowska), PhD. Интерес исследовательницы лежит в сфере масс-медиа: она изучает, как СМИ репрезентируют этничность и религию [Kopytowska, 2014]. На семинаре М. Копытовска выступила с докладом **“News discourse about Africa”** («Новостной дискурс об Африке»). Применяя в качестве методологической основы теорию проксимизации, исследовательница искала ответы на вопросы, как в новостном контексте, в контексте существующих журналистских практик реальность приближается к аудитории и какие визуальные и вербальные стратегии задействованы в процессе проксимизации. Докладчица разнообразила выступление интерактивными заданиями, демонстрируя, как контекст предопределяет стереотипное восприятие новостного текста.

Критический подход, но с акцентом на мультимодальный анализ реализовала в своей работе **Катажина Молек-Козаковска** (Katarzyna Molek-Kozakowska), PhD, из Университета Ополе в докладе, озаглавленном **“Visualization strategies in online science popularization: a critical multimodal analysis of newscientist.com”** («Стратегии визуализации при популяризации науки он-лайн: критический мультимодальный анализ сайта newscientist.com»). Исследовательница обращается не только к вербальной составляющей дискурса, но и к ее визуальному контексту, принимая в качестве исходной предпосылку о том, что визуальный характер новости может быть стратегически усилен за счет применения специфических лингвистических и визуальных ресурсов. Анализ научно-популярного сайта позволяет выделить несколько стратегий легитимации бионауки, которые автор доклада обозначила как гуманизация, доместикация и эстетизация и которые журналисты используют для репрезентации бионаучных достижений, вызывающих противоречивые оценки. Цифровые медиа, предлагающие широкие возможности для визуализации дискурса, анализировались в работах исследовательницы [Molek-Kozakowska, 2015].

В рамках СДА были выполнены и исследования российских ученых. **Т.В. Дубровская** (Пензенский государственный университет), предложила вниманию аудитории результаты текущего проекта, поддержанного РГНФ № 15-34-14001. Оба ее выступления были посвящены конструированию межнациональных отношений в разных типах дискурса. Особенности функционирования дискурса в медийном контексте и специфика репрезентации внешнеполитических событий в масс-медиа стали предметом сообщения **“‘And we don’t think that Russia is bad’: discursive construction of international relations in the media (a case study)”** («‘А мы не считаем, что Россия плохая’: дискурсивное конструирование межнациональных отношений в СМИ (кейс-стади)). Используя в качестве теоретической основы положения социального конструкционизма, исследовательница обсудила медийные репрезентации межнациональных отношений в терминах социальных акторов и их группировки, прагмалингвистических стратегий и языковых средств их реализации. Русскоязычная версия этого исследования доступна в печатном виде [Дубровская, Кожемякин, 2015]. В центре другого доклада Т.В. Дубровской **“Conceptual opposition ‘Strength vs. Weakness’ in Russian foreign policy dis-**

course” («Концептуальная оппозиция ‘Сила vs. Слабость’ в российском внешнеполитическом дискурсе») находился механизм дискурсивного конструирования отношений между странами-политическими акторами посредством приписывания им качеств «сила» или «слабость». На основе анализа выступлений российского министра иностранных дел были сделаны выводы об аксиологической нагруженности и несимметричности рассматриваемой оппозиции, а также о множестве лингвистических ресурсов, объективирующих эту оппозицию в контексте политического дискурса.

Критическое исследование **“The relationship between judicial power and the people in Russian and British print media: strategies of representation”** («Отношения между судебной властью и народом в российских и британских СМИ: стратегии репрезентации») представила еще одна участница из России **Н.С. Данкова** (Пензенский государственный университет). Опираясь на методологию Р. Водак, докладчица рассмотрела, как стратегии дистанцирования и объединения реализуются через набор типичных топосов и как контекст влияет на медийную интерпретацию отношений между народом и судебной властью. Важно, что привлекался не только собственно лингвистический, но и прагматический контекст, включая идеологическую направленность анализируемых печатных изданий. Более подробно о топосах и стратегиях репрезентации судебной власти в СМИ см. [Данкова, Дубровская, 2014; Dubrovskaya, Dankova, Gulyaykina, 2015].

Еще одну группу выступлений на семинаре составили собственно исследования по лингвистической прагматике, в которой контекст считается одной из основных категорий анализа, а понимание ситуации общения — необходимым условием для интерпретации намерений коммуникантов. Профессор Лодзинского университета **Марта Дыне́л** (Marta Dynel), Dr. hab., автор многих работ и сборников трудов в области юмора [Dynel, 2013], выступила с сообщением **“Humorous impoliteness in film talk”** («Юмористическая невежливость в кинематографических диалогах»). Опираясь на обширную теоретическую базу в виде работ по теории вежливости, М. Дыне́л остановилась на проблеме невежливости как развлечения и представила классификацию способов взаимодействия невежливости и телевизионной развлекательности. Применяя в своем анализе категорию опосредованного удовольствия, исследовательница предложила несколько характеристик невежливого юмора в теледиалогах, включая его косвенность, невыводимость намерений коммуникантов из вербальных сообщений.

Коммуникативные ситуации в сфере медицины стали объектом внимания еще двух выступлений в русле лингвистической прагматики. **Малгожата Сокол** (Małgorzata Sokół), PhD, из Щецинского университета и **Агнешка Совиньска** (Agnieszka Sowińska), PhD, из Университета им. Николая Коперника представили исследование материала польского онлайн форума для профессионального общения врачей. В докладе под названием **“‘Unfortunately, I had exactly this case...’. Narratives of vicarious experience told by Polish GPs”** («‘К несчастью, у меня был точно такой случай...’. Нарративы опосредованного опыта в речи польских терапевтов») ученые используют понятие опосредованного нарратива (vicarious narra-

tive), который представляет собой рассказ о чужом жизненном опыте. Такой тип нарратива начал исследоваться в прагматике сравнительно недавно [Norrick, 2013]. Докладчики ставили цель выявить функции опосредованного нарратива в рассматриваемом профессиональном контексте и пришли к выводу, что опосредованный нарратив в значительной мере способствует легитимации профессиональной идентичности коммуниканта. Некоторые положения о дискурсивном конструировании профессиональной идентичности врача изложены в [Sowińska, 2014].

Особенности профессиональной коммуникации были изучены также на материале корпоративной электронной почты. Исследование **Малгожаты Сокол** “**Impoliteness and rapport management in email-based workplace communication**” («Невежливость и управление отношениями в электронной деловой коммуникации на рабочем месте») подготовлено в рамках теории вежливости и демонстрирует, как меняются формы обращения, основной текст и формулы прощания в зависимости от коммуникативной ситуации и социального статуса коммуникантов.

Ориентированными на достижение практических задач представляются нам два следующих выступления. В одном из них — “**The application of electronic tools and resources in the analysis of public discourse**” («Применение электронных инструментов и ресурсов для анализа публичного дискурса»), представитель Университета им. Николая Коперника **Томаш Фойт** (Tomasz Fojt), PhD, обратился к методологии, применяемой в рамках корпусной лингвистики, и предложил алгоритм действий для идентификации в тексте метафор. Очевидно, что смысл метафоры ни в коем случае не сводим к совокупности смысла языковых единиц, он проявляется в контексте, что затрудняет идентификацию метафоры автоматическими средствами. Наглядная демонстрация применения автоматических средств обработки текста на примере публичного выступления Б. Обамы позволила участникам семинара понять принцип обработки данных. Метафора и особенности ее толкования изучались Т. Фойтом ранее [Fojt, 2012].

Другое методологически ориентированное исследование касалось вопросов обучения юридическому английскому и называлось “**Teaching and understanding legal English — treading on interlingual and intercultural differences**” («Обучение юридическому английскому и его понимание — на почве межъязыковых и межкультурных различий»). Специалист в области юрислингвистики и юридических переводов, профессор Лодзинского университета **Ивона Витчак-Плисецка** (Iwona Witczak-Plisiecka), Dr. hab., обратилась к проблеме межкультурного соответствия юридических текстов на разных языках, проанализировала примеры разной концептуализации юридических терминов в польском и английском языках, обсудила вопросы перевода Европейского законодательства на разные языки. Вопросы значения в прагматическом контексте исследовательница обсуждает в своих работах [Witczak-Plisiecka, 2007].

Контекст был представлен и в самом широком смысле как социокультурная среда, влияющая на формирование и последующий выбор коммуникантами средств на всех уровнях языка. Профессор Университета им. Николая Коперника **Вальдемар Сквишчак** (Waldemar Skrzypczak), Dr. hab., выступил с сообщением на тему “**Textual spaces in spoken Australian English: selected issues regarding pronunciation, expression and modes of interaction**” («Текстовое пространство

в разговорном австралийском английском: отдельные наблюдения о произношении, способах выражения и модусах взаимодействия»). В нем он обсудил особенности австралийского варианта английского языка в лингвокультурологической перспективе. Методические вопросы организации австраловедения в университете обсуждаются в других работах [Skrzypczak, 2004].

Широкая тематика семинара и разнообразие привлечённого материала не помешали сохранить акцент на главном: роли контекста в интерпретации смыслов. Семинар не предусматривал публикации сборника трудов, поэтому ниже даны ссылки на некоторые работы участников мероприятия, к которым можно обратиться, чтобы изучить интересующие вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Данкова Н.С., Дубровская Т.В. Репрезентация оппозиции «судебная власть — народ» в дискурсе российских печатных СМИ // *Филология и человек*. 2014. № 4. С. 35—45.
- [2] Дубровская Т.В., Кожемякин Е.А. Конструирование межнациональных отношений в СМИ: специфика репрезентаций // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. 2015. № 8(215). Вып. 27. С. 111—125.
- [3] Dubrovskaya T., Dankova N., Gulyaykina S. Judicial power in Russian print media: strategies of representation // *Discourse and Communication*. 2015. Vol. 9. Issue 3. P. 293—312.
- [4] Dynel M. (ed.). *Developments in Linguistic Humour Theory. Topics in Humor Research*. Vol. 1. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2013.
- [5] Fojt T. Metaphor-induced construal alternations // *Alternate Construals in Language and Linguistics*. *Philologica Wratislaviensia: Acta et Studia*, vol. 8. Wąsik Z., Czajka P. and Szawerna M. (eds). Wrocław: Philological School of Higher Education in Wrocław Publishing, 2012. Pp. 27—41.
- [6] Kopytowska M. Pictures in our heads: crisis, conflict, and drama // *Why Discourse matters: Negotiating Identity in the Mediatized World*. Kalyango Y. and Kopytowska M. (eds.) NY: Peter Lang, 2014. P. 89—109.
- [7] Molek-Kozakowska K. Revising the traditional model of journalism in the context of digital media // *Visions and Revisions: Studies in Literature and Culture*. Czemieli G., Galant J., Kędra-Kardela A., Kędzińska A. and Komsta M. (eds.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. P. 299—306.
- [8] Norrick N. Narratives of vicarious experience in conversation // *Language and Society*. Vol. 42. Issue 4. P. 361—383.
- [9] Skrzypczak W. Curriculum Design: Mapping out an Australian Studies Module for University Students // Buchholtz M. (ed.). *Post-Colonial Subjects*. Toruń: Nicolaus Copernicus University Press, 2004. P. 197—206.
- [10] Sowińska A. 'I must do everything to eliminate my negative attitude': Polish general practitioners' emotions toward patients with medically unexplained symptoms // *Linguistic Approaches to Emotions in Context*. Baider F. and Cislaru G. (eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 309—329.
- [11] Watson D. *Death Sentence. The Decay of Public Language*. Sydney: Vintage, 2003.
- [12] Witczak-Plisiecka I. *Language, Law and Speech Acts. Pragmatic Meaning in English Legal Texts*. Łódź: WSSM, 2007.

Т.В. Дубровская

ОБЪЯВЛЕНИЯ

27—28 мая 2016 г. Российский культурный центр в Будапеште проводит международную научно-практическую конференцию **«Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания»**. Работа конференции, организуемой совместно с Венгерской ассоциацией преподавателей русского языка и литературы, будет проходить в следующих секциях:

- ◆ Вопросы методики преподавания русского языка как иностранного.
- ◆ Русский язык делового общения.
- ◆ Лингвистические исследования и возможности их использования в практике преподавания русского языка как иностранного.
- ◆ Вопросы литературоведения, лингвокультурологии и художественного перевода.

Оргвзнос за участие в конференции и публикацию в «Вестнике» не предусмотрен. Проезд и пребывание в Будапеште — за счет направляющей стороны или самих участников конференции. Зарубежным участникам оказывается содействие в оформлении бесплатной въездной визы (при обращении в РКЦ не позднее 25 апреля 2016 г.).

Для участия необходимо прислать **заявку и материалы до 29 апреля 2016 года** направлять по двум электронным адресам в РКЦ в Будапеште Захаровой Елене Евгеньевне: zakharova@ruscenter.hu и генеральному секретарю ВАПРЯЛ Хамшовски Светлане Алексеевне: varjaj@gmail.com.

С информационным письмом и требованиями к оформлению материалов можно ознакомиться на сайте: www.ruscenter.hu.

21—22 июня 2016 года кафедра романской филологии Института лингвистики и Международной Коммуникации Московского государственного областного университета проводит Международную научную конференцию **«Романское культурное и языковое наследие: история и современность»**.

К обсуждению на конференции предлагаются следующие вопросы:

1. Фонетические, лексические и грамматические особенности франкоговорящих стран.
2. Цифровые технологии в преподавании романских языков.
3. Письменное литературное наследие региональных языков.
4. Контрастивный анализ и дидактика.
5. Романские языки и миграционная политика.
6. Лексикография и терминология.
7. Романские языки в синхронии и диахронии.
8. Морфология и синтаксис.
9. Нарратология.
10. Теория перевода.
11. Социолингвистика.

Заявки на участие в конференции и статьи принимаются до **15 мая 2016 г.**
по адресу: kaf-romfil@mgou.ru, iv.skuratov@mgou.ru, movistar_82@hotmail.com.
Сборник материалов будет размещен в РИНЦ.

**ICLLTL 2017: 19th International Conference on Linguistics,
Language Teaching and Learning
Barcelona, Spain, February 26—27, 2017**

The ICLLTL 2017: 19th International Conference on Linguistics, Language Teaching and Learning is the premier interdisciplinary forum for the presentation of new advances and research results in the fields of Linguistics, Language Teaching and Learning. The conference will bring together leading academic scientists, researchers and scholars in the domain of interest from around the world. Topics of interest for submission include, but are not limited to:

- ◆ Foreign Language Teaching and Applied Linguistics
- ◆ Language acquisition and learning
- ◆ Language education
- ◆ Intercultural Education
- ◆ Linguistics
- ◆ Discourse analyses
- ◆ Pragmatics
- ◆ Semantics
- ◆ Literature
- ◆ Applied linguistics
- ◆ Language teacher education
- ◆ TESOL / TESL / TEFL
- ◆ Language curriculum development
- ◆ Language teaching methodology
- ◆ Language testing and assessment
- ◆ Language program evaluation
- ◆ English for specific purposes
- ◆ Independent / Autonomous Learning
- ◆ Innovation in language teaching and learning
- ◆ Other FLTAL related issues

Deadline for submission — August 26, 2016

<https://www.waset.org/apply/2017/02/barcelona/ICLLTL>

**EALD 2017: CFP Egocentrism
and anthropocentrism in language and discourse
ENS de Lyon, France, Marh 30—31, 2017**

International Conference École Normale Supérieure de Lyon (Lyon, France)
30—31 March, 2017 ‘Egocentrism and anthropocentrism in language and discourse’
Organized by Laure Gardelle (ENS de Lyon, UMR ICAR) and Sandrine Sorlin (Aix-

Marseille University, LERMA, Institut Universitaire de France). This conference seeks to investigate the linguistic manifestations of egocentrism and anthropocentrism.

Deadline for submission: 10 July 2016. Notification of acceptance: 10 September 2016.

Proposals of around 300 words, together with a short bio, should be sent to both Laure Gardelle (laure.gardelle@ens-lyon.fr) and Sandrine Sorlin (sandrine.sorlin@univ-amu.fr), in French or in English. The main language of the conference will be English. Selected papers will be considered for publication (in English).

**ICLLTL 2017: 19th International Conference
on Linguistics, Language Teaching and Learning
Madrid, Spain, March 26—27, 2017**

The ICLLTL 2017: 19th International Conference on Linguistics, Language Teaching and Learning is the premier interdisciplinary forum for the presentation of new advances and research results in the fields of Linguistics, Language Teaching and Learning. The conference will bring together leading academic scientists, researchers and scholars in the domain of interest from around the world. Topics of interest for submission include, but are not limited to:

- ◆ Foreign Language Teaching and Applied Linguistics
- ◆ Language acquisition and learning
- ◆ Language education
- ◆ Intercultural Education
- ◆ Linguistics
- ◆ Discourse analyses
- ◆ Pragmatics
- ◆ Semantics
- ◆ Literature
- ◆ Applied linguistics
- ◆ Language teacher education
- ◆ TESOL / TESL / TEFL
- ◆ Language curriculum development
- ◆ Language teaching methodology
- ◆ Language testing and assessment
- ◆ Language program evaluation
- ◆ English for specific purposes
- ◆ Independent / Autonomous Learning
- ◆ Innovation in language teaching and learning
- ◆ Other FLTAL related issues

Deadline for submission — September 26, 2016

<https://www.waset.org/conference/2017/03/madrid/ICLLTL>

НАШИ АВТОРЫ

Болсуновская Людмила Михайловна (e-mail: bolsunovskl@tpu.ru) — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Института природных ресурсов НИ ТПУ. Сфера научных интересов — теория дискурса, дискурс-анализ, когнитивная лингвистика, методика преподавания иностранных языков, типологическая лингвистика, сохранение исчезающих языков и культур. Автор монографии «Способы глагольного действия в диалектах селькупского языка» (Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2008), соавтор монографии «Прикладная филология в сфере инженерного образования. Методология и методика языкового обучения в вузе» (Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2004), 15 учебно-методических пособий и более 70 научных статей.

Букина Лилия Михайловна (e-mail: lilehka1985@gmail.com) — аспирант кафедры французского и немецкого языков Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна). Сфера научных интересов — лексикология, психолингвистика, межкультурная коммуникация. Автор нескольких научных публикаций, в том числе в журнале, рецензируемом ВАК РФ.

Дементьев Вадим Викторович (e-mail: dementewv@yandex.ru) — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского университета. Сфера научных интересов — теория дискурса, коммуникативная аксиология, теория речевых жанров. Автор шести монографий, среди которых: «Непрямая коммуникация» (М.: Гнозис, 2006), «Теория речевых жанров» (М.: Знак: Языки славянских культур, 2010), «Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике» (М.: Глобал Ком: Языки славянских культур, 2013), учебников «Курс польского языка» (Саратов: СГУ, 2003) и «Курс русского языка» (Саратов: СГУ, 2005) (в соавторстве).

Горностаева Анна Александровна (e-mail: anngornostaeva@yandex.ru) — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общепереводческой подготовки Факультета межкультурной коммуникации МИПК, Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). Сфера научных интересов — лингвопрагматика, лингвостилистика, анализ

дискурса, когнитивная лингвистика. Автор 2 монографий, среди которых: «Ирония как компонент английского стиля коммуникации» (Изд-во: Маска (Литкон, 2013), «Политика и ирония: совместимость и взаимодействие» (Изд-во: Маска (Литкон, 2015).

Гайнаншин Мансур Фарвазович (e-mail: mansur5701@rambler.ru) — аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, старший преподаватель кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. Сфера научных интересов — лингвокультурология, лингвосинергетика, научно-технический перевод. Автор нескольких научных публикаций, в том числе в журналах, рецензируемых ВАК РФ.

Дмитриева Елена Григорьевна (e-mail: elena@4433.ru) — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН. Сфера научных интересов — общее и сравнительно-типологическое языкознание, социолингвистика, диалектология.

Иванова Светлана Викторовна (e-mail: svet_victoria@mail.ru) — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка и межкультурной коммуникации, Башкирский государственный университет. Сфера научных интересов: лингвокогнитология, лингвоконцептология, дискурс-анализ текстов СМИ, политическая лингвистика, теория текста, гендерная лингвистика. Автор более 150 опубликованных научных трудов, в том числе монографий и учебных пособий: Культурологический аспект языковых единиц: Монография. Уфа, 2002; Лингвокультурология и лингвокогнитология: Сопряжение парадигм: Учебное пособие. Уфа, 2004; Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности: Учебное пособие. Уфа, 2004. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебное пособие. Уфа, 2011 и др.

Иванова Мария Валерьевна (e-mail: g-vinograd@mail.ru) — доктор филологических наук, профессор, декан очного факультета ФГБОУ ВО «Литературный институт им. А.М. Горького». Сфера научных интересов — история русского языка, его грамматика и лексика древнего периода, теория и история русского литературного языка, текстология, лингвистическое источниковедение. Автор более 120 научных работ, среди которых: «Историческая грамматика русского языка» (М., «Академия». 2011), «Значимость изучения стилистики древнерусского житийного жанра и его поздних трансформаций» // «Стилистика сегодня и завтра» (М., МГУ им. М.В. Ломоносова. 2014).

Ремчукова Елена Николаевна (e-mail: remchukova@pochta.ru) — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН. Сфера научных интере-

сов — функциональная грамматика и аспектология, креативная деятельность языковой личности и креативный потенциал языка, язык рекламы. Автор более 100 научных публикаций, среди которых 6 учебно-педагогических пособий и монографии: «Морфология современного русского языка. Категория вида глагола» (Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007), «Креативный потенциал русской грамматики» (Издание второе, исправленное и дополненное. М. УРСС, 2011).

Чанышева Зульфира Закировна (e-mail: chanyshevazz@yandex.ru) — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета. Сфера научных интересов — этнолингвистика, лингвопрагматика, лингвокультурология, корпоральная семантика, переводоведение, лексикография. Автор монографий и учебных пособий, среди которых: «Проблемы исследования корпоральной семантики» (Монография. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2013), «Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения» (Монография. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2010) (в соавторстве с С.В. Ивановой), «Переводоведение и практика перевода» (Учебное пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2010).

Шевченко Ольга Александровна (e-mail: oluska86@rambler.ru) — аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН. Сфера научных интересов — функциональная грамматика и аспектология; современные языковые процессы; лингвокреативные составляющие современных СМИ; лексико-грамматические механизмы речевого воздействия. Количество публикаций 11, из них 5 в Университете г. Гранада (Испания).

Щирова Ирина Александровна (e-mail: ephil-herzen@mail.ru) — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии, РГПУ им. А.И. Герцена. Сфера научных интересов — общие вопросы теории текста; лингвистика текста, интерпретация текста, стилистика; философия литературы, философия и методология науки; вопросы текстотипологии и литературной семантики. Автор 168 научных и учебно-методических работ, включая 8 монографий (из них 1 в соавторстве, 4 главы — в коллективных монографиях), 4 учебных пособия (из них 2 в соавторстве) и 19 публикаций в международных изданиях.

Цзинь Тао (e-mail: jintao-m@yandex.ru) — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН. Сфера научных интересов — психоллингвистика, когнитивная лингвистика.

Координационный Совет научного журнала «Вестник Российского университета дружбы народов»

Филиппов В.М. — ректор РУДН, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО — *председатель Совета*

Зарюто С.А. — заместитель директора ИПК РУДН — *ответственный секретарь Совета*

Члены Координационного Совета:

Абрамов А.Ю. — директор медицинского института РУДН, кандидат медицинских наук, доцент

Балыхина Т.М. — декан факультета повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного РУДН, доктор педагогических наук, профессор

Барабаш В.В. — декан филологического факультета РУДН, доктор филологических наук, профессор

Воскресенский Л.Г. — декан факультета физико-математических и естественных наук РУДН, доктор химических наук, профессор

Ефремов А.П. — проректор по учебной работе, доктор физико-математических наук, профессор

Кирабаев Н.С. — проректор по научной работе, доктор философских наук, профессор

Мосейкин Ю.Н. — декан экономического факультета, доктор экономических наук, профессор

Плющиков В.Г. — директор Аграрно-технологического института РУДН, доктор сельскохозяйственных наук, профессор

Пономарев Н.К. — декан инженерного факультета РУДН, кандидат технических наук, доцент

Цвык В.А. — декан факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, доктор философских наук, профессор

Черных Н.А. — декан экологического факультета РУДН, доктор биологических наук, профессор

Шаронов В.Н. — директор ИПК РУДН, кандидат физико-математических наук

Якушев В.В. — декан факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН, кандидат химических наук, доцент

Ястребов О.А. — директор юридического института РУДН, доктор юридических наук, профессор

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Научный журнал

Серия
ЛИНГВИСТИКА

2016, № 1

Редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика»:

ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 434-20-12
e-mail: vestnik_rudn@mail.ru

Подписано в печать 31.03.2016. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New RomanPS».
Усл. печ. л. 16,74. Тираж 500 экз. Заказ № 113

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел. 952-04-41

Russian Journal of linguistics.

Vestnik RUDN

Academic journal

**Series
LINGUISTICS**

2016, N 1

Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board

Series «Linguistics»:

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 434-20-12
e-mail: vestnik_rudn@mail.ru

Printing run 500 copies

Address of PFUR publishing house

Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

36436

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Лингвистика»

Количество
комплектов:

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

36436

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Лингвистика»

Стои- мость	подписки	руб. ___ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб. ___ коп.	

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

ВЕСТНИК РУДН

(индекс издания)

Серия _____

Количество
комплектов:

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.	

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
